

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

21 2026
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Грегори Хаус* (1959), главный герой американского телесериала «Доктор Хаус», роль которого исполняет британский актер Хью Лори.

Доктор Грегори Хаус — циничный и язвительный тип, который терпеть не может общаться с пациентами, старательно «косит» от работы и говорит гадости. При этом он лучший диагност в больнице, к нему обращаются в сложных и непонятных случаях. Работает Хаус с командой врачей, которых подбирает, руководствуясь своеобразными критериями. Доктора Формана, афроамериканца, Хаус нанял за юношескую судимость, которую посчитал признаком готовности к действию, Кэмерон — за внешнюю красоту, а Чейза — потому что Хаусу позволили и попросили об этом.

Образ Хауса создатели сериала выстроили на ассоциациях с Шерлоком Холмсом. Даже фамилия героя — Хаус (от house — дом) вызывает прямые ассоциации с фамилией Холмс (Holmes звучит как «хоумс», «дома» по-английски). Как и у великого сыщика, у Хауса есть верный друг и спутник доктор Уилсон, чья фамилия также наводит на ассоциации с Ватсоном. Даже адреса, где живут герои, совпадают почти полностью. Знаменитый дом Шерлока Холмса находится в Лондоне, на Бейкер-стрит, 221Б. Доктор Хаус тоже живет на Бейкер-стрит, 221, квартира Б, но в Принстоне, штат Нью-Джерси. Больше того, Хаус и доктор Уилсон занимают одну квартиру и живут в соседних комнатах, как Холмс и доктор Ватсон.

Сходство с Холмсом этим не ограничивается. Герой Конан Дойля употребляет наркотики внутривенно, когда мучается скукой из-за длительного отсутствия работы. Хаус «сидит» на обезболивающем, в состав которого входит опиат. Доктор Хаус принимает этот препарат вынужденно, а не из прихоти. Как и Холмс, доктор использует дедуктивный метод и элементы расследования, чтобы поставить диагноз. Коллеги доктора обыскивают дома пациентов в поисках улик, как если бы это было местом преступления, а сам Хаус интересуется только экстраординарными, сложными медицинскими случаями и часто впадает в скуку из-за простой и рутинной работы.

Холмс играл на скрипке, Хаус же играет на фортепиано, гитаре и губной гармошке. Он так же, как и знаменитый детектив, бесцеремонно относится к людям. Часто доктор не только ставит диагнозы, используя дедуктивный метод, но и выдает нечто о личной жизни и обстоятельствах больного. К примеру, сообщает человеку, что тому изменяет жена.

В жизни Хауса промелькнул и Мориарти. Человек с такой фамилией стрелял в доктора в заключительном эпизоде второго сезона. А в одиннадцатом эпизоде пятого сезона друг Хауса, доктор Уилсон, рассказывает байку (выдуманную) о некой Ирен Адлер, в которую Хаус якобы был влюблен, а та бросила доктора.

Хаус страдает из-за своей хромоты и ходит с тростью. Это не мешает герою отпускать злые шуточки в адрес других «калек». Герой постоянно пытается избежать

встречи с пациентами, старается провести день в кабинете и улизнуть из больницы, как только рабочий день заканчивается. При этом Хаус — отличный специалист, который готов рисковать и принимать ответственность, когда берется лечить сложные случаи. Герой начинает лечение часто на ходу, не дожидаясь дополнительного подтверждения предварительно поставленного диагноза (на это обычно нет времени).

Хаус избегает надевать медицинский халат, чтобы пациенты не идентифицировали его как врача и не набросились с просьбами о консультации. При этом ему вовсе не безразлична судьба пациентов.

Внешне доктор Хаус выглядит как стареющий мужчина: худой, длинный, «помятый» и небрежный в одежде. Герой любит листать журналы, смотреть медицинские сериалы по телевизору, но когда доходит до дела, Хаус незаменим. Несмотря на хромоту и нелюбовь к работе, герой легко приезжает в клинику ночью, когда в этом действительно есть необходимость. Коллеги Хауса относятся к нему с большим уважением. Директор клиники в беседе с недовольным пациентом открыто называет Хауса мерзавцем, но не может его уволить, потому что этот «мерзавец» — лучший врач в клинике.

Грегори Хаус — блестящий диагност, чьи знания охватывают нефрологию, инфекционные болезни, онкологию, ревматологию и генетику. Его база знаний не ограничивается учебниками: он использует свои познания в физике, химии, истории и токсикологии, мастерски выстраивая логические цепочки.

Хаус совмещает глубокие академические знания с выдающимися практическими навыками.

Он имеет две официальные специализации: инфекционные болезни и нефрология, виртуозно применяет знания из смежных областей, выявляя редкие аутоиммунные патологии, генетические аномалии (например, синдром Элерса — Данлоса) и последствия токсических воздействий.

Самая известная цитата из сериала: «Все врут». Доктор Хаус игнорирует слова пациентов, обращая внимание на каждую деталь их быта, истории болезни и генетики. В сериале Хаус мастерски проводит мозговые штурмы с командой, отсекая неверные гипотезы и проверяя нестандартные патогенетические механизмы.

Несмотря на кинодопущения, когда редкие диагнозы следуют один за другим, образ Хауса стал культовым благодаря его глубокому погружению в суть биологических процессов. Он превращает поиск диагноза в настоящее научное расследование. В реальной медицине его подход часто служит образцом нестандартного мышления, а иногда реальные врачи используют его метод для спасения тяжелых пациентов.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдуллина Д. Р.

Личностно ориентированные юристы против циничных правоведов..... 317

Адилханов М. З.

Поддержание государственного обвинения по делам экстремистской направленности: проблемы доказывания и построения обвинительной позиции..... 318

Алкеева К. С.

Мошенничество в сфере персональных данных и его проблематика 321

Апальков И. А.

Почерковедческая экспертиза в современной криминалистике: актуальные проблемы..... 323

Афтаев Д. В.

Парламентские группы в системе внешнеполитической деятельности Российской Федерации и их функции 325

Бадаква Е. В.

Ответственность за налоговые правонарушения: теоретико-правовая характеристика и практика применения 327

Балакина В. С., Подгорная П. В.

Роль центрального банка в обеспечении финансовой стабильности страны 330

Березовский А. Е.

Проблема обеспечения правового равенства среди ветеранов боевых действий в Российской Федерации..... 331

Бордунов Г. И.

Актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности..... 333

Бочкарева С. Г., Гатауллина М. С.

Проблемы квалификации фишинга как способа интернет-мошенничества в российском уголовном праве 336

Бражников Г. Д.

Тактические приемы подготовки к обыску 338

Бражников Г. Д.

Тактические и психологические приемы производства обыска..... 340

Быканова К. А.

Современное состояние законодательства и правоприменительной практики по защите права собственности от посягательств 342

Воронов В. А.

Правовое регулирование защиты прав несовершеннолетних в России 344

Гамаюнов С. С.

Историческое развитие вещных прав лиц, не являющихся собственниками, в зарубежном праве 346

Генин В. Н., Стародубцев Е. Э.

Материнский (семейный) капитал как мера государственной поддержки семей: актуальные проблемы и пути их решения 349

Герт А. И.

Отдельные проблемы защиты персональных данных гражданина-потребителя в гражданских правоотношениях с маркетплейсами 351

Глушенко А. А.

Некоторые проблемы принятия и отказа от наследства 353

Годин А. В.

Влияние цифровых трансформаций на правовой статус юридического лица..... 356

Голованов А. В.

Роль средств массовой информации в антикоррупционной деятельности в Российской Федерации..... 359

Гомивка С. А.

Организационно-правовые модели социального обслуживания населения в России, Республике Беларусь и Республике Казахстан 361

Гостев Г. А., Потапов И. М.

Заведомо ложная информация в уголовном праве: проблемы квалификации и ограничения от свободы слова..... 364

Гринчий Е. А.

Иммиграционный контроль в РФ: понятие, формы и ответственность субъектов 365

Гулордава Л. Э.

Правовые предпосылки защиты прав и законных интересов предпринимателей 370

Данельян Д. А.

Историко-этимологический анализ принципа эстоппеля 372

Добровольский А. А.

Совершенствование механизмов применения санкций и мер ответственности за нарушение законодательства о защите конкуренции 374

Добровольский А. А.

Телеологический подход к толкованию недобросовестной конкуренции 378

Докшин Д. В.

Импатриация как стратегия привлечения мигрантов в Российскую Федерацию: ценностный подход 382

Дубограй А. Е.

Некоторые уголовно-правовые аспекты массовых беспорядков в исправительных учреждениях 384

Еремеева П. В., Моисеенко Т. В.

К вопросу о развитии туристической деятельности в национальных парках 386

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Личностно ориентированные юристы против циничных правове­дов

Абдуллина Динара Рушановна, студент магистратуры
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Есть мнение, что профессия юриста цинична и совершенно аморальна по своей сути. Мы защищаем права и интересы своих доверителей, зачастую осознавая, что с морально-нравственной точки зрения они совершенно не правы. А теперь, представьте, что к вам приходит юрист и с порога заявляет: «Я решу вашу проблему, если у вас толстый кошелек и минимальное чувство достоинства». Вы доверили бы ему бизнес или семью? Вряд ли. Однако мы упорно делаем вид, что цинизм — это профессионализм, а эмпатия — удел слабых. Это опасное заблуждение, которое убивает репутацию профессии.

Президент Федеральной палаты адвокатов Светлана Володина не случайно назвала формирование положительного образа защитника важнейшей задачей.

Есть старая притча. Трое рабочих везут тяжелые тачки. «Что ты делаешь?» — спрашивают у первого. «Камни таскаю!», — стонет он. «Что ты делаешь?» — спрашивают у второго. «Зарабатываю на жизнь», — пожимает плечами тот. «А ты что делаешь?» — спрашивают у третьего. И он, распрямив спину, отвечает: «Я строю храм, который простоят века».

Юриспруденция сегодня переполнена первыми двумя типами. Их мотивация понятна: кнут, пряник, престиж и страх неудачи. Эту систему, описанную еще Дмитрием Николаевым в книге «Четыре степени свободы», мы проходим с детства. Сначала мы работаем за зарплату и азарт достижений: выиграть любой ценой, обойти конкурента, взять новый чек. Это неплохие мотиваторы, но у них есть побочный эффект — эмоциональное выгорание. Работа ради денег или статуса быстро превращается в «таскание камней» и внутреннюю пустоту.

Джеймс Хьюз, автор культовой книги «Богатство семьи», точно заметил: главная задача юриста, работающего с семейным капиталом, — не приумножить цифры на счетах, а сохранить человеческий капитал семьи. Без этого деньги исчезают уже в следующем поколении. Сохранить этот капитал невозможно без способности слышать, сопереживать и ставить интересы клиента выше своих сиюминутных амбиций.

Исследования Адама Гранта доказали: специалисты, чья мотивация завязана на помощь другим (альтруизм),

показывают более высокое качество работы и устойчивость к стрессу, чем те, кто сконцентрирован исключительно на собственной выгоде. «Сделать лучшее из возможного» для клиента становится общим делом, которое снимает внутренние противоречия и дает энергию.

Рынок юридических услуг кричит об этом, но вузы пока не слышат. Согласно опросам бизнесменов, проведенным фондом «Платформа»:

- 47 % клиентов бесят юристы, которые вводят в заблуждение о перспективах дела.
- 45 % — отсутствие ответственности за результат.
- 26 % — запредельно сложный и высокомерный язык общения.

Клиенты устали от эгоцентричных «роботов», которые видят в людях лишь «кошелек». Рейтинг престижа профессии, по данным ВЦИОМ, за 15 лет рухнул с 28 % до 13 %. Каждый пятый россиянин сегодня откровенно не доверяет «жрецам Фемиды».

Почему так происходит? Потому что нас учили только лишь анализировать нормы. Лев Выготский писал: «Понимание мысли собеседника без понимания его мотива есть неполное понимание».

Как подчеркивают исследователи Обознов и Доценко, для представителей «помогающих» профессий, к которым относится и юрист, способность проявлять искреннюю заботу важна не меньше, чем квалификация. Эмпатия — это не проявление слабости, а инструмент сближения и получения критически важной информации, которую напуганный клиент никогда не расскажет «холодному» консультанту.

Беда в том, что современные учебные планы забиты правовыми дисциплинами под завязку, оставляя психологию на задворках. О какой конкурентоспособности вуза может идти речь, если будущий адвокат впервые сталкивается с реальными человеческими трагедиями только на практике, не имея навыков самоконтроля и эмпатии?

Чтобы готовить личностно-ориентированных юристов, нужно на системном уровне изменить подход:

1. Перестать игнорировать психологию. Нужно встроить психологические кейсы прямо в гражданское и уголовное право.

2. Внедрить тренинги эмоционального интеллекта. Самоконтроль, эмпатия и навыки партнерского общения должны стать обязательным стандартом.

3. Возродить наставничество. Только на практике под надзором ментора из бизнеса или адвокатуры студент поймет, что партнерские отношения — это идеал, который выгоднее манипуляции.

4. Учить рефлексии. Будущий юрист должен понимать свой внутренний мотив и уметь отделять авторитарный стиль от сервисного. Умение задать себе вопрос «Зачем я здесь?» — главная вакцина от профессионального цинизма.

Имидж — это не просто галстук и дорогой портфель. По определению А. Ю. Панасюка, имидж — это мнение

о нас в глазах других людей. А доверие, как известно, строится на трех китах: компетентность, порядочность и доброжелательность. Если убрать моральные пункты, успех будет однодневным, сколько ни плати за маркетинг. Тот, кто строит храм, а не просто таскает камни сможет сохранить свое ментальное здоровье и доверие к компании не только клиента, но и его наследников на многие годы вперед.

Возвращаясь к Джеймсу Хьюзу: капитал семьи или бизнеса можно доверить только тому юристу, который не забывает о человеческом капитале. Парадокс в том, что деньги и престиж приходят к таким специалистам, как закономерное следствие.

Литература:

1. Грант А. Брать или отдавать? Новый взгляд на психологию отношений. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
2. Николаев Д. Четыре степени свободы. От мотивации персонала к вдохновению соратников. — М.: Бомбора, 2021.
3. Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Нравственная детерминация экономического самоопределения. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
4. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. — 10-е изд. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
5. Хьюз Дж. Богатство семьи. Как сохранить человеческий, интеллектуальный и финансовый капиталы. — М.: Олимп-Бизнес, 2022.
6. Герасимова Е. Н., Гончаров К. Ю. Психология в юридическом образовании: современные вызовы и состояние практики // Вестник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. — 2023.
7. Федеральная палата адвокатов РФ. Этические стандарты и вопросы профессионального имиджа адвоката: материалы совещаний с президентами адвокатских палат ЦФО / Под ред. С. И. Володиной. — М.: Юрлитинформ, 2023.

Поддержание государственного обвинения по делам экстремистской направленности: проблемы доказывания и построения обвинительной позиции

Адилъханов Магомед Зиявутдинович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемы поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности. Актуальность темы обусловлена ростом числа зарегистрированных преступлений данной категории, расширением цифровых форм распространения экстремистского контента и сложностью доказывания мотива ненависти либо вражды, публичности, умысла и реальной направленности действий обвиняемого. Обосновывается вывод о том, что государственный обвинитель по таким делам не может ограничиваться воспроизведением обвинительного заключения и ссылкой на экспертное заключение.

Ключевые слова: государственное обвинение, прокурор, экстремизм, преступления экстремистской направленности, мотив ненависти, публичность, цифровые доказательства, экспертное заключение, обвинительная позиция.

Преступления экстремистской направленности относятся к числу сложных категорий уголовных дел, поскольку их общественная опасность связана не только с внешней формой поведения лица, но и с мотивом, целью, идеологической направленностью, способом распространения информации и воздействием на неопределенный круг лиц. В 2025 г., согласно данным МВД России, было

зарегистрировано 2241 преступление экстремистской направленности, что на 30,4 % больше, чем в 2024 г.; одновременно общее количество зарегистрированных преступлений снизилось на 7,3 % [1].

Дополнительное значение имеет то, что значительная часть таких деяний связана с информационно-телекоммуникационной средой. Глава МВД России В. А. Коло-

колец, характеризуя ситуацию за 2025 г., отметил, что количество зарегистрированных МВД преступлений экстремистской направленности «увеличилось более чем на 20 %», а выявление противоправных деяний ведется на ранней стадии, включая блокировку информации в сети Интернет [2].

Проблема поддержания государственного обвинения по делам экстремистской направленности состоит в том, что обвинение нередко рискует приобрести формальный характер. Между тем по делам данной категории суду необходимо представить не общий вывод об «опасности взглядов» подсудимого, а доказанную систему обстоятельств, подтверждающих преступный характер конкретного деяния.

В этом отношении показательна позиция В. С. Крайчева, который в статье 2024 г. указывает на проблему, связанную с «формальным подходом к формированию и оценке доказательств» по делам об экстремизме [3, с. 20]. Если доказательства представлены разрозненно, без связи с признаками состава преступления, обвинительная позиция теряет убедительность даже при наличии значительного объема материалов дела. На наш взгляд, именно формализация доказывания является одной из главных проблем поддержания государственного обвинения по делам экстремистской направленности.

Нормативная основа подтверждает необходимость повышенной доказательственной осторожности. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности необходимо обеспечивать баланс между охраной публичных интересов и защитой конституционных прав, включая свободу мысли, слова, совести, массовой информации и право распространять информацию законным способом [4]. Представляется, что государственный обвинитель должен доказывать не сам факт резкости, эмоциональности или конфликтности высказывания, а наличие признаков уголовно наказуемого деяния.

Особое значение имеет доказывание мотива. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ, по уголовным делам данной категории подлежат доказыванию «мотивы совершения указанных преступлений» [4]. Мотив ненависти либо вражды не может выводиться автоматически из текста публикации, принадлежности лица к определенной группе, использования символики или участия в спорной дискуссии. Он должен подтверждаться совокупностью доказательств: содержанием высказываний, предшествующим поведением лица, обстоятельствами размещения материала, перепиской, выбором адресата, реакцией аудитории, принадлежностью к объединению, характером распространяемых материалов и иными данными.

С. В. Криштопов, исследуя уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности, определяет политическую ненависть как «внутреннее осознанное побуждение лица совершить

преступление» [5, с. 11]. Данная формулировка важна для понимания процессуальной сложности доказывания: мотив относится к внутренней сфере личности, но в уголовном судопроизводстве он должен быть установлен через внешние, проверяемые и допустимые доказательства. Поэтому государственный обвинитель обязан показать суду, каким образом внутреннее побуждение проявилось во внешнем поведении подсудимого.

Не менее сложным является доказывание публичности. В делах, связанных с интернет-публикациями, публичность нельзя считать доказанной только потому, что материал обнаружен в цифровой среде. Верховный Суд РФ прямо связывает уголовную ответственность по ст. 282 УК РФ с тем, что действия совершены публично, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет [6]. Однако сама по себе техническая возможность доступа к материалу еще не раскрывает всех обстоятельств публичности. Для суда имеют значение настройки доступа, количество адресатов, характер площадки, действия пользователя по распространению материала, возможность последующего ознакомления других лиц и осознание подсудимым публичного характера размещения.

С. А. Гримальская, анализируя публичные призывы к экстремистской деятельности, справедливо подчеркивает различие между возбуждением ненависти и призывом: для ст. 280 УК РФ требуется именно «призыв к действию», а не простая пропаганда вражды [7, с. 104]. Для государственного обвинителя это разграничение имеет практическое значение. В обвинительной речи необходимо объяснить, почему спорный материал является именно призывом, то есть обращением к другим лицам с побуждением к определенному поведению, а не только выражением оценки, эмоциональной позиции или идеологического суждения.

Цифровой характер многих дел экстремистской направленности усиливает значение доказательственной работы с электронными следами. В современных условиях преступное поведение может выражаться в публикации поста, пересылке файла, размещении комментария, администрировании канала, создании подборки материалов, участии в закрытом сообществе или демонстрации символики в цифровом пространстве. А. Э. Побегайло киберэкстремизм характеризует как «одну из ключевых угроз национальной безопасности России» [8, с. 110]. Поэтому обвинительная позиция должна включать не только смысловой анализ материала, но и процессуально корректное закрепление цифровых доказательств: фиксацию источника, времени размещения, аккаунта, технических признаков доступа, способа распространения и связи аккаунта с конкретным лицом.

При этом нельзя смешивать цифровой след и доказанность вины. Наличие материала в аккаунте, чате или на странице должно быть связано с действиями конкретного субъекта. Государственному обвинителю необходимо показать, кто создал материал, кто его разместил, кто имел

доступ к учетной записи, каким образом подтверждается принадлежность аккаунта подсудимому, имел ли он возможность управлять публикацией и осознавал ли характер распространения информации.

Особую роль в делах экстремистской направленности играют экспертные заключения. Они позволяют установить смысловое содержание текста, изображения, видео, символики, аудиозаписи, контекст употребления слов и возможное воздействие материала на аудиторию. И. А. Шайхразиев отмечает, что эксперт устанавливает «общий смысловой посыл исследуемого материала» [9, с. 272]. Однако экспертное заключение не должно подменять юридическую оценку. Это принципиально важно, поскольку вопрос о наличии состава преступления относится не к компетенции эксперта, а к компетенции суда.

Пленум Верховного Суда РФ прямо указывает, что заключение эксперта по делам экстремистской направленности «не имеет заранее установленной силы» и оценивается в совокупности с другими доказательствами [4]. Более того, перед экспертом не могут ставиться правовые вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности или направлены ли материалы на возбуждение ненависти либо вражды [4]. Следовательно, государственный обвинитель должен проверять пределы экспертного вывода, методику исследования, квалификацию эксперта, полноту исходных материалов и соответствие выводов фактическим данным дела.

В этой связи важна роль специальных знаний. К. А. Шпагин связывает работу по делам экстремистской направленности с необходимостью оптимизации «применения специальных знаний специалистом» в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности [10, с. 375]. Для государственного обвинителя это означает необходимость активной позиции в суде: при необходимости следует ходатайствовать о допросе эксперта или специалиста, уточнять методику исследования, раскрывать суду значение специальных терминов, сопоставлять экспертный вывод с иными доказательствами и не допускать превращения экспертизы в единственное основание обвинения.

На наш взгляд, обвинительная позиция по делам экстремистской направленности должна строиться как логическая модель, в которой каждый доказательственный элемент связан с конкретным признаком состава преступления. Сначала прокурор раскрывает событие преступления и действия подсудимого. Затем показывает экстремистскую направленность деяния, мотив ненависти либо вражды, цель или направленность воздействия, публичный характер поведения, цифровой способ совершения, роль конкретного лица и допустимость доказательств. Только после этого возможно убедительное обоснование квалификации и позиции по наказанию.

Отдельного внимания требует разграничение экстремистского поведения и допустимого выражения мнения. В научной литературе последних лет неоднократно подчеркивается, что экстремизм может приобретать инфор-

мационные формы. Так, А. А. Балашова отмечает, что информация с запрещенным контентом «зачастую общедоступна», а распространители не всегда разграничивают аудиторию на детей и взрослых [11, с. 101]. Вместе с тем общедоступность материала сама по себе не отменяет необходимости доказывать умысел, мотив и направленность действий. Резкая критика, политическая позиция, религиозное суждение, оценка исторического события или конфликтное высказывание не должны автоматически признаваться экстремизмом без установления признаков состава преступления.

Проблема также связана с тем, что экстремизм как социальное явление шире уголовно-правового понятия преступления экстремистской направленности. В. М. Куровский указывает, что экстремизм «тесным образом переплетается» со многими сферами социальной жизни [12, с. 182]. Однако в уголовном процессе это широкое социальное понимание не может заменить строгую правовую квалификацию. Государственный обвинитель обязан удерживать границу между общественной опасностью явления в целом и доказанностью конкретного преступления конкретным лицом.

С учетом изложенного можно выделить несколько типичных ошибок при поддержании государственного обвинения по делам экстремистской направленности. К ним относятся подмена доказывания мотива общей характеристикой взглядов подсудимого, автоматическое признание публичности интернет-материала, некритическое использование экспертного заключения, отсутствие анализа цифрового следа, слабая связь доказательств с признаками состава преступления и недостаточное внимание к доводам защиты. Каждая из этих ошибок снижает убедительность обвинительной позиции и создает риск нарушения баланса между публичными интересами и правами личности.

Решение обозначенной проблемы видится в переходе от формального поддержания обвинения к доказательственной модели обвинительной позиции. Такая модель предполагает, что государственный обвинитель еще до судебного разбирательства определяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, проверяет качество цифровых доказательств, анализирует экспертные заключения, прогнозирует доводы защиты и формирует структуру будущей обвинительной речи. При этом обвинительная речь должна быть не эмоциональным осуждением взглядов подсудимого, а правовым объяснением того, какие доказательства подтверждают событие преступления, виновность, мотив, публичность и правильность квалификации.

Поддержание государственного обвинения по делам экстремистской направленности требует от прокурора повышенной профессиональной подготовки и самостоятельной аналитической позиции. Особенность таких дел состоит в том, что доказыванию подлежат не только событие преступления и виновность лица, но и экстремистская направленность деяния, мотив ненависти либо вражды, публичность, цифровой контекст и пределы экс-

пертных выводов. На наш взгляд, ключевая проблема современной практики заключается в риске формального обвинения, когда сложная доказательственная работа заменяется ссылкой на заключение эксперта или общей негативной характеристикой материала.

Преодоление этой проблемы возможно через построение обвинительной позиции как системы взаи-

мосвязанных доказательственных элементов. Государственный обвинитель должен показать суду, какие именно обстоятельства подтверждают преступный характер деяния, каким образом внутренний мотив проявился во внешнем поведении, почему материал был публичным, как цифровые следы связаны с подсудимым и почему экспертные выводы соответствуют иным доказательствам.

Литература:

1. Глава МВД рассказал о росте экстремистских преступлений на 20 % // Сетевое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/02/19/1177695-o-roste-ekstremistskih> (дата обращения: 07.05.2026).
2. МВД в 2025 году зарегистрировало на 20 % больше экстремистских преступлений // Информационное агентство «Тасс». URL: <https://tass.ru/proisshestiya/26495445> (дата обращения: 07.05.2026).
3. Кряжев В. С. Экстремизм реальный и экстремизм формальный: некоторые проблемы правоприменительной практики // Адвокатская практика. 2024. № 1. С. 19–23.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. — 2011. — № 142; 2026. — № 7.
5. Криштопов С. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 25 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 № 43 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. — № 7. — 2026.
7. Гримальская С. А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика ст. 280 УК РФ // Современное право. 2025. № 7. С. 103–109.
8. Побегайло А. Э. Киберэкстремизм — угроза национальной безопасности // Обозреватель — Observer. 2025. № 5 (112). С. 105–119.
9. Шайхразиев И. А. Заключение эксперта по делам о признании информационных материалов экстремистскими // Молодой ученый. 2024. № 25 (524). С. 272–274.
10. Шпагин К. А. Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности // Вестник Института права Башкирского государственного университета. № 1(29). 2026. С. 372–384.
11. Балашова А. А. Информационный экстремизм: проблемы и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. №. 2. С. 99–108.
12. Куровский В. М. О необходимости криминализации хранения экстремистских материалов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. №. 4. С. 180–189.

Мошенничество в сфере персональных данных и его проблематика

Алкеева Ксения Сергеевна, студент

Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматриваются мошенничество в сфере персональных данных и понятие «персональные данные». Автор приводит статистику утечек персональных данных и совершения мошенничества в целом. Выделяются проблематика и способы ее решения. При написании работы были использованы методы анализа, синтеза и сравнения.

Ключевые слова: мошенничество, персональные данные, меры по предотвращению совершения преступлений.

В настоящее время в связи с развитием технологий участились случаи совершения мошенничества. Это является проблемой, поскольку такие действия подрывают основы конституционного строя Российской Федерации, гарантирующие гражданам неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, теле-

фонных переговоров и иных сообщений (ст. 23 Конституции Российской Федерации), а также в целом безопасность государства.

На данную проблему обращают внимание кандидаты юридических наук Павлов Николай Владимирович [1, с. 151–152] и Алихаджиева Инна Саламовна [2, с. 7].

Мошенничество, согласно ч. 1 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [3]. Оно может быть квалифицировано как преступление небольшой, средней тяжести или тяжкое.

Персональные данные — это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) (абз. 2 ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных») [4]. К ним относятся: ФИО, место и дата рождения; место постоянной или временной регистрации; паспортные данные, СНИЛС, ИНН; фотография или видеозапись человека, позволяющие идентифицировать его; сведения о детях, родственниках, семейном положении; номер телефона, адрес электронной почты, иные идентификаторы в социальных сетях или мессенджерах; биометрические данные и др.

Однако по отдельности данные не всегда считаются персональными, они должны рассматриваться в совокупности. Например, ФИО без указания дополнительной информации не относится к персональным данным, но если указаны номер телефона и ФИО, то это уже персональные данные.

Практически каждый день в каждом городе нашей страны совершается мошенничество с персональными данными. Это подтверждается статистическими данными Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: в 2022 г. было зафиксировано 140 утечек, в связи с чем в открытый доступ попало 600 миллионов личных записей граждан; в 2023 г. — 168 утечек и 300 миллионов записей [5]; в 2024 г. — более 680 миллионов записей [1, с. 151]; в 2025 г. — 767 миллионов записей [6].

Стоит учитывать, что в УК РФ есть две статьи — 159 и 272.1 (введена Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»), которые определяют санкции за мошенничество. Если первая статья касается обычного мошенничества, то вторая направлена именно на незаконное использование, хранение и передачу компьютерной информации, содержащей персональные данные. По ст. 272.1 УК РФ в 2025 г. было вынесено 23 судебных решения [7], а по ст. 159–18 395 [8]. Следовательно, если не используется компьютерная информация (например, при телефонном мошенничестве), применяется ст. 159 УК РФ.

Мошенники взламывают сайты, генерируют видео, фотографии, голоса. Однако чаще всего персональные данные передают сами граждане во время телефонных разговоров. Мошенники представляются работниками различных организаций, входят в доверие и для регистрации, остановки банковских переводов и т. п., предлагают сообщить паспортные данные, реквизиты банковской карты, код из сообщения, СНИЛС и т. д. Это приводит к потере денежных средств, оформлению кредитов без ведома самого лица, психологическим пережи-

ваниям и др. Следовательно, любое мошенническое действие может привести к передаче персональных данных третьим лицам. Следовательно, чтобы обезопасить свои персональные данные, необходимо обезопасить себя от мошенничества в целом.

Согласно статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2023 г. было зафиксировано 433 708 случаев мошенничества (раскрыто 75642 преступления) [9, с. 6], в 2024 г. — 445690 (раскрыто 70924 преступления) [10, с. 6], в 2025 г. — 411714 (раскрыто 65835 преступлений) [11, с. 6]. Следовательно, раскрываемость данных преступлений не превышает 18 %. В г. Орске в 2025 г. было совершено 917 случаев мошенничества [12].

Следовательно, во-первых, необходимо принимать меры по предотвращению преступлений. Может помочь проведение мероприятий по ознакомлению граждан разных возрастов со схемами мошенников раз в три месяца. К примеру, интерактивные игры по ситуациям смогут подготовить их, снизить доверчивость, позволят понять, на что обращать внимание при разговорах с другими людьми и быть более внимательными.

Во-вторых, стоит исключить возможность оформления кредитов без личного присутствия лица, то есть ввести полный запрет на их электронное оформление. На данный момент заключать кредитный договор без личного присутствия можно при наличии определенной идентификации лица, однако с современными технологиями подделать можно и биометрические данные (голос, внешность, отпечатки). Следовательно, это небезопасно и не гарантирует правильную идентификацию лица. Поэтому предлагается дополнить п. 5 ст. 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» положением: «заключать кредитный договор без личного присутствия заемщика либо его представителя не допускается».

Еще одним способом решения проблемы является ужесточение наказания, а именно, убрать данный вид преступления из категории небольшой тяжести (ч. 1 ст. 159 УК РФ) и переквалифицировать в категорию средней тяжести, то есть установить лишение свободы на срок до четырех лет. По ч. 2 — ужесточить наказание с максимальных четырех до шести лет, по ч. 3 — с максимальных шести до восьми лет лишения свободы. Такое наказание может способствовать сокращению числа преступлений.

Еще одна проблема — способы ликвидации последствий для тех, кто пострадал от мошенничества, особенно в отношении утечки паспортных данных. Получить новый паспорт на практике достаточно сложно, перечень оснований исчерпывающий. Номер СНИЛС не меняют. Но если со СНИЛС мошенники мало что могут сделать, то с паспортными данными у них много вариантов. В связи с этим, предлагается добавить пп. «л» в п. 22 Постановления Правительства Российской Федерации от 23.12.2023 № 2267 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка

паспорта гражданина Российской Федерации» со следующей формулировкой: «попадание реквизитов паспорта к третьим лицам». Предполагается, что это позволит обезопасить граждан от дальнейшего нанесения им вреда со стороны мошенников.

Учитывая сказанное, мошенничество — распространенный, сложный в раскрытии вид преступления, от которого трудно себя защитить, но это возможно, и граждане не должны оказываться в ситуации, когда они лишены такой возможности.

Литература:

1. Останена А. М., Павлов Н. В. Утечка персональных данных и телефонное мошенничество: проблемные вопросы и пути решения / А. М. Останена, Н. В. Павлов // Международный журнал гуманитарных и строительных наук. — № 1–4 (100). — С. 151–154.
2. Алихаджиева И. С. Трансформация преступности, связанный с персональными данными / И. С. Алихаджиева // Вестник Прикамского социального института. — № 2 (101). — С. 6–12.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 31.07.2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.
5. Юсупов Салават. Утечки персональных данных в России с 2020 года: откуда мошенники знают ваши номера телефонов и чем это грозит: [Электронный ресурс] / Салават Юсупов // Банки.ру [официальный сайт]. — 2005–2026. — Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11001626&ysclid=moa304asq5982406286> (дата обращения: 22.05.2026).
6. Антонова Валерия, Шокурова Екатерина. Объем «слитых» данных россиян в 2025 году вырос почти на 70 %: [Электронный ресурс] / Валерия Антонова, Екатерина Шокурова // РБК [официальный сайт]. — 1995–2026. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6980d4c89a794781848ce080?ysclid=mpgz49c2b678159389> (дата обращения: 22.05.2026).
7. Судебные и нормативные акты Российской Федерации [официальный сайт]. 2012–2026. Режим доступа: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-ix/glava-28/statia-272.1/?page=3> (дата обращения: 22.04.2026).
8. Судебные и нормативные акты Российской Федерации [официальный сайт]. 2012–2026. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+159.+&D0%9C%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-date_from=01.01.2025®ular-date_to=31.12.2025®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=#searchResult (дата обращения: 22.04.2026).
9. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2024. — с. 64.
10. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2025. — с. 64.
11. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2024 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2026. — с. 64.
12. 120 000 000 забрали у орчан мошенники: полиция озвучила тревожную статистику: [Электронный ресурс] // Орск.ру [Официальный сайт]. — 2007–2024. — Режим доступа: <https://pda.orsk.ru/news/145308-120-000-000-zabrali-u-orchan-moshenniki-policiya-ozvuchila-trevojnuyu-statistiku> (дата обращения: 22.05.2026).

Почерковедческая экспертиза в современной криминалистике: актуальные проблемы

Апальков Илья Андреевич, студент

Научный руководитель: Овчаренко Игорь Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматриваются актуальные проблемы судебно-почерковедческой экспертизы в современной криминалистике. Анализируются ключевые вызовы, с которыми сталкиваются эксперты: рост доли малоинформативных объектов (кратких записей и подписей), влияние цифровых технологий на формирование и вариативность почерка, а также трудности идентификации при намеренном искажении рукописей. На основе анализа научной литературы

и экспертной практики предложены направления совершенствования методик исследования, включая развитие комплексных подходов и актуализацию справочно-информационных фондов.

Ключевые слова: экспертиза, почерк, диагностика, подпись, текст.

Судебно-почерковедческая экспертиза традиционно занимает ключевое место в системе криминалистических исследований: она служит надёжным инструментом установления исполнителя рукописных текстов и подписей, а значит — напрямую влияет на доказательственную базу по широкому кругу дел: от гражданских споров о наследстве и договорах до уголовных расследований мошенничества и подлога.

Вместе с тем современная правоприменительная практика демонстрирует нарастание новых вызовов, которые ставят под сомнение эффективность классических методик. С одной стороны, увеличивается доля объектов с малым объёмом графического материала (кратких записей и подписей), что резко снижает количество доступных для анализа идентификационных признаков. С другой — трансформируются сами свойства почерка: повсеместный переход к цифровому вводу информации меняет моторику и снижает устойчивость письменно-двигательного навыка, особенно у молодого поколения. Эти факторы приводят к усложнению установления личности при проведении судебно-почерковедческой экспертизы.

Официальные документы устанавливают следующее: «Судебная почерковедческая экспертиза является одним из видов криминалистических экспертиз. С ее помощью проводится идентификация исполнителя записи, сделанной от руки, определяются условия, при которых она сделана. Почерковедческая экспертиза подтверждает подлинность или устанавливает факт фальсификации рукописного документа. Предметом судебной почерковедческой экспертизы является установление фактов, связанных с исследованием рукописей, путем решения соответствующих почерковедческих задач». [1]

Если обратиться к фундаментальным трудам отечественных учёных, то В. Ф. Орлова отмечает, что: «... именно в рамках графологических и медицинских знаний зарождались и развивались представления о связях почерка и свойств личности, об избирательной изменчивости почерка, т. е. о качествах почерка, которые лежат в основе возможностей использования почерка как объекта судебно-экспертных диагностических исследований».

Экспертами РФЦСЭ при Минюсте России идентификационная задача об исполнителе рукописи (подписи) в копии документа (выполненного только на электрофотографическом знакопечатающем устройстве) решается путем формулирования вывода, исключающего наличие каких-либо дополнительных условий. Но при этом в выводе в обязательном порядке указывается, что вопросы возможного использования технических средств и приемов при выполнении документа, копия которого представлена на исследование, не решались, так как не

входят в его компетенцию в рамках почерковедческого исследования.

В ЭКЦ МВД России при исследовании изображений документов, выполненных рукописным способом, используют «условный» подход для идентификации исполнителя. Эксперт формулирует положительный или отрицательный вывод о проведенном исследовании, но при условии, что документ, с которого производилось копирование, выполнен рукописным способом (человеком) без использования различных технических средств и приемов [3].

На основе этого, представляется возможным определить, что современные методы отечественного исследования не позволяют в достаточной мере достоверно установить наличие именно рукописного подлинника, копия которого была представлена на исследование.

В России существует большой потенциал для развития почерковедческой науки, об этом свидетельствует, например, АРМ «Почерковед» — интегрированная информационно-аналитическая система, которая применяется в государственных и частных экспертных учреждениях России. В основе автоматизации лежит графометрический метод, который переводит графические характеристики письма в количественные параметры. Каждый элемент почерка рассматривается как совокупность векторов движения, углов и пространственных интервалов, что позволяет их объективно сравнивать.

Современная ситуация, сложившаяся на практике, продиктовала необходимость расширения круга объектов судебно-почерковедческого исследования сегодня — это копии и фотоснимки документов, их электронные образы на экранах планшетов, компьютеров, телефонов и ноутбуков, которые ранее не воспринимались в качестве таковых. Хотя копии и изображения рукописей стали предметом активных споров в гражданском, административном, арбитражном и уголовном судопроизводстве, однако ряд моментов, связанных с природой этих объектов и содержащихся в них признаков, существенно затрудняет работу с ними: отсутствие достоверных сведений о происхождении рукописных реквизитов от конкретного лица в оригинале документа; низкое качество представленных на исследование копий; большие возможности применения технических средств и приемов при изготовлении рукописных реквизитов в оригинале. [4]

В настоящее время одной из главных проблем является установление или исключение факта использования какого-либо программного обеспечения или технических средств, имитирующих почерк реального человека при создании рукописного текста. Современное состояние почерковедческой экспертизы характеризуется существенными изменениями в условиях её применения. На-

блюдается тенденция к увеличению малоинформативных объектов исследования, что создает объективные сложности для экспертов при проведении идентификационных исследований.

Цифровизация общества существенно влияет на формирование письменно-двигательного навыка, особенно

у молодого поколения. Это приводит к снижению устойчивости признаков почерка. Можно с уверенностью сказать, что технологический прогресс открывает новые возможности для развития почерковедческой экспертизы через внедрение автоматизированных систем и искусственного интеллекта, например, нейросеть Calligrapher.

Литература:

1. Письмо ФССП России от 18.09.2014 N 00043/14/56151-BB «О Методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов», утв. ФССП России 15.09.2014 N 0004/22).
2. Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации // М-во юстиции Российской Федерации, Гос. учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при М-ве юстиции Российской Федерации. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: ЭКОМ Паблишерз, 2011. — 428 с.; 21 см.; ISBN 978-5-91133-083-5
3. Лузгин А. Н. Актуальные проблемы судебного почерковедения и судебно-почерковедческих экспертиз // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 1 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sudebnogo-pocherkovedeniya-i-sudebno-pocherkovedcheskih-ekspertiz> (дата обращения: 21.05.2026).
4. Бобовкин С. М., Бондаренко Р. В., Диденко О. А. Профилактика экспертных ошибок при исследовании изображений рукописей в условиях цифровизации // Криминологический журнал. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-ekspertnyh-oshibok-pri-issledovanii-izobrazheniy-rukopisey-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 21.05.2026).

Парламентские группы в системе внешнеполитической деятельности Российской Федерации и их функции

Афтаев Данил Владимирович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу правового статуса и роли парламентских групп в механизме реализации внешней политики Российской Федерации. Рассмотрены организационно-правовые аспекты деятельности в структуре Федерального Собрания РФ, выявлена проблемная область в сфере правового регулирования, обусловленная фрагментарностью законодательного закрепления их статуса. Установлено, что данные группы де-факто обладают широким влиянием на ведение парламентского диалога, когда де-юре не имеют исчерпывающих полномочий, строго прописанных в определенном правовом акте, и в большей степени становятся подвержены регулированию со стороны правовых обычаев, что приводит к размытости правового статуса и разбалансировки влияния правовых источников. Предложены направления совершенствования нормативной базы для устранения правовой неопределенности и повышения эффективности парламентской дипломатии.

Ключевые слова: парламентские группы, двухсторонние группы, межпарламентское сотрудничество, Федеральное Собрание РФ, внешняя политика, Государственная Дума РФ, Совет Федерации РФ, Россия.

Учитывая современную геополитическую обстановку, характеризующуюся изоляционизмом в отношении Российской Федерации, требуется реконструкция существующего международного курса с применением более гибкого инструментария, позволяющего находить необходимые решения для поставленных задач, которые будут отвечать национальным интересам. Парламентская дипломатия в этих условиях имеет особое значение, так как является прямым транслятором народного мнения и обладает должным спектром полномочий и структурной

дифференциацией. В этой связи особое место занимают парламентские группы, отличающиеся своей особой оперативностью и гибкостью как парламентарный ресурс реализации международной политики.

Настоящая статья ставит своей целью анализ правовой природы межпарламентских групп, их места в структуре Федерального Собрания РФ и актуальных проблем регулирования.

Рассматривая генезис данного явления, нельзя точно обозначить точку становления такового в мировой ис-

тории. Изначально это были неформальные группы парламентариев, которые желали обойти затянутые бюрократические процессы и вести внешний диалог более гибко и открыто с законодателями других стран. Новый толчок для развития данного института дало окончание Второй мировой войны, где парламентарии были втянуты в новые процессы, связанные с всплеском активности в различных сферах [1 с. 28.]. Распад социалистического лагеря и создание новых интеграционных объединений привели к тому, что новому парламенту Российской Федерации потребовалась сетка прямых связей по всему миру для разрешения вопросов торговли, культуры и безопасности.

Создание Межпарламентской группы РФ (далее — «МПГ РФ») состоялось в 1996 году, где прямой функцией являлось и является участие в Межпарламентском союзе [2]. Механизм взаимодействия с группами при верхней и нижней палатах довольно размыт, что ставит проблему размытости регулирования, но об этом чуть позже.

В соответствии с интернет-ресурсами палат Федерального Собрания РФ, в составе Совета Федерации РФ действует 31 группа по сотрудничеству с парламентами иностранных государств [3], когда при Государственной Думе РФ таких элементов вовсе более 80 [4]. Свое название они берут в частности от стран с кем устанавливается двухсторонний контакт.

Порядок формирования данных объединений, как и определение состава их полномочий, прописывается в регламентах Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ, но стоит оговориться, что ряд вопросов не затрагивается напрямую и приходится применять метод аналогии закона. Механизм образования групп имеет идентичный характер в обеих палатах: создание происходит на добровольной основе, с утверждением состава на Совете соответствующего органа по представлению председателя [5] [6].

Парламентские группы выполняют несколько ключевых функций, которые в совокупности обеспечивают поддержание внешнего политического курса страны.

Коммуникативная функция. Сущность данного правового института во многом состоит в оперативности работы между парламентариями различных государств. Непрерывный канал связи выступает элементом протекции и балансирования существующих отношений между Россией и ее партнерами, выражающимся в обмене опытом, расширении сотрудничества по многим областям и срочном решении проблем [3].

Координационная функция. Благодаря межпарламентским группам упрощаются согласительные процедуры и механизм сопровождения решений по вертикали. Сущность данной функции исходит из составления рекомендаций и предложений по ключевым вопросам, возникающим при дипломатическом диалоге, вплоть до отслеживания эффективности многих законодательных решений государств в процессе сотрудничества. Межпарламентские группы также участвуют в гармонизации

и сближении национальных правовых систем, в том числе в рамках работы Межпарламентской Ассамблеи СНГ и Парламентской Ассамблеи ОДКБ [7 с. 38]. Таким образом, при осуществлении законодательных процедур очень важно синхронизировать данные процессы сразу между обоими контрагентами международного соглашения, в чем способствуют данные организационные единицы [8 с. 22].

Правозащитная функция. Современная обстановка требует повышенного внимания за нарушением прав граждан Российской Федерации. Межпарламентские группы в виду своих полномочий отслеживают состояние соотечественников за рубежом, осуществляют их поддержку и противодействуют дискриминационным действиям.

Показательным примером эффективности межпарламентских групп является активно развивающиеся отношения в сторону Восточного пула стран, в частности, с Китайской Народной Республикой. Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству, в рамках которой действуют профильные депутатские рабочие группы, позволяет, как отмечал Председатель Государственной Думы В. В. Володин «Формат рабочей группы показывает результативность» [9]. Также учитывается значимость данных контактов с государствами входящими в Содружество Независимых Государств, где наглядным примером является активная дипломатическая работа с Мажилисом Республики Казахстан, в отношении которого развиваются такие инструменты двухсторонних связей, как «межпарламентские группы дружбы и консультации по линии профильных комитетов» [10].

Рассмотрев детально межпарламентские группы, необходимо остановиться на проблематике данного правового института, выраженной в различных аспектах.

Отсутствие кодификации. Регулирование преимущественно осуществляется внутренними регламентами палат, что не создает системной правовой основы. Этот пробел приводит к рассредоточенности элементов, из-за чего отсутствует целостное и полное осмысление данного явления как инструмента реализации интернациональной политики, что в свою очередь нарушает принцип транспарентности.

Неопределенность взаимодействия. Совместная деятельность и связь межпарламентских групп при палатах Федерального Собрания РФ довольно размыты, особенно в части взаимодействия с Межпарламентской группой РФ. В правовых актах не дается никаких уточнений на счет совместной сферы ведения или отнесения к различным группам определенных полномочий, хотя подразумевается, что происходит взаимодействие парламентариев различных групп при проведении мероприятий в составе МПГ РФ [2].

Амбивалентность статуса. В каждом регламенте палат отсутствует исчерпывающий список полномочий. Более того, существует неопределенность, в каком правовом статусе выступают группы при осуществлении своих функций, так как в организационных актах палат их по-

ложение трактуется по-разному. В регламенте Государственной Думы РФ закреплено, что группы действуют в составе межпарламентских комиссий как их части [6], тогда как в акте Совета Федерации РФ они выделяются как отдельная организационная единица [5].

Представляется, что дальнейшее развитие института межпарламентских групп должно идти по постепенной формализации. Целесообразно принять отдельный пра-

вовый акт о статусе либо конкретизировать положения в регламентах палат, которые определили бы их правовой статус, компетенцию и механизмы взаимодействия.

Совершенствование данного правового института приведет к повышению эффективности межпарламентского сотрудничества в процессе осуществления внешней политики и реализации национальных интересов Российской Федерации в процессе прямого взаимодействия.

Литература:

1. Межпарламентские институты в мировой политике: коллективная монография / под ред. И. Л. Прохоренко. — М.: Весь Мир, 2023. — 320 с.
2. Межпарламентская группа Российской Федерации (МПГ РФ). — Текст: электронный // Официальный сайт Совета Федерации РФ: [сайт]. — URL: <http://council.gov.ru/services/reference/9549/> (дата обращения: 17.05.2026).
3. Группы по сотрудничеству Совета Федерации с парламентами иностранных государств. — Текст: электронный // Официальный сайт Совета Федерации РФ: [сайт]. — URL: <http://council.gov.ru/services/reference/9956/> (дата обращения: 17.05.2026).
4. Группы по связям с зарубежными парламентами. — Текст: электронный // Официальный сайт Государственной Думы РФ: [сайт]. — URL: <http://duma.gov.ru/international/parliaments/> (дата обращения: 17.05.2026).
5. Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (утв. Постановлением СФ ФС РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ) (ред. от 17.07.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 7. — Ст. 635; 2024. — № 30. — Ст. 4362.
6. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (утв. Постановлением ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД) (ред. от 14.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 801; 2026. — № 16. — Ст. 2009.
7. Братчик А. С., Середа А. А. Многостороннее межпарламентское сотрудничество России со странами СНГ: состояние, проблемы и перспективы // Проблемы современной экономики. — 2023. — № 3 (87). — С. 37–41.
8. Кротов М. И., Середа А. А. Евразийский вектор — приоритет парламентской дипломатии России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2023. — Т. 17. — № 1(43). — С. 16–28.
9. Вячеслав Володин: Формат рабочей группы при российско-китайской межпарламентской комиссии показывает результативность. — Текст: электронный // Официальный сайт партии «Единая Россия»: [сайт]. — URL: <https://er-gosduma.ru/news/vyacheslav-volodin-format-rabochey-gruppy-pri-rossiysko-kitayskoy-mezhparlamentskoy-komissii-pokazyv/> (дата обращения: 19.05.2026).
10. Володин и Нигматулин договорились о повышении уровня межпарламентского сотрудничества. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/politika/3863362> (дата обращения: 19.05.2026).

Ответственность за налоговые правонарушения: теоретико-правовая характеристика и практика применения

Бадакба Евгения Вячеславовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется институт ответственности за налоговые правонарушения в системе российского налогового права. На основе анализа положений Налогового кодекса Российской Федерации (статей 106–114 НК РФ) и разъяснений, содержащихся в справочно-правовой системе «ГАРАНТ», выделяются и раскрываются сущностные признаки налогового правонарушения: противоправность, виновность, наказуемость и деяние как форма внешнего проявления противоправного поведения. Особое внимание уделяется роли вины как конституирующего признака налогового правонарушения, а также соотношению налоговой ответственности со смежными видами юридической ответственности — административной и уголовной. В статье рассматриваются формы вины (умысел и неосторожность), презумпция невиновности налогоплательщика, принцип однократности привлечения к ответственности, а также разграничение налоговой санкции (штрафа) и пени как способа обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов.

Ключевые слова: налоговая ответственность, налоговое правонарушение, состав налогового правонарушения, налоговый контроль, выездная налоговая проверка, доначисление налогов, санкции.

Институт ответственности за налоговые правонарушения является одним из ключевых элементов механизма правового регулирования налоговых отношений. Его значение определяется не только фискальной функцией — обеспечением поступления налогов в бюджетную систему, — но и превентивной, направленной на формирование у налогоплательщиков правомерного поведения. Как отмечает в своем учебнике профессор Ю. А. Крохина, в курсе налогового права рассматриваются теоретические основы налогового права, механизм правового регулирования налоговых отношений, налоговый контроль и налогово-правовая ответственность [1, с. 5].

Легальное определение налогового правонарушения содержится в статье 106 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ): это виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность [4]. Эта дефиниция носит универсальный характер и распространяется на все составы налоговых правонарушений, предусмотренные главой 16 НК РФ [3, ст. 106–129.3].

Анализ приведенного определения позволяет выделить совокупность обязательных признаков, наличие которых необходимо для квалификации деяния в качестве налогового правонарушения.

1. Противоправность деяния. Противоправность означает, что действие или бездействие лица нарушает нормы законодательства о налогах и сборах, то есть положения НК РФ и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов. Какие бы то ни было действия, не связанные с нарушением законодательства, не могут квалифицироваться как налоговые правонарушения. При этом противоправное деяние может совершаться как в форме активного действия (например, грубое нарушение правил учета доходов и расходов, предусмотренное статьей 120 НК РФ), так и в форме бездействия (например, непредставление налоговой декларации, предусмотренное статьей 119 НК РФ) [9].

2. Виновность деяния. Вина представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им противоправному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности. Как подчеркивается в Энциклопедии решений системы ГАРАНТ, вина является обязательным условием привлечения лица к ответственности за налоговое правонарушение [6]. Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях (в частности, определения КС РФ от 04.07.2002 № 202-О и от 18.06.2004 № 201-О) неоднократно указывал, что необходимость установления вины налогоплательщика для привлечения его к ответственности прямо предписана статьями 106 и

109 НК РФ, а суд при рассмотрении дел о налоговых правонарушениях не может ограничиться формальной констатацией факта нарушения обязанности, не выявляя наличие или отсутствие вины соответствующих субъектов [6].

Вина является обязательным условием привлечения лица к налоговой ответственности — при ее отсутствии лицо не может быть привлечено к ответственности независимо от факта нарушения законодательства о налогах и сборах [4]. При этом освобождение от ответственности за совершение налогового правонарушения освобождает лицо только от взыскания штрафа, но не от пеней, поскольку пеня в силу статей 72 и 75 НК РФ не является мерой налоговой ответственности, а выступает способом обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов [9].

Статья 110 НК РФ закрепляет две формы вины: умысел и неосторожность. Налоговое правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало либо сознательно допускало наступление вредных последствий таких действий (бездействия) [3]. Неосторожная форма вины имеет место, когда лицо не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, хотя должно было и могло это осознавать. Большинство составов налоговых правонарушений, установленных НК РФ, предполагают наличие неосторожной формы вины.

В налоговом праве, как справедливо отмечается в доктрине, в отличие от административного, действует презумпция невиновности налогоплательщика. Эта презумпция закреплена в статье 108 НК РФ: лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу решением суда. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы [9]. Это положение является важной гарантией прав налогоплательщиков и отличает налоговую ответственность от административной, где действует иная презумпция.

3. Наказуемость деяния. Это означает, что за совершение конкретного противоправного деяния НК РФ должна быть установлена ответственность в виде налоговой санкции. Если Налоговый кодекс не предусматривает ответственности за то или иное деяние, такое деяние не может признаваться налоговым правонарушением, даже если оно нарушает нормы законодательства о налогах и сборах. Единственной мерой налоговой ответ-

ственности в соответствии со статьей 114 НК РФ является денежное взыскание (штраф). Как отмечено в Энциклопедии решений ГАРАНТ, ответственность за совершение налогового правонарушения заключается в наложении на правонарушителя предусмотренных НК РФ налоговых санкций (штрафов). Налоговая ответственность носит дополнительный характер по отношению к обязанности по уплате (перечислению) налогов (сборов), страховых взносов, в связи с чем привлечение лица к налоговой ответственности не освобождает его от обязанности уплатить (перечислить) причитающиеся суммы налога (сбора), страховых взносов [9].

4. Деяние как форма внешнего выражения противоправного поведения. Понятие «деяние» охватывает как действие (активное поведение), так и бездействие (пассивное поведение, выражающееся в несовершении предписанных законом действий). При этом для квалификации деяния в качестве налогового правонарушения необходимо установить наличие причинной связи между противоправным деянием и наступившими вредными последствиями в виде непоступления или неполного поступления налогов в бюджетную систему.

Субъектами налоговых правонарушений, согласно статье 107 НК РФ, могут выступать организации и физические лица. Физические лица могут быть привлечены к налоговой ответственности с шестнадцатилетнего возраста [4]. При этом в силу пункта 3 статьи 108 НК РФ налоговая ответственность физического лица наступает только в том случае, если совершенное им деяние не содержит признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством.

Важным аспектом разграничения налоговой и иных видов ответственности является соотношение ответственности организаций и их должностных лиц. Пункт 4 статьи 108 НК РФ устанавливает, что привлечение организации к налоговой ответственности не освобождает ее должностных лиц при наличии соответствующих оснований от административной, уголовной или иной ответственности, предусмотренной законом. Это означает, что за одно и то же нарушение законодательства о налогах и сборах организация может быть привлечена к налоговой ответственности по НК РФ, а ее руководитель или главный бухгалтер — к административной ответственности по КоАП РФ (например, по статьям 15.3–15.11, предусматривающим ответственность должностных лиц за налоговые правонарушения).

Принцип однократности привлечения к налоговой ответственности заслуживает отдельного рассмотрения. Как разъясняется в Энциклопедии решений ГАРАНТ,

за совершенное налоговое правонарушение лицо может быть привлечено к ответственности лишь однократно, повторное привлечение к ответственности за совершение одного и того же налогового правонарушения не допускается (п. 2 ст. 108 НК РФ). Этот принцип имеет несколько аспектов: на лицо не может быть наложено несколько налоговых санкций за совершение одного налогового правонарушения; одно деяние не может квалифицироваться по разным основаниям как несколько налоговых правонарушений; за одно деяние лицо не может быть привлечено одновременно к налоговой и иной (в частности, административной, уголовной) ответственности (п. 15 и 15.1 ст. 101, п. 13 ст. 101.4 НК РФ) [9].

В теории налогового права также важно разграничить налоговую санкцию и пеню. Пеня в силу статей 72 и 75 НК РФ является не мерой ответственности, а способом обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов. Как отмечено в Энциклопедии решений ГАРАНТ, от мер налоговой ответственности следует отличать пеню, которая представляет собой способ обеспечения обязанности по уплате (перечислению) налогов (сборов), страховых взносов. В связи с тем, что налоговая санкция и пеня имеют самостоятельные цели, привлечение лица к ответственности не освобождает его также от уплаты пени (п. 5 ст. 108 НК РФ) [9].

Основания и порядок привлечения к налоговой ответственности определяются исключительно НК РФ. Никакие иные нормативные правовые акты не могут регулировать эти вопросы. Актом привлечения к налоговой ответственности является решение о привлечении лица к ответственности за совершение налогового правонарушения, выносимое налоговым органом: по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки (пп. 1 п. 7 ст. 101 НК РФ) либо на основании материалов иных мероприятий налогового контроля (пп. 1 п. 8 ст. 101.4 НК РФ) [9].

В заключение следует отметить, что институт ответственности за налоговые правонарушения представляет собой сложный межотраслевой правовой институт, в котором переплетаются нормы материального и процессуального налогового права. Его теоретико-правовая характеристика основывается на признании вины в качестве конституирующего признака налогового правонарушения, что отличает налоговую ответственность от иных видов юридической ответственности. Дальнейшее развитие данного института должно идти по пути формализации критериев вины, совершенствования процедур доказывания и адаптации к современным реалиям цифровой экономики.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Крохина, Ю. А. Налоговое право: учебник для среднего профессионального образования / Ю. А. Крохина. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 503 с.
5. Энциклопедия решений. Понятие и признаки налогового правонарушения (октябрь 2025) // СПС «ГАРАНТ». — Режим доступа: <https://base.garant.ru/58076581/> (дата обращения: 23.05.2026).
6. Энциклопедия решений. Ответственность за совершение налогового правонарушения (октябрь 2025) // СПС «ГАРАНТ». — Режим доступа: <https://base.garant.ru/58076584/> (дата обращения: 23.05.2026). [9]

Роль центрального банка в обеспечении финансовой стабильности страны

Балакина Валерия Сергеевна, студент;

Подгорная Полина Вадимовна, студент

Научный руководитель: Садовская Татьяна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

Статья посвящена анализу роли Центрального банка в обеспечении финансовой стабильности, предотвращению кризисов, а также поддержанию устойчивости финансовой системы страны. Проведён анализ денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: Центральный банк, денежно-кредитная политика, финансовая стабильность, инфляция

The role of the central bank in ensuring the financial stability of the country

Balakina Valeriya Sergeevna, student;

Podgornaya Polina Vadimovna, student

Scientific advisor: Sadovskaia Tatiana Dmitrievna, phd in law, associate professor
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Moscow)

*The article analyzes the role of the Central Bank in ensuring financial stability, preventing crises, and maintaining the stability of the country's financial system. An analysis of monetary policy is carried out. **Keywords:** Central Bank, monetary policy*

Keywords: Central Bank, monetary policy, financial stability, inflation

Центральный банк занимает центральное место в экономике, эволюционировав в многофункциональные институты, ответственные за ценовую и финансовую стабильность, а также экономический рост. Финансовая стабильность, понимается как состояние, при котором финансово-кредитная система эффективно выполняет ключевые функции даже в условиях дисбаланса является условием устойчивого экономического развития. В современных условиях центральный банк трансформируется из органа денежно-кредитного регулирования в универсального мегарегулятора финансовой стабильности. Центральный банк действует в интересах экономической стабильности, а не ради собственной выгоды. Обеспечивая рациональное денежное обращение и предотвращая инфляционные риски, он способствует сохранению покупательной способности рубля и, в конечном счёте, социальному благополучию граждан [1].

Финансовая стабильность является одним из ключевых условий устойчивого развития государства, эф-

фективного функционирования банковской системы и обеспечения экономической безопасности. В условиях глобализации финансовых рынков, цифровизации экономики, роста трансграничных финансовых потоков и усиления кризисных явлений особое значение приобретает деятельность центрального банка как основного субъекта денежно-кредитного регулирования и финансового надзора. Именно центральный банк играет определяющую роль в поддержании устойчивости национальной финансовой системы, предупреждении системных рисков и обеспечении бесперебойного функционирования банковского сектора и платёжной инфраструктуры. Роль центрального банка в финансовой системе и устойчивости страны является ключевой, поскольку именно он отвечает за стабильность денежной системы национальной валюты.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современные экономические вызовы, включая финансовые кризисы, инфляционные процессы, санкционное давление, существенно расширяют функции и полномочия центральных банков. В настоящее время центральный банк выступает не только эмиссионным и расчётным центром государства, но и мегарегулятором

финансового рынка, обеспечивающим макроэкономическую и финансовую стабильность. При этом расширение его полномочий требует совершенствования финансово-правовых механизмов регулирования и определения пределов вмешательства в экономические процессы.

Для обеспечения финансовой стабильности центральный банк прежде всего проводит денежно-кредитную политику, регулируя количество средств в экономике и уровень процентной ставки. Денежно-кредитная политика направлена на регулирование денежной массы и процентных ставок в экономике для достижения стабильности цен и поддержания устойчивого развития экономики [1]. Она помогает предотвратить кризисы в банковской системе и поддерживать её устойчивую работу.

В условиях глобальной экономической нестабильности роль Центрального банка особенно важна. В последние годы Центральные банки столкнулись с беспрецедентным количеством вызовов, которые значительно усложняют выполнение их основных функций. Одной из главных задач центрального банка стала высокая инфляция. Контроль инфляции способствует стабильности покупательской способности национальной валюты и обеспечивает предсказуемость для бизнеса и инвесторов [2]. Для сдерживания инфляции центральные банки были вынуждены

повышать ключевые процентные ставки. Однако данная политика имеет и негативные последствия: снижается инвестиционная активность, замедляется рост экономики, кредиты становятся дороже. В современных условиях борьба с инфляцией остается одной из главных задач Центрального банка.

Также одним из важных условий устойчивости Центрального банка является его независимость от политической власти. Однако в периоды экономических трудностей давление со стороны правительства обычно усиливается. Власти могут требовать снижения процентных ставок и поддержки государственных расходов.

Современный Центральный банк функционирует в условиях высокой неопределенности и воздействия множества кризисных факторов. Инфляция, долговые проблемы, давление на банковский сектор делают задачу поддержания финансовой стабильности значительно сложнее, чем в предыдущие десятилетия. В период глобальных экономических изменений и новых финансовых вызовов значение Центрального банка продолжает возрастать. Его способность эффективно реагировать на кризисы и адаптироваться к современным условиям становится одним из главных факторов для развития государства

Литература:

1. Гвардия, Р. И. Функции и роль Центрального банка Российской Федерации в обеспечении финансовой стабильности и экономического развития / Р. И. Гвардия // Будущее науки — 2025: сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции: в 5 т., Курск, 17–18 апреля 2025 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. — С. 100–102. — EDN GYYQNA.
2. Федотова, М. Ю. Организация деятельности коммерческого банка и современные банковские технологии: Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 38.04.01 Экономика / М. Ю. Федотова; Пензенский государственный аграрный университет. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. — 262 с. — EDN PVBHRU.
3. Алланазарова, Н. Роль центральных банков в формировании экономической политики и обеспечении финансовой стабильности / Н. Алланазарова, А. Аманмухаммедова // Cognitio Rerum. — 2024. — № 9. — С. 24–26.

Проблема обеспечения правового равенства среди ветеранов боевых действий в Российской Федерации

Березовский Анатолий Евгеньевич, студент магистратуры

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассматривается проблема правового равенства в отношении ветеранов боевых действий в РФ как соотношение конституционного принципа равенства и дифференциаций, предусмотренных специальным законодательством. Анализируются источники неравномерности правового положения: разграничение групп ветеранов в ст. 3 Закона «О ветеранах», различия в объёме мер по ст. 16, «порог 01.01.2005» для жилищного обеспечения по ст. 23.2, региональная неоднородность практики, а также особенности налоговых и социальных преференций. Показано, что Конституционный Суд допускает дифференциацию при наличии разумных критериев и достаточной определённости нормы, но требует ясной структуризации законодательства. Предлагается связать конституционный стандарт равенства с организационными механизмами: проактивным назначением выплат, цифровой маршрутизацией статусов, унификацией региональных регламентов и усилением контроля исполнения.

Ключевые слова: равенство, недискриминация, ветераны боевых действий, меры социальной поддержки, жилищное обеспечение, ЕДВ, налоговые льготы, Конституционный Суд.

Правовое равенство закреплено в статье 19 Конституции РФ и формулируется как равенство всех перед законом и судом при запрете дискриминации по любым признакам, включая «иные обстоятельства». В то же время конституционная модель допускает дифференциацию правового регулирования при наличии объективной цели и разумной связи между целью и средством: социальные гарантии — не прямое следствие статьи 19, а результат законодательного усмотрения, которое подлежит проверке на недопустимость произвольности и несоразмерности. Эта логика неоднократно подтверждалась Конституционным Судом РФ в делах, касающихся перераспределения и трансформации льготных режимов для ветеранов: Суд указывал, что само по себе изменение содержания и условий получения льгот допустимо, но требуется ясность и непротиворечивость правовой конструкции, обеспечивающей предсказуемость статуса и доступ к гарантиям.

Специальное регулирование статуса ветеранов боевых действий строится вокруг Федерального закона № 5-ФЗ «О ветеранах». Статья 3 этого закона дифференцирует группы ветеранов по историко-правовым основаниям (участие в боевых действиях на территориях иных государств, в локальных конфликтах, в специальных операциях и др.), что затем «переводится» в разные наборы мер по статье 16. В действующей редакции объём социальной поддержки прямо зависит от того, к какой подгруппе из статьи 3 относится конкретный гражданин; при этом статья 16 содержит как общие положения (компенсации по оплате жилья и коммунальных услуг, медицинские гарантии), так и особые условия и оговорки, адресованные отдельным подгруппам. Подобная модель формально совместима с конституционным принципом равенства, поскольку критерии дифференциации закреплены в законе и связаны с характером выполнявшейся службы; её уязвимость — в практической неоднородности доступа к льготам при близкой фактической ситуации у разных когорт ветеранов.

Наиболее показательный пример институционализированной различности — жилищные гарантии. Подпункт 3 пункта 1 статьи 16 и специальная статья 23.2 закрепляют особый порядок обеспечения жильём за счёт федерального бюджета для ветеранов, вставших на учёт до 01.01.2005; для вставших на учёт после этой даты действует общее жилищное законодательство, а не «ветеранский» канал финансирования. Конституционный Суд, оценивая подобные изменения, исходил из того, что право на «такого рода жилищные льготы» непосредственно из Конституции не вытекает, а потому их введение и модификация находятся в рамках усмотрения законодателя при условии сохранения разумной связи целей и средств и достаточной определённости правового регулирования. Это означает, что разница по дате постановки на учёт как

таковая не противоречит Конституции, но требует компенсирующих организационных механизмов, сглаживающих практическое неравенство доступа к жилью для сопоставимых по нуждаемости семей.

Региональная неоднородность реализации мер усиливает проблему равенства. Несмотря на единый федеральный каркас, доступность конкретных услуг (санаторно-курортное лечение, протезирование, адресные доплаты, скорость предоставления жилья) заметно варьирует по субъектам РФ из-за различий в финансировании и регламентировании процедур. На это обращал внимание федеральный центр в методических письмах и обзорах типовых нарушений, фиксируя проблемы постановки на учёт, подтверждения нуждаемости и исполнения решений о предоставлении жилья. Юридически подобная вариативность допустима, но лишь до тех пор, пока не приводит к системной потере содержания федеральной гарантии; в противном случае возникает риск «территориальной лотереи», противоречащей статье 19 Конституции.

Важный корректирующий фактор — общегосударственные денежные и налоговые инструменты, которые работают как «горизонтальные» механизмы выравнивания. Ежегодная индексация федеральных выплат (включая ЕДВ федеральным льготникам) с 1 февраля 2025 г. на 9,5 % компенсирует инфляцию и поддерживает покупательную способность льгот вне зависимости от региона; налоговая льгота по налогу на имущество физических лиц по статье 407 НК РФ и освобождение «шести соток» по земельному налогу снижают имущественную нагрузку на домохозяйства ветеранов. Эти меры не устраняют правовые различия между когортами, но уменьшают их социально-экономические последствия и тем самым косвенно поддерживают принцип равенства в доступе к базовым благам.

Наряду с содержательными нормами на равенство влияет «качество сервиса»: чем лучше организованы маршруты назначения и доставки мер, тем меньше шансов, что формально одинаковые права оборачиваются разным фактическим результатом у схожих категорий. Закон о бесплатной юридической помощи (№ 324-ФЗ) и развитие инфраструктуры сопровождения через государственные юрбюро, адвокатуру и Фонд «Защитники Отечества» должны нивелировать асимметрию информированности и административные барьеры, в том числе при обжаловании результатов ВВК, прохождении МСЭ и оформлении выплат. Включение таких институтов в единый контур, по сути, превращает абстрактный принцип равенства в управляемую процедуру — от автоматического подтягивания статусов в реестрах до проактивного перерасчёта мер без заявлений.

Правовой стандарт равенства, применённый к ветеранам боевых действий, можно описать как «дифференцированное равенство»: закон выделяет группы по

объективным критериям (время и место службы, характер задач), задаёт разные объёмы поддержки и одновременно устанавливает общесистемные компенсаторы (индексация, налоговые льготы, национальные сервисы сопровождения). Проблема возникает там, где дифференциация не сопровождается достаточной определённой норм и предсказуемостью процедур или где региональная практика приводит к систематическому ухудшению положения одной группы по сравнению с другой без разумного обоснования. Устойчивое решение — не в «уравни-

вании» всего спектра мер, а в устранении произвольности: ясные формулы доступа к жилищным и медицинским гарантиям, унифицированные сроки и контрольные точки, проактивность назначений, публичная отчётность субъектов по исполнению «ветеранских» обязательств. В этом случае конституционный принцип равенства не подменяет законодательное усмотрение, но ограничивает его от произвольных перегибов, а различия, заложенные в законе, перестают порождать фактическое неравенство для сопоставимых жизненных ситуаций.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. Ст. 19 «Равенство прав и свобод человека и гражданина». Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2025).
2. О ветеранах: Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 07.07.2025). Ст. 3, ст. 16, ст. 23.2. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/ (дата обращения: 13.08.2025).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.2014 № 170-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы...» (о жилищных льготах ветеранам): позиция о пределах законодательного усмотрения. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159744/ (дата обращения: 13.08.2025).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2005 № 507-О «По жалобе Зимницкого...»: о трансформации мер соцподдержки ветеранов и требовании ясности регулирования. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58505/ (дата обращения: 13.08.2025).
5. Постановление Правительства РФ от 23.01.2025 № 33 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2025 году» (1,095 с 01.02.2025). Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501270006> (дата обращения: 13.08.2025).
6. Налоговый кодекс РФ. Ст. 407 «Налоговые льготы» (действ. ред.). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/2573b723f294419039974f75da8e928dfbe027c6/ (дата обращения: 13.08.2025).
7. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (действ. ред.). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения: 13.08.2025).
8. <Письмо> Минстроя России от 10.06.2021 № 24101-ЮГ/16 «Об однотипных нарушениях...» (обеспечение жильём ветеранов и инвалидов): обобщение проблем практики субъектов РФ. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387235/ (дата обращения: 13.08.2025).
9. Указ Президента РФ от 03.04.2023 № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции “Защитники Отечества”». Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202304030001> (дата обращения: 13.08.2025).

Актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности

Бордунов Георгий Иванович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности, с которыми сталкиваются правоприменители на практике. Статья основывается на научно-теоретическом материале, нормативно-правовых актах, которые раскрывают сущность освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, Уголовный кодекс РФ, освобождение от уголовной ответственности.

«Одним из ключевых механизмов уголовного права является институт освобождения от уголовной ответственности, который играет важнейшую роль в системе мер государственной реакции на преступные деяния» [5, с. 29].

Согласно ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [1].

Проблема понимания природы освобождения от уголовной ответственности обладает весомым как теоретическим, так и практическим значением. Её глубокое и аргументированное осмысление открывает перед учёными широкий спектр возможностей: анализировать труды других исследователей в данной области, определять эффективность правового регулирования в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства, оценивать корректность тех или иных формулировок, встречающихся в правоприменительной деятельности, а также вырабатывать предложения по улучшению действующей нормативной базы, механизмов её применения и правовой культуры граждан.

Анализ вопросов, связанных с освобождением от уголовной ответственности, не представляется возможным без чёткого понимания того, что собой представляет данный вид ответственности. Уголовная ответственность является широко распространённым явлением, с которым люди нередко сталкиваются в обычной жизни, что вполне закономерно объясняет её неоднократное упоминание в действующем законодательстве (ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 2, ст. 4, ч. ч. 1 и 2 ст. 5, ч. 2 ст. 6, ст. 8, ч. ч. 1, 3 и 4 ст. 11, ч. ч. 1, 2 и 3 ст. 12 УК РФ и др.) [2].

Освобождение от уголовной ответственности представляет собой закреплённое в соответствующем юридическом документе решение компетентного органа власти о том, что гражданин, виновный в совершении противоправного деяния, не подлежит привлечению к судебной ответственности и не будет подвергнут принудительным мерам со стороны государства.

Ключевым условием для применения подобного решения в отношении преступника служит признание нецелесообразности его уголовного преследования ввиду определённых обстоятельств. Данное решение находит своё отражение в соответствующем процессуальном документе (постановлении), который вправе вынести следователь, дознаватель либо судья.

Так, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи:

- с деятельным раскаянием (статья 75 УК РФ) — возможно при наличии следующих условий: раскаяние, которое устраняет общественную опасность лица; преступление совершено впервые; преступление небольшой или средней тяжести; виновный возместил потерпевшему ущерб или иным образом загладил причиненный преступлением вред [2];

- с примирением с потерпевшим (статья 76 УК РФ) — возможно при наличии следующих условий: преступление совершено впервые; преступление небольшой или средней тяжести; обвиняемый, подозреваемый загладил вред, причиненный преступлением, и примирился с потерпевшим;

- с возмещением в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (часть 1 статьи 76.1 УК РФ) — возможно при наличии сле-

дующих условий: преступление совершено впервые; совершение преступления, предусмотренного статьями 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ [2];

- с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) — «возможно при наличии следующих условий: преступление совершено впервые; преступление небольшой или средней тяжести; виновный возместил потерпевшему ущерб или иным образом загладил причиненный преступлением вред» [6, с. 246];

- с истечением сроков давности (статья 78 УК РФ), то есть истечением установленных законом сроков со дня совершения преступления, которые делают нецелесообразным привлечение лица к уголовной ответственности. Отсчёт срока давности начинается с момента совершения противоправного деяния и заканчивается в тот день, когда судебный приговор обретает юридическую силу. Применительно к деяниям преступным данный срок начинает течь с того момента, когда преступная деятельность была прекращена — независимо от того, произошло ли это по собственному желанию виновного или помимо его воли. Что касается продолжаемых преступлений, точкой отсчёта служит совершение финального противоправного акта в цепочке преступных действий. Если же преступление складывается из двух самостоятельных действий, исчисление срока давности ведётся начиная с последнего из них. Прекращение уголовного преследования по основанию истечения давностного срока возможно исключительно при соблюдении одного ключевого условия: на протяжении всего установленного периода лицо, причастное к совершению преступления, не предпринимало попыток скрыться от органов следствия, суда или уклониться от исполнения обязанности по уплате судебного штрафа. В случае нарушения данного условия течение срока давности останавливается, что прямо предусмотрено положениями части 3 статьи 78 УК РФ. Простое изменение адреса проживания или трудоустройство в новом месте само по себе не может расцениваться как намеренное уклонение от уголовного преследования, если при этом отсутствуют какие-либо целенаправленные действия, свидетельствующие о стремлении лица избежать привлечения к ответственности;

- в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 78.1 УК РФ) [2].

Прекращение возбужденного уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьей 78 УК РФ, не допускается, если против этого возражает обвиняемый. Производство по делу в этом случае продолжается в обычном порядке. Если оно завершается вынесением обвинительного приговора, суд с учетом истечения срока давности прекращает уголовное дело [4, с. 60].

В науке уголовного права нет единого мнения о правовой природе освобождения от уголовной ответствен-

ности. Существует дискуссия о том, является ли это отказом от осуждения виновного или отказом от применения наказания. Некоторые авторы считают, что освобождение означает прекращение всех правовых последствий, связанных с преступлением, включая прекращение уголовно-правовых отношений. Другие подчёркивают, что государство отказывается не только от осуждения, но и от возложения на виновного обязанности претерпеть неблагоприятные последствия.

Ряд проблем института освобождения от уголовной ответственности связан со ст. 76 УК РФ, согласно которой «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и компенсировало причиненный вред» [2]. Возможность урегулирования конфликта между участниками уголовного процесса и последующего закрытия дела во многом определяется индивидуальными особенностями каждой ситуации, которую рассматривает суд. Потерпевший вправе выразить о своем нежелании привлекать виновного к уголовной ответственности, снять все имеющиеся претензии и ходатайствовать о закрытии производства по делу. При этом ключевым условием является взаимное волеизъявление обеих сторон, позволяющее удостовериться в том, что достигнутое соглашение носит добровольный характер. Однако существенной проблемой остаётся отсутствие в действующем российском уголовном законодательстве чётко выработанных процессуальных инструментов, которые давали бы реальную возможность проверить, является ли примирение сторон искренним и свободным от какого-либо давления извне [3, с. 224].

Рассматривая данную проблематику, следует обратиться к механизму медиации как альтернативному способу разрешения споров. Внедрение подобного инструмента способно существенно укрепить авторитет судебной системы в глазах общества, сгладить конфликтные настроения среди населения, а также сделать уголовный процесс более эффективным и сократить тюремное население страны. Нейтральные посредники, вовлечённые в урегулирование разногласий между сторонами, могут гарантировать, что принятые решения будут основаны исключительно на свободном волеизъявлении участников без какого-либо давления извне. Представляется крайне необходимым, чтобы законодатель всерьёз занялся вопросом включения медиативных процедур в систему уголовного правосудия. Подобный шаг, по нашему убеждению, мог бы кардинально изменить отношение граждан к правоохранительным институтам в лучшую сторону, способствовать стабилизации общественного

климата, повысить качество и скорость уголовного судопроизводства, а также существенно разгрузить пенитенциарные учреждения.

Помимо этого, практика применения судебных штрафов сопряжена с рядом существенных затруднений, обусловленных теоретическими пробелами данного правового механизма. Величина денежного взыскания устанавливается в каждом конкретном случае отдельно, принимая во внимание характер и условия совершённого противоправного деяния, особенности личности правонарушителя, а также степень его общественной опасности. Тем не менее, законодательство не предусматривает нижней границы подобного взыскания, что порождает правовую неопределённость. В связи с этим представляется целесообразным реформирование действующего уголовного законодательства путём законодательного закрепления минимально допустимого порога денежного взыскания применительно к преступлениям, относящимся к категориям небольшой и средней степени тяжести.

Отдельную сложность представляет то обстоятельство, что действующее законодательство допускает применение судебного штрафа исключительно в зависимости от степени тяжести совершённого деяния, ограничиваясь лишь преступлениями небольшой и средней тяжести. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что по целому ряду уголовных дел прекращение уголовного преследования является недопустимым. В связи с этим представляется необходимым на законодательном уровне закрепить конкретный перечень деяний небольшой и средней тяжести, в отношении которых назначение судебного штрафа исключается.

Подводя итог, следует отметить, что на современном этапе всё большую значимость приобретает тенденция к урегулированию правовых споров без применения мер уголовного наказания, в частности, посредством механизма освобождения лица от уголовной ответственности.

Вместе с тем необходимо признать, что существующие правовые инструменты, позволяющие лицу избежать уголовного преследования, в их текущем состоянии зачастую не отвечают актуальным задачам уголовно-правовой политики и реальным запросам правоприменительной деятельности. В целях повышения результативности и обоснованности проводимой уголовной политики, а также придания законодательству более гуманного характера представляется необходимым продолжить работу по модернизации данного правового института, преодолению имеющихся в нём пробелов и противоречий, а также формированию надлежащей системы правового регулирования в указанной сфере.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Гринберг У. А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности // Россия — моя история. Материалы XXV научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А. Н. Радищева, приуроченных к Году защитника Отечества. Малоярославец, 2026. С. 223–228.
4. Караева Л. Х., Икаев Б. Р. Особенности освобождения от уголовной ответственности и освобождение от наказания // Вестник магистратуры. 2024. № 6–4 (153). С. 60–62.
5. Нухдурев Р. О. Место института освобождения от уголовной ответственности в системе оснований освобождения от уголовной ответственности // Human Progress. 2024. Т. 10. № 9. С. 29.
6. Петухова В. Б. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: место в системе оснований освобождения от уголовной ответственности // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 10 (91). С. 244–250.

Проблемы квалификации фишинга как способа интернет-мошенничества в российском уголовном праве

Бочкарева София Геннадьевна, студент;

Гатауллина Милена Сергеевна, студент

Научный руководитель: Красущих Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой квалификации фишинга в условиях отсутствия специального состава преступления в УК РФ. Авторами анализируются спорные аспекты разграничения ст. 159, 159.6 и 158 УК РФ. Выделяются возникающие при производстве проблемы, обусловленные неоднозначностью судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: фишинг, киберпреступность, квалификация преступлений, мошенничество в сфере компьютерной информации, судебная практика.

С увеличением количества людей, использующих сеть Интернет и цифровые технологии, растёт и количество киберпреступлений. Эти преступления представляют серьёзную угрозу как для граждан, так и для организаций, поскольку могут нанести значительный экономический ущерб физическим лицам, компаниям и государству в целом. Преступники, используя новые информационные технологии, формируют новые способы хищения, а законодатель зачастую попросту не успевает своевременно адаптировать уголовно-правовые нормы для их соответствия произошедшим информационным изменениям. В связи с этим, в науке и следственно — судебной практике отсутствует единообразное понимание признаков составов преступлений, связанных с компьютерными технологиями, в частности мошенничества в сфере компьютерной информации.

В результате чего, в теории уголовного права появляется такое понятие, как «фишинг» — это способ мошенничества в интернете, при котором злоумышленники пытаются завладеть личными данными, такими как пароли, номера банковских карт, логины.

Российская газета сообщила о проведённом исследовании ВЦИОМ, которое показало, что жертвой интернет-мошенников становится каждый 3-й пользователь сети Интернет в России, при этом более 70 % от числа несанк-

ционированных операций с использованием платёжных карт. Ежегодно более 50 млн. долл. приходится именно на продажу данных, похищенных с помощью фишинга. Приведенная статистика подтверждает актуальность исследуемой темы работы [3].

По данному вопросу высказал своё мнение руководитель подразделения Центра информационной безопасности ФСБ России С. Ю. Михайлов: «в России самое лояльное законодательство по отношению к киберпреступности» [4]. Действительно, в Уголовном кодексе РФ отсутствует специальный состав преступления, предусматривающий ответственность за фишинг. В зависимости от специфики совершения, такие деяния квалифицируются по разным статьям, что вызывает сложности в правильности квалификации данного вида преступления.

Различные точки зрения на способы мошенничества в сфере компьютерной информации обусловлены отсутствием классического обмана в диспозиции статьи 159.6 УК РФ [5]. Для этого состава преступления не характерно введение лица в заблуждение при непосредственном устном или письменном контакте. При исследовании компьютерного мошенничества об обмане можно говорить весьма условно, правильнее указывать, что происходит преодоление средств программно-технической защиты. В свою очередь, под фишингом необходимо понимать по-

лучение доступа к информации, чаще всего личной или имеющей юридическое значение, путем выдачи себя за доверенное лицо или организацию. Стоит отметить, что самое главное то, что жертва добровольно ведётся на передачу свои данные злоумышленнику, заблуждаясь в подлинном характере интернет-сайта, воздействия на компьютерную информацию потерпевшего не произойдет. Единообразная практика по данному вопросу отсутствует и в решениях судов.

Так судом было установлено, что подсудимый нашел в социальной сети гражданку А., с которой ранее не встречался. Обманывая ее относительно своих настоящих целей, он предложил оформить банковскую карту под предлогом перевода заработной платы иностранным работникам. Не раскрыв своих настоящих намерений, он заверил А., что она получит денежное вознаграждение за оформление карты, на что она согласилась. После этого виновный передал полученную карту своим соучастникам. Затем неустановленный соучастник, используя данные банковской карты, полученные путем фишинговой атаки во время пребывания потенциальной жертвы в интернете на поддельном сайте банка, инициировал операцию по переводу средств с карты А. на карту подсудимого. Впоследствии второй соучастник обналичил похищенные деньги через банкомат. Действия виновного были квалифицированы по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ. Раскрывая объективную сторону, суд лишь указал, что имело место вмешательство в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации [2].

В другом случае, Октябрьским районным судом города Ижевска установлено, что Канус В. Н. и Шигапов Э. Р., знали диапазон телефонных номеров клиентов ООО «Т2 Мобайл» в Ямало-Ненецком автономном округе. Используя ноутбук «ACER» и программу, предназначенную для массовой отправки SMS-сообщений и электронного маркетинга, они воспользовались коммутатором со слотами для SIM-карт и совершили массовую рассылку SMS-сообщений (фишинг) гражданам на их телефонные номера. Сообщения содержали заведомо недостоверную информацию о блокировке банковских карт, а также указывали абонентский номер для получения дополнительной информации. Одно из подобных SMS-сообщений было доставлено на абонентский номер, который использовал К. О. А. В тот же день К. О. А. позвонил по указанному в сообщении абонентскому номеру с целью выяснения причин блокировки его банковской карты. В ходе разговора виновные представились сотрудниками де-

партамент безопасности банка и сообщили заведомо ложные сведения о блокировке банковской карты К. О. А. Продолжая свои преступные действия, Шигапов Э. Р. пояснил К. О. А., что для разблокировки его банковской карты последний должен сообщить все реквизиты своей банковской карты. В то же время, К. О. А., полагая, что последний действительно является сотрудником департамента безопасности банка, сообщил все реквизиты своей банковской карты, а также согласился сообщить одноразовые пароли, необходимые для получения доступа к безналичным денежным средствам. После чего виновные, зайдя на Интернет-сайт банка, авторизовались под имеющимися данными и осуществили перевод денежных средств со счета потерпевшего на счёт банковской карты, которая находилась в пользовании подсудимых. Действия виновных были квалифицированы по п. п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ [3].

В таком случае возникает вопрос — как правильно квалифицировать содеянное, если оценка по ст. 159.6 УК РФ не представляется возможной. С одной стороны, по первому абзацу 21 пункта Постановления Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении, растрате». При анализе этого пункта можно сделать вывод, что содеянное необходимо квалифицировать как кражу. Однако следующий абзац этого же пункта гласит иное: «Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (например, создание поддельных сайтов интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159.6 УК РФ» [1]. С одной стороны, аналогичные деяния могут квалифицироваться по разным статьям Особенной части УК РФ. С другой стороны, при более детальном анализе данных разъяснений можно сделать иной вывод. В тех случаях, когда лицо создает, например, поддельный сайт интернет-магазина, предполагается что потерпевший сам, лично переведет деньги на счет злоумышленника, оплачивая какую — либо покупку. Следовательно, такие действия необходимо оценивать как мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ. В случае, если фишинг, осуществляемый виновным, был направлен на завладение данными держателя карты, для последующего перечисления денежных средств со счета потерпевшего, то содеянное необходимо квалифицировать по ст. 158 УК РФ.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 22.05.2026).
2. Волкова О. В., Дроздова Е. А. Фишинг как угроза бизнесу и государству / О. В. Волкова, Е. А. Дроздова // Проблемы в российском законодательстве — 2024. — Т.16. — № 2. — URL: <https://scinetwork.ru/articles/44859> (дата обращения: 22.05.2026).

3. Казакова Н. В. Место и роль фишинговых интернет-страниц в механизме телефонных мошенничеств / Н. В. Казакова // Правовой альманах. — 2025. — № 1 (41). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-fishingovyh-internet-stranits-v-mehanizme-telefonnyh-moshennichestv> (дата обращения: 22.05.2026).
4. Кильметова, Р. Р. Современные виды мошенничества в сети интернет и пути их разрешения / Р. Р. Кильметова, Р. Р. Савлохов, Д. К. Пухаев [и др.] // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vidy-moshennichestva-v-seti-internet-i-puti-ih-razresheniya> (дата обращения: 22.05.2026).
5. Модонов, Н. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: понятие и виды / Н. В. Модонов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 50 (549). — С. 319–321. — URL: <https://moluch.ru/archive/549/120385>. (дата обращения: 22.05.2026).

Тактические приемы подготовки к обыску

Бражников Георгий Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Верстов Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются тактические приемы подготовки к производству обыска как ключевому следственному действию, обеспечивающему собирание доказательств. Цель работы — систематизировать современные подходы к подготовительному этапу обыска и выявить наиболее эффективные тактические решения. На основе анализа научной литературы и следственной практики автором выделены и охарактеризованы основные направления подготовки: сбор ориентирующей информации, изучение личности обыскиваемого и места проведения, определение времени, подбор участников и технических средств. Особое внимание уделено внезапности как системообразующему тактическому приему. Сформулированы рекомендации по оптимизации подготовки к обыску в условиях цифровизации расследования.

Ключевые слова: обыск, тактические приемы, подготовка к обыску, криминалистическая тактика, внезапность, следственные действия, собирание доказательств.

Введение

Эффективность расследования преступлений в значительной мере обусловлена качеством собирания доказательств. Среди следственных действий, направленных на поиск и изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, ключевое место занимает обыск. В соответствии со ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), обыск производится при наличии достаточных оснований полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, имеющие значение для дела.

Как справедливо отмечает Г. В. Романова, сегодня обыск признается одним из наиболее сложных следственных действий, что обусловлено, прежде всего, вторжением в частную жизнь участников уголовно-процессуальных отношений и необходимостью тщательной тактической подготовки [1, с. 519]. Анализ научных трудов (Р. С. Белкин, О. Я. Баев, Е. П. Ищенко и др.) и материалов следственной практики показывает, что наибольшее количество ошибок и нарушений закона допускается именно на подготовительном этапе. Недооценка тактических приемов подготовки приводит к утрате доказательственной информации, уничтожению или сокрытию искомых объектов, возникновению конфликтных ситуаций.

В работе использованы диалектический метод познания, формально-логический, сравнительно-правовой анализ норм УПК РФ, а также метод обобщения эмпирического опыта, отраженного в публикациях и диссертационных исследованиях по криминалистике.

Тактика подготовки обыска представляет собой совокупность научно обоснованных рекомендаций по организации и планированию предстоящего следственного действия. Традиционно в криминалистике выделяют несколько этапов подготовки, каждый из которых имеет свой арсенал тактических приемов.

1. Сбор ориентирующей информации об искомых объектах и личности обыскиваемого.

Успех обыска напрямую зависит от того, насколько полно следователь владеет информацией о том, что и у кого надлежит искать. Как подчеркивает Э. Д. Нугаева, сбор ориентирующей информации включает характеристику объекта (внешний вид, размер, форма, объем, количество, отличительные признаки), а также данные о личности обыскиваемого: судимости, профессии, образе жизни, круге связей, наличии оружия, степени агрессивности [2, с. 58–59].

Тактически значимым приемом является получение информации из оперативных источников. Вопреки мнению отдельных процессуалистов, считающих, что оперативно-розыскные данные не могут служить основанием для обыска, А. В. Варданян обоснованно указывает, что именно

такие сведения, наряду с имеющимися доказательствами, позволяют сделать обоснованный вывод о нахождении искомого в определенном месте [3, с. 12]. Тактически верно использовать результаты оперативного наблюдения для моделирования вероятных мест сокрытия.

2. Изучение места обыска и способов проникновения.

Данный этап предполагает получение сведений о планировке помещения, этажности, наличии запоров, тайников, бронированных дверей, запасных входов и выходов. Особое значение приобретает способ проникновения. Тактический прием — обеспечение внезапности. Как верно отмечает Г. В. Романова, для этого рекомендуется скрытное выдвижение на место, оставление транспорта на отдалении, а при необходимости — легендированный доступ (с помощью соседей, родственников, почтальонов) [1, с. 520].

В сложных случаях (например, при наличии металлической двери или охраны) разрабатывается тактическая операция проникновения. Промедление, как показывает практика, может привести к уничтожению наркотических средств, оружия или иных доказательств.

3. Определение времени производства обыска как тактический прием.

Внезапность неразрывно связана с фактором времени. Наиболее распространенным тактическим приемом является проведение обыска в утренние или дневные часы, когда бдительность обыскиваемого снижена. Однако в исключительных случаях (при наличии реальной угрозы уничтожения доказательств) обыск должен производиться незамедлительно, независимо от времени суток. А. В. Варданян обоснованно предлагает дополнить ст. 165 УПК РФ положением о том, что постановление суда, разрешающее производство следственного действия, может быть обращено к исполнению немедленно [3, с. 14].

4. Подбор участников и их инструктаж.

Тактический прием — это формирование следственно-оперативной группы (СОГ) с учетом специфики обыска. В состав группы, помимо следователя и оперативных сотрудников, должны входить: специалист-криминалист (для работы с тайниками и следами), специалист в области компьютерной информации (при изъятии цифровых носителей), при необходимости — кинолог, взрывотехник, представитель жилищно-эксплуатационной организации.

До начала обыска проводится инструктаж: распределяются обязанности, определяются зоны поиска, устанавливаются меры безопасности. Отдельного внимания заслуживает вопрос о понятых. А. В. Варданян высказывает обоснованное предложение об отказе от института понятых при обыске с обязательным применением видеосъемки, что позволит исключить формализм и повысить достоверность фиксации [3, с. 17]. Однако до внесения соответствующих изменений в УПК РФ тактически верно обеспечивать участие не менее двух понятых, а при одновременном обыске в нескольких помещениях — не менее двух в каждом.

5. Подготовка технико-криминалистических средств.

Этот этап включает выбор и проверку работоспособности поисковых приборов (металлоискателей, нелинейных локаторов для обнаружения электронных устройств), осветителей, средств для вскрытия хранилищ (с минимизацией повреждений), а также упаковочного материала. Тактически значимым приемом является подготовка специальных контейнеров (клетка Фарадея, пищевая фольга) для изъятия мобильных устройств, чтобы предотвратить дистанционную блокировку или удаление информации.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что тактические приемы подготовки обыска представляют собой систему взаимосвязанных действий, направленных на создание оптимальных условий для обнаружения и изъятия доказательств. Наиболее значимыми из них являются: обеспечение внезапности (включая выбор времени и способа проникновения), комплексный сбор ориентирующей информации, грамотный подбор и инструктаж участников СОГ, а также подготовка необходимых технико-криминалистических средств.

Нарушение или игнорирование данных тактических приемов на подготовительном этапе делает обыск малоэффективным либо вовсе приводит к утрате доказательств и признанию их недопустимыми. Перспективным направлением является также законодательное закрепление обязательного применения видеозаписи вместо понятых при производстве обыска, что повысит как тактический потенциал, так и процессуальную надежность результатов.

Литература:

1. Романова Г. В. Особенности тактики и проблемные аспекты проведения обыска // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. Т. 35, вып. 3. С. 519–525.
2. Нугаева Э. Д. Обыск: виды и тактика его производства // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 57–66.
3. Варданян А. В. Тактико-психологические основы производства обыска: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 25 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
5. Егоров Н. Н., Ищенко Е. П. Криминалистическая тактика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 192 с.

Тактические и психологические приемы производства обыска

Бражников Георгий Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Верстов Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются тактические и психологические приемы, используемые следователем при производстве обыска — принудительного поискового следственного действия в уголовном судопроизводстве. Цель работы — проанализировать основные подходы к тактике обыска с учетом психологических аспектов взаимодействия участников. Основные результаты: выявлено значение фактора внезапности, систематизированы тактические приемы в зависимости от этапа обыска, проанализированы психологические методы воздействия на обыскиваемого. Сделан вывод о необходимости интеграции тактических и психологических знаний для повышения эффективности обыска.

Ключевые слова: обыск, тактика обыска, психологические приемы, следственные действия, фактор внезапности, следователь, обыскиваемый, тайник, криминалистика.

Введение

Обыск традиционно занимает особое место в системе следственных действий российского уголовного процесса. Как справедливо отмечает Р. С. Белкин, обыск — это процессуальное действие, содержанием которого является принудительное обследование помещений, сооружений, участков местности, транспортных средств и отдельных граждан в целях отыскания и изъятия скрываемых доказательств преступления, документов, ценностей, а также розыска лиц и трупов [1, с. 312].

Несмотря на детальную уголовно-процессуальную регламентацию (ст. 182–184 УПК РФ), на практике у следователей возникают существенные трудности, связанные с организацией и непосредственным проведением обыска. Анализ следственной практики показывает, что только в половине случаев обыски дали положительный результат. Причиной тому, как обоснованно указывают Е. А. Бартенев и А. М. Сажаев, выступают не только процессуальные, но и организационно-тактические ошибки, а также недостаточный учет психологических аспектов взаимодействия с обыскиваемым [2, с. 96].

В криминалистической литературе под тактикой обыска понимается система научно обоснованных рекомендаций по наиболее оптимальной организации и проведению данного следственного действия в целях обнаружения и изъятия объектов, имеющих значение для уголовного дела. Как отмечает Р. Л. Ахмедшин, «тактика поисковых следственных действий, и обыска в особенности, должна строиться на учете двух групп факторов: объективных (обстановка, искомые объекты) и субъективных (личность обыскиваемого, его психологическое состояние)» [3, с. 45].

Особенностью обыска является его ярко выраженный принудительный и, как правило, конфликтный характер. Именно поэтому тактические приемы здесь неразрывно связаны с психологическими. Следователь должен не только технически грамотно обследовать помещение, но и управлять поведением обыскиваемого, прогнозировать его реакции и своевременно на них реагировать.

Фактор внезапности как основополагающий тактический принцип. Большинство исследователей (А. А. Леви, А. И. Михайлов, Н. П. Яблоков) сходятся во мнении, что ключевым условием результативности обыска является внезапность его производства. Как подчеркивается в работе Н. Б. Садыкова и А. А. Цыдыповой, «именно благодаря такой тактике, как внезапное проведение обыска, и достигаются положительные результаты» [4, с. 35].

Фактор внезапности реализуется через следующие элементы:

- обыскиваемый не должен знать, что находится под подозрением;
- уголовное дело возбуждается, задержание и обыск производятся незамедлительно;
- следователь заранее изучает личность обыскиваемого, его связи, места возможного нахождения тайников.

Вместе с тем, как обоснованно предупреждают Е. А. Бартенев и А. М. Сажаев, «некоторые ошибки, допускаемые следователями, по последствиям сравнимы с работой минеров — совершаются один раз» [2, с. 97]. В частности, отсутствие предварительной информации о лицах, находящихся в помещении, может привести к активному физическому противодействию.

Тактические приемы на подготовительном этапе. Анализ специальной литературы и следственной практики позволяет выделить следующие обязательные элементы подготовки, влияющие на успех обыска:

- изучение материалов уголовного дела — получение максимальной информации о признаках искомых объектов (форма, размер, упаковка, специфический запах и др.);
- сбор данных о личности обыскиваемого — черты характера, профессиональные навыки, образ жизни, наличие судимостей. Как отмечает Э. Д. Нугаева, «человеку, устраивающему тайник, свойственно воспользоваться для этого своими профессиональными навыками» [5, с. 60]. Например, инженер может оборудовать тайник в сложных конструкциях, а врач — в медицинском оборудовании.
- изучение места обыска — планировка помещения, наличие решеток, сигнализации, запасных выходов, возможных препятствий.

– подбор участников и технических средств — с учетом физических возможностей понятых, наличия специалистов (криминалист, программист, кинолог).

Рабочий этап традиционно делится на обзорную и детальную стадии. Именно на этих стадиях наиболее активно применяются психологические приемы.

Наблюдение за поведением обыскиваемого. Классическим приемом является наблюдение за реакцией обыскиваемого по мере приближения к месту сокрытия. Обыскиваемый, испытывая стресс, непроизвольно выдает себя: меняет позу, отводит взгляд, начинает отвлекать внимание следователя. Как указывает Н. Б. Садыков, «в процессе обыска следует внимательно наблюдать за реакцией обыскиваемого и членов его семьи, отмечать ее изменения по мере приближения к месту сокрытия искомого предмета» [4, с. 36].

Метод «словесной разведки». Данный метод заключается в том, что следователь вслух называет очередной объект обследования или предполагаемое место тайника, наблюдая за реакцией обыскиваемого. Э. Д. Нугаева обоснованно отмечает, что «положительного результата можно добиться с помощью метода словесной разведки, когда следователь называет вслух очередной объект обыска, наблюдая при этом за тем, какое это окажет действие на указанных лиц» [5, с. 62].

Приемы рефлексивного управления. Следователь должен ставить себя на место обыскиваемого, прогнозируя возможные способы сокрытия. Как отмечает Р. Л. Ахмедшин, «поисковая функция обыска имеет психологические основы, связанные с закономерностями психологии сокрытия и психологии обнаружения» [3, с. 52]. Это позволяет выдвигать версии о наиболее вероятных местах тайников (пустоты в стенах, сейфы, вентилиция, мягкая мебель, компьютерная техника).

Тактические приемы детального поиска. В криминалистике разработаны следующие методы поиска:

- последовательный (сплошной) поиск — обследование всего помещения или территории без пропусков, двигаясь по периметру (например, «по часовой стрелке»);
- выборочный поиск — обследование отдельных участков, где вероятность нахождения искомого наиболее высока.
- параллельное и встречное обследование — при участии нескольких лиц.
- обследование с нарушением целостности объекта — вскрытие запечатанных хранилищ, тайников, разборка конструкций, но только при наличии достаточных оснований и с обязательным отражением в протоколе.

Особого внимания заслуживает тактический прием, обозначаемый как «первичный — повторный обыск». Суть его, по мнению А. Н. Гусакова, заключается в том, что «заведомо безрезультатный первичный обыск создает

у обыскиваемого убеждение в безопасности определенного места, после чего скрываемые объекты могут быть перепрятаны именно туда, где затем производится результативный повторный обыск» [6, с. 265].

Фиксация результатов и значение видеозаписи. В соответствии с ч. 13 ст. 182 УПК РФ в протоколе обыска в обязательном порядке указывается, в каком месте и при каких обстоятельствах были обнаружены предметы и документы. Однако, как показывает практика, одного письменного описания недостаточно.

Дополнительными средствами фиксации выступают фотосъемка и видеозапись. Э. Д. Нугаева справедливо подчеркивает: «сам факт видеозаписи психологически действует на участников обыска, сдерживает от вступления в открытый конфликт и исключает последующие жалобы и заявления» [5, с. 58]. Видеозапись особенно целесообразна при фиксации сложных тайников, динамики поиска, а также действий обыскиваемого при добровольной выдаче предметов.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Успех обыска в решающей степени зависит от качества подготовки: изучения личности обыскиваемого, особенностей места обыска, продуманного подбора участников и технических средств.

Фактор внезапности является основополагающим тактическим принципом производства обыска, позволяющим застать обыскиваемого врасплох и предотвратить уничтожение доказательств.

Психологические приемы (наблюдение за поведением, метод словесной разведки, рефлексивное управление) должны органично дополнять тактические приемы поиска, поскольку обыск — это не только техническое, но и коммуникативно-психологическое взаимодействие.

Применение видеозаписи в ходе обыска выполняет двойную функцию: фиксации доказательственной информации и психологического сдерживания конфликтного поведения участников.

Тактическая комбинация «первичный — повторный обыск» может быть эффективна в случаях, когда первичный обыск не дал результатов, но имеются основания полагать, что искомые объекты были временно удалены и впоследствии возвращены.

Таким образом, повышение эффективности обыска требует от следователя не только знания уголовно-процессуальных норм, но и владения широким арсеналом тактических и психологических приемов, а также умения применять их комплексно с учетом конкретной следственной ситуации.

Литература:

1. Белкин Р. С. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Норма, 2006. — 992 с.

2. Бартенев Е. А., Сажаяев А. М. О некоторых ошибках организации и тактики производства обыска // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2025. — № 2. — С. 95–101.
3. Ахмедшин Р. Л. Тактика поисковых следственных действий. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 384 с.
4. Садыков Н. Б., Цыдыпова А. А. Психологические и тактические приемы производства обыска // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. — 2022. — Вып. 2. — С. 33–39.
5. Нугаева Э. Д. Обыск: виды и тактика его производства // Право: ретроспектива и перспектива. — 2022. — № 3 (11). — С. 57–66.
6. Гусаков А. Н. Тактика обыска // Криминалистика: учебник / Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. — М.: Высшая школа, 1994. — С. 260–271.

Современное состояние законодательства и правоприменительной практики по защите права собственности от посягательств

Быканова Кристина Александровна, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье анализируются актуальные проблемы реализации вещно-правовых способов защиты права собственности в Российской Федерации. Исследуются законодательные пробелы в регулировании выморочного имущества, конкуренция виндикационного иска и иска о признании права отсутствующим, а также типичные правоприменительные ошибки при разрешении споров о самовольных постройках и разделе земельных участков сельскохозяйственного назначения. На основе анализа Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025) и определений Судебной коллегии по гражданским делам формулируются выводы о необходимости оптимизации механизмов защиты прав добросовестных приобретателей и совершенствования процедур оформления прав публичными собственниками.

Ключевые слова: право собственности, защита права собственности, виндикационный иск, добросовестный приобретатель, выморочное имущество, самовольная постройка, судебная практика, земельный участок, Единый государственный реестр недвижимости.

Институт права собственности выступает основой функционирования рыночной экономики и гарантом экономической самостоятельности личности. Легальное закрепление данного права в статье 35 Конституции Российской Федерации предполагает не только декларацию, но и создание эффективного механизма его охраны от любых противоправных посягательств. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся разработанность гражданско-правовых способов защиты, закрепленных в главе 20 Гражданского кодекса РФ, современная правоприменительная практика сталкивается с серьезными вызовами, связанными с пробелами в законодательстве, конкуренцией вещно-правовых и обязательствственно-правовых исков, а также необходимостью соблюдения баланса между интересами собственника и добросовестного приобретателя. В связи с этим исследование актуального состояния законодательства и тенденций судебной практики представляет собой не только теоретический, но и сугубо практический интерес.

Анализ действующего законодательства позволяет констатировать, что основной массив норм о защите права собственности сосредоточен в статьях 301–306 Гражданского кодекса РФ, предусматривающих такие классические способы, как виндикационный и негаторный иски, а также иск о признании права собственности.

Как справедливо отмечает А. Д. Папина, сущность способов защиты заключается в обеспечении возможности владельцам свободно распоряжаться имуществом, однако на практике реализация этого права зачастую сопряжена с необходимостью доказывания обстоятельств, имеющих повышенную сложность [10, с. 49]. Полагаем, что одной из ключевых проблем является формальный подход законодателя к определению выморочного имущества. Пункт 2 статьи 1151 ГК РФ относит жилые помещения в собственность публично-правовых образований, но при этом порядок оформления такого права должным образом не регламентирован. Как следствие, как верно отмечено в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025), бездействие публичного собственника, не принимающего мер по выявлению и оформлению выморочных квартир в разумный срок, создает предпосылки для их утраты и последующих виндикационных споров [5, п. 5]. С нашей точки зрения, это свидетельствует о необходимости внедрения межведомственного регламента, обязывающего органы местного самоуправления оперативно инициировать процедуру наследования выморочного имущества, что снизит количество дел о признании права отсутствующим.

Существенную роль в развитии механизмов защиты играет судебное толкование. Постановление Пленума

Высшего Арбитражного Суда РФ № 10/22 закрепило подход, согласно которому иск о признании права отсутствующим является исключительным способом защиты, применяемым лишь тогда, когда право истца не может быть защищено путем предъявления виндикационного или иного специального иска [4, п. 52]. Обращаясь к правоприменительной практике, стоит отметить любопытную коллизию, выявленную Верховным Судом при рассмотрении дела № 26-КГ24-8-К5. Орган исполнительной власти субъекта РФ предъявил иск о признании права отсутствующим на земельный участок к добросовестному приобретателю, тогда как следовало использовать виндикацию с доказыванием выбытия имущества помимо воли собственника. Судебная коллегия справедливо указала, что аннулирование записей в ЕГРН без возврата полученного по сделке не восстанавливает права публичного образования, а лишь создает правовую неопределенность [6]. Мы разделяем позицию Верховного Суда, поскольку в данном случае суды низших инстанций подменили собой реестродержателя, что недопустимо в условиях действия принципа достоверности реестра.

Особого внимания заслуживает практика защиты права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения. В рамках дела № 18-КГ25-61-К4 суды апелляционной и кассационной инстанций пришли к ошибочному выводу о необходимости разработки проекта планировки территории при разделе участка, если образуемые участки сохраняют категорию «земли сельскохозяйственного назначения» и вид разрешенного использования «для сельскохозяйственного производства». Верховный Суд РФ, отменяя эти акты, резонно отметил, что в силу пункта 3 статьи 11.2 Земельного кодекса РФ целевое назначение образованных участков признается тем же, что и у исходного, и при ведении садоводства на таких землях перевода в иную категорию не требуется [8]. Данный пример, на наш взгляд, иллюстрирует гипертрофированное восприятие судами градостроительных требований, что ведет к необоснованному ограничению прав частных собственников. Полагаем, что Верховному Суду следовало бы дать отдельное разъяснение о том, что правила статьи 41 Градостроительного кодекса РФ о планировке территории не применяются к разделу участков, предназначенных для сельскохозяйственного производства, при отсутствии цели комплексного освоения.

Не менее показательным является спор о сносе самовольной постройки (Определение № 18-КГ25-195-К4). Апелляционная инстанция, руководствуясь лишь фотоматериалами и не обладая специальными познаниями, отклонила выводы судебной строительно-технической экспертизы о том, что строение является некапитальным и не требует разрешения на строительство на садовом участке. Ссылаясь на часть 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса РФ, Верховный Суд указал, что суд не вправе оценивать доказательства, подменяя эксперта

в вопросах, требующих специальных знаний [7]. Данное дело демонстрирует риски субъективной оценки в делах о защите права собственности, где зачастую происходит смешение понятий «самовольная постройка» (статья 222 ГК РФ) и «объект, не отвечающий признакам недвижимости». Как показывает анализ, администрации муниципальных образований нередко злоупотребляют правом на иск о сносе, требуя демонтажа даже тех объектов, которые в силу закона не являются капитальными. В этой связи мы убеждены, что необходимо на законодательном уровне закрепить презумпцию добросовестности правообладателя земельного участка в вопросах возведения вспомогательных строений, если их параметры не нарушают строительные нормы.

Проблема приобретательской давности и защиты прав добросовестного владельца также сохраняет свою остроту. Анализируя совокупность приведенных судебных актов, можно сделать вывод о том, что современная судебная практика постепенно отходит от формального аннулирования записей о праве в пользу поиска баланса интересов. Однако, на наш взгляд, законодательная техника в этой сфере остается несовершенной. В частности, в статье 302 ГК РФ не в полной мере учтена специфика нахождения недвижимого имущества в государственной казне, когда публично-правовое образование в силу установленной законом процедуры оформления прав на выморочное имущество длительное время не осуществляет фактическое владение и не заявляет о своих притязаниях. Как следствие, лицу, приобретшему квартиру у наследника по поддельному завещанию, но полагавшемуся на записи ЕГРН, может быть отказано в защите, что ставит под сомнение принцип публичной достоверности реестра. Полагаем, что решение данной проблемы лежит в плоскости приведение в соответствие Федерального закона № 218-ФЗ положениям ГК РФ в части установления предельных сроков для обращения публичных собственников с виндикационными исками.

В заключение следует подчеркнуть, что защита права собственности представляет собой комплексный институт, находящийся в постоянной динамике под влиянием судебной практики. Изученные казусы свидетельствуют о том, что несмотря на наличие развернутой нормативной базы, применение вещно-правовых исков сопряжено с риском судебных ошибок, вызванных либо неверной квалификацией способа защиты (признание права отсутствующим вместо виндикации), либо игнорированием заключений экспертов. Перспективным направлением реформирования, по нашему мнению, является не столько ужесточение санкций за нарушение прав собственности, сколько оптимизация процедур государственной регистрации и повышение роли нотариата в предварительном контроле за законностью сделок. Только при условии согласованного действия всех элементов правового механизма можно говорить о полноценной реализации статьи 35 Конституции Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4344.
4. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2010. — № 7.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 октября 2025 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2025. — № 11. — С. 15–42.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2025 г. № 26-КГ24–8-К5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2026. — № 2. — С. 23–28.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2025 г. № 18-КГ25–195-К4 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2025. — № 12. — С. 34–38.
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2025 г. № 18-КГ25–61-К4 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2025. — № 10. — С. 45–49.
9. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 8. — С. 12–20.
10. Папина, А. Д. Сущность способов защиты права собственности / А. Д. Папина // Актуальные исследования. — 2024. — № 13 (195), ч. II. — С. 49–51.

Правовое регулирование защиты прав несовершеннолетних в России

Воронов Вячеслав Александрович, студент магистратуры
Московский экономический институт

Говоря о защите прав несовершеннолетних детей в Российской Федерации, стоит отметить, что помимо государственных органов неправительственных и общественных организаций, осуществляющих защиту детей, существуют также социальная помощь в целях охраны и защиты детства, путём разработки государством определённых гарантий, выплат пособий для наиболее нуждающихся членов общества.

Можно сказать, что политические программы, направленные на защиту прав детей позволяют государству формировать и разрабатывать определённую тактику для развития и усовершенствования механизма защиты прав детей. Вместе с тем, как в России, так и в субъектах РФ активно развивается система организации отдыха и оздоровления детей [1].

Защита прав несовершеннолетних в России на национальном уровне осуществляется посредством различных форм, механизмов, а также с помощью различных органов и организаций, в функции которых входит:

1. Гарантия обеспечения жильём детей-сирот. Для детей-сирот, а также детей, которые остались без попечения родителей, действует поддержка государства, заключа-

ющаяся непосредственно в предоставлении жилых помещений в соответствии с договором найма жилых помещений.

2. Принятие профилактических мер безнадзорности и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Данные меры способствуют снижению антиобщественных действий, своевременному выявлению и пресечению деяний подростков, вовлеченных в данную антиобщественную среду.

В нашей стране фигурирует отдельный законодательный акт Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», регулирующий вопросы, связанные с безнадзорностью несовершеннолетних. Данный закон возлагает на Министерство по делам молодежи следующие функции:

1) разработка программ, касающихся профилактики безнадзорности несовершеннолетних;

2) помощь и взаимодействие с детскими и молодежными общественными объединениями, осуществляющими меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

3) участие на конкурсной основе с общественными объединениями в профилактике безнадзорности;

4) организация отдыха, досуга и занятости несовершеннолетних.

С безнадзорными детьми проводится индивидуальная работа психолога, которая позволяет прививать таким детям положительные нравственные и моральные устои общества. Данные меры дают возможность социально защитить детство и семью.

3. Меры, направленные на улучшение положения социально дезадаптированных несовершеннолетних. Что касается термина «социально дезадаптированный», таковыми называются несовершеннолетние, которые не могут самостоятельно приспособиться к условиям общественной жизни. Данный факт обусловлен, во-первых, психическими расстройствами несовершеннолетнего, во-вторых, игнорированием и избеганием ребёнком всевозможных контактов с людьми и обществом. С данными детьми проводятся также профилактические меры (объединение детей в неформальные группы, волонтерское движение, военно-патриотическое воспитание подростков и т. д.).

4. В условиях развития современного российского общества достаточно актуальным остаётся вопрос социальной интеграции молодёжи. Указанный термин представляет собой процесс возобновления разрушенных связей подростка (молодёжи), который обеспечивается его «включённостью» практически во все основные сферы жизни.

Данный процесс называется стадией «взросления» ребёнка, то есть приобретение подростком определённого статуса в социуме. Несовершеннолетний, взрослея, меняет свое отношение ко всему окружающему, разрушаются те или иные психологические установки ребёнка, а также ценности в конкретной жизненной ситуации.

У подростков, находящихся на стадии взросления, чаще всего проявляются признаки делинквентного поведения, т. е. создание опасности причинения вреда общественному порядку. Делинквентное поведение является важным аспектом, изучаемым законодательством в связи с тем, что дети и подростки должны осознавать меру ответственности за противоправные действия, совершённые в отношении других лиц. В случае совершения проступка административная ответственность наступает у родителей, в особо тяжких случаях наказанию подвергается несовершеннолетний. Во избежание нарушения общественного порядка и причинения вреда окружающим необходимо проводить цикл бесед по формированию правовой грамотности детей и подростков.

В целях социализации несовершеннолетних в обществе в РФ созданы общественные культурные центры и организации, которые основываются на культурно-досуговой составляющей, где подростки приобретают нравственный опыт, развивают коммуникационные и духовные качества, а также обогащают свой нравственный потенциал. Основной направленностью общественных

и культурных центров является воспитание, в том числе привитие ребёнку знаний и представлений об исторических факторах, а также обычаях и традициях. Это позволяет повысить культуру подростка, активизировать несовершеннолетнего к духовному, творческому и интеллектуальному развитию.

Для несовершеннолетних, которые по тем или иным причинам были отчислены из образовательного учреждения, либо выбыли по определённым обстоятельствам, создаются условия для получения ими образования или продолжения обучения. Наличие образования оказывает существенное влияние на развитие личности подростка и создает условия для адаптации личности в обществе.

5. В нашей стране одной из воспитательных мер проведения работ с несовершеннолетними правонарушителями является арест. Арест — наказание, которое заключается в содержании несовершеннолетнего преступника в строгой изоляции от общества. Данная мера наказания имеет уголовный характер, поэтому особое внимание уделяется нейтрализации и устранению возникших криминальных факторов, совершаемых несовершеннолетними.

В России приоритетным направлением общественной политики является обязанность осуществления особой заботы о детях. В Российской Федерации отмечаются случаи жестокого обращения с детьми (насилие). Формы такого насилия: физическое, сексуальное, эмоциональное и т. д. Остановимся подробнее на наиболее часто встречающемся — эмоциональном насилии. Несовершеннолетний, может быть подвергнут ему также в случае отвержения его со стороны одного из родителей. У подростка приостанавливается либо нарушается эмоциональное развитие, ухудшается поведение, такой ребёнок хуже воспринимает происходящее вокруг, а также теряет всяческую способность к социализации.

6. В целях защиты прав несовершеннолетних в России используются технологии работы с детьми, изъятыми из семей. К этим профилактическим мерам относятся:

— выявление раннего социального неблагополучия семей;

— проведение с неблагополучными семьями работы по улучшению жизненных обстоятельств. Для достижения данной цели, необходимо скоординировать деятельность всех социальных служб (образование, здравоохранение, ювенальная юстиция) в сфере реабилитации семьи и государственных органов;

— внедрение в каждом субъекте России наиболее развитых, инфраструктурных методов и технологий реабилитации социально неблагополучных детей;

— обеспечение механизмами, позволяющими снизить и сократить случаи лишения родителей родительских прав.

7. В России участились случаи суицида подростков. Статистика показывает, что наша страна занимает второе место по суицидальным проявлениям. Ежегодно в России кончают жизнь самоубийством 3,5 тысячи детей. Принимая решение о совершении самоубийства, несовершенно-

нолетние руководствуются различными асоциальными факторами: психологическими, физиологическими, институциональными и др.

По мнению психологов, причины суицида могут быть разными: взаимоотношения в семье, проблемы

с друзьями, школьные трудности, учеба в ВУЗе и т. д. В целях защиты прав несовершеннолетних, склонных к суицидальному поведению, государством разрабатываются и проводятся профилактические меры, которые заключаются в предотвращении риска к суициду.

Литература:

1. Ильяшенко, А. И. Социальная среда в генезисе преступного поведения. Особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды: монография / А. И. Ильяшенко. — М.: ВНИИ МВД России, 2020. — 56 с.
2. Самойлова, И. Н. Взаимодействие дошкольной образовательной организации и семьи в нравственном воспитании ребенка / И. Н. Самойлова, В. А. Тимофеев // Проблемы детства в фокусе междисциплинарных исследований: материалы III-го Международного форума Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Таганрог, 29–30 сентября 2022 года. — Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2023. — С. 199–204. — EDN EXPRIO.
3. Самойлова, И. Н. Защита прав обучающихся, их родителей (законных представителей) коллегиальными органами управления и общественными объединениями / И. Н. Самойлова // Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и проблемы современного образования: Коллективная монография. К 125-летию Л. С. Выготского / Под общей редакцией А. Ю. Голобородько. — Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2021. — С. 114–121. — EDN MQECVZ.

Историческое развитие вещных прав лиц, не являющихся собственниками, в зарубежном праве

Гамаюнов Станислав Сергеевич, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются исторические этапы становления и развития вещных прав лиц, не являющихся собственниками, в зарубежных правовых системах. Анализируются особенности формирования ограниченных вещных прав в римском праве, их трансформация в эпоху Средневековья, а также влияние рецепции римского права на континентальную правовую систему. Особое внимание уделяется развитию сервитутов, эмпфитевзиса, суперфиции и залоговых прав. Делается вывод о значительном влиянии зарубежного исторического опыта на современное регулирование вещных прав.

Ключевые слова: вещные права, ограниченные вещные права, римское право, сервитут, эмпфитевзис, суперфиций, зарубежное право.

Historical development of property rights of persons who are not owners in foreign law

The article examines the historical stages of formation and development of property rights of persons who are not owners in foreign legal systems. The features of the formation of limited property rights in Roman law, their transformation in the Middle Ages, as well as the influence of the reception of Roman law on the continental legal system are analyzed. Particular attention is paid to the development of servitudes, emphyteusis, superficies and pledge rights. It is concluded that foreign historical experience has had a significant influence on the modern regulation of property rights.

Keywords: property rights, limited property rights, Roman law, servitude, emphyteusis, superficies, foreign law.

Институт вещных прав традиционно занимает центральное место в системе гражданского права. Его формирование и развитие обусловлены объективной необходимостью урегулирования отношений по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом [2, с. 34]. Наряду с правом собственности исторически разви-

вались и иные правовые конструкции, предоставляющие субъектам возможность осуществлять отдельные правомочия в отношении чужой вещи.

Особое место среди них занимают вещные права лиц, не являющихся собственниками. Данные права представляют собой юридическую форму ограниченного господ-

ства над чужой вещью и обеспечивают устойчивость имущественного оборота [5, с. 76]. Историческое развитие данного института наиболее полно прослеживается в зарубежных правовых порядках, прежде всего в римском праве и правовых системах континентальной Европы [3, с. 41].

Истоки ограниченных вещных прав восходят к римскому частному праву, которое сформировало основные подходы к разграничению права собственности и иных вещных прав [1, с. 58]. Одним из первых институтов стали сервитуты (*servitutes*), представлявшие собой право ограниченного пользования чужой вещью. Их возникновение было связано с хозяйственными потребностями землевладельцев: необходимостью прохода через соседний участок, пользования дорогой, водными ресурсами и правом прогона скота [2, с. 119].

Римское право различало земельные и личные сервитуты. Земельные сервитуты были связаны с конкретным участком и сохранялись независимо от смены собственника [8, с. 204]. Личные сервитуты устанавливались в интересах конкретного лица и прекращались, как правило, с его смертью.

Существенное значение имели эмфитевзис и суперфиций. Эмфитевзис закреплял право долгосрочного на последующее пользования чужим земельным участком с обязанностью внесения ежегодной платы [1, с. 143]. По объему правомочий данная конструкция приближалась к праву собственности, однако сохраняла производный характер.

Суперфиций представлял собой право возведения и эксплуатации строения на чужом земельном участке и стал прообразом современного права застройки [5, с. 102]. Кроме того, римское право сформировало основы залоговых отношений: *fiducia*, *pignus* и *hypotheca* [2, с. 231].

После падения Римской империи система вещных прав претерпела значительную трансформацию. Для средневекового периода была характерна феодальная модель имущественных отношений, основанная на множественности прав на один объект [4, с. 188]. Возникла система «расщепленной собственности», при которой верховное право на землю принадлежало сеньору, а непосредственное владение и пользование осуществлялось вассалом [4, с. 193].

Подобная модель существенно расширила практику использования ограниченных вещных прав. В германских землях получили распространение наследуемые права владения земельными участками, близкие по содержанию к эмфитевзису [3, с. 217]. Важнейшее значение имела рецепция римского права, начавшаяся в XI–XII вв. благодаря деятельности университетов Италии [3, с. 226].

Становление современных систем ограниченных вещных прав связано с эпохой буржуазных кодификаций. Французский гражданский кодекс 1804 года закрепил классическую модель абсолютного права собственности, одновременно сохранив систему ограниченных вещных прав: сервитуты, *узуфрукт* и право пользования [4, с. 341].

Особое значение имело Германское гражданское уложение 1896 года (BGB), которое детально регламентировало сервитуты, *узуфрукт*, ипотеку, право застройки

и вещные обременения [7]. Немецкая модель оказала значительное влияние на развитие гражданского законодательства других государств [2, с. 404].

Отдельного внимания заслуживает развитие вещных прав в странах англосаксонской правовой семьи [4, с. 402]. Особенностью английского права является отсутствие единой категории вещных прав в континентальном понимании. Вместо этого использовалась система *estates and interests in land*, отражающая объем правомочий конкретного субъекта.

Существенное значение имел институт *leasehold*, представляющий собой право владения и пользования недвижимостью на определенный срок. Кроме того, английское право развило систему *easements*, являющихся функциональным аналогом сервитутов [4, с. 415].

Рецепция римского права оказала фундаментальное влияние на формирование современной системы вещных прав в государствах континентальной Европы [3, с. 287]. В первую очередь была воспринята идея *numerus clausus* вещных прав, предполагающая ограниченный перечень вещных прав, устанавливаемых законом [2, с. 511].

Немецкое гражданское право развило римские конструкции с высокой степенью системности. Ипотечные конструкции, берущие начало в римской *hypotheca*, сохраняют центральное значение в современном имущественном обороте [1, с. 205].

Современное развитие гражданского законодательства свидетельствует о возрастающем значении ограниченных вещных прав [5, с. 298]. Усложнение имущественного оборота, развитие инвестиционных проектов, урбанизация и рост инфраструктурных объектов требуют более гибких правовых механизмов использования имущества [6, с. 49].

В этой связи зарубежные правовые порядки активно совершенствуют регулирование права застройки, сервитутов, ипотеки и иных ограниченных вещных прав [6, с. 51]. Для российского законодательства данный опыт представляет особую практическую ценность.

Отдельного внимания заслуживает развитие ограниченных вещных прав в праве Древней Греции, оказавшем косвенное влияние на последующее формирование римских правовых конструкций. Несмотря на отсутствие разработанной системы вещных прав в современном понимании, греческие полисы использовали отдельные правовые механизмы, регулирующие пользование земельными участками, водными ресурсами и объектами городской инфраструктуры. Уже на ранних этапах развития античного общества существовали формы ограниченного пользования чужим имуществом, связанные с сельскохозяйственными и торговыми потребностями.

В частности, в афинском праве встречались конструкции, допускавшие использование соседних земельных участков для прохода, водоснабжения и хозяйственных нужд. Подобные отношения не получили системного законодательного закрепления, однако сформировали предпосылки для дальнейшего развития ограниченных имущественных прав в римском праве [4, с. 121].

Значительный вклад в развитие вещно-правовых конструкций также внесла каноническая правовая традиция. В период Средневековья каноническое право активно регулировало имущественные отношения церковных организаций, монастырей и иных религиозных институтов. Особенности управления церковным имуществом обусловили развитие специфических моделей владения, пользования и распоряжения имуществом.

Церковные организации часто передавали земельные участки в долгосрочное пользование зависимым субъектам, сохраняя при этом титул собственника. Подобные конструкции по своей правовой природе были близки к эмфитевзису и способствовали сохранению римских имущественных моделей в условиях феодального общества [3, с. 264].

Кроме того, развитие торговых отношений в средневековых городах обусловило формирование новых подходов к регулированию имущественных прав. Рост городов, ремесленного производства и коммерческой деятельности потребовал закрепления более устойчивых форм использования недвижимости.

В этой связи получили распространение наследуемые права пользования недвижимостью, а также различные формы долгосрочной аренды, сочетающие признаки обязательственных и вещных правоотношений. Указанные конструкции стали важным этапом эволюции ограниченных вещных прав и впоследствии нашли отражение в национальных кодификациях европейских государств [4, с. 278].

В XIX–XX веках развитие промышленности и урбанизация обусловили дальнейшее расширение сферы применения ограниченных вещных прав. Усложнение экономических процессов, активное строительство и рост

кредитных отношений потребовали совершенствования правовых механизмов использования имущества.

Особое значение приобрели ипотечные конструкции, обеспечивающие баланс интересов собственников и кредиторов. Институт ипотеки стал одним из наиболее устойчивых элементов вещного права и получил широкое распространение в большинстве правовых систем [2, с. 587].

Одновременно развивались механизмы правового регулирования инфраструктурных объектов, что способствовало расширению сферы применения сервитутов. В современных условиях сервитуты используются не только для обеспечения прохода или проезда, но и для размещения инженерных сетей, линий связи, объектов энергетики и транспортной инфраструктуры.

Таким образом, эволюция ограниченных вещных прав демонстрирует их высокую адаптивность к изменяющимся социально-экономическим условиям. Историческое развитие данного института подтверждает, что ограниченные вещные права являются неотъемлемым элементом эффективного имущественного оборота и продолжают сохранять актуальность в современных правовых порядках.

Историческое развитие вещных прав лиц, не являющихся собственниками, прошло сложный путь от римских конструкций до современных кодифицированных моделей. Римское право сформировало базовые институты сервитутов, эмфитевзиса, суперфиция и залога [8, с. 312]. Средневековое право адаптировало их к феодальной системе, а Новое время обеспечило систематизацию и законодательное закрепление [4, с. 436].

Зарубежный исторический опыт сохраняет актуальность и в настоящее время, выступая ориентиром для дальнейшего совершенствования российского гражданского законодательства [2, с. 620].

Литература:

1. Новицкий И. Б. Римское право. — М.: Юрайт, 2023. — 298 с.
2. Дождев Д. В. Римское частное право. — М.: Норма, 2022. — 784 с.
3. Покровский И. А. История римского права. — СПб.: Лань, 2022. — 412 с.
4. Косарев А. И. История государства и права зарубежных стран. — М.: Норма, 2021. — 560 с.
5. Омельченко О. А. Римское право. — М.: Проспект, 2020. — 416 с.
6. Савельев В. А. Сервитуты и узуфрукт в римском классическом праве // Вестник права. — 2021. — № 3. — С. 45–52.
7. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): Bürgerliches Gesetzbuch vom 18. August 1896 // Bundesgesetzblatt.
8. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М.: Статут, 2002. — Т. 1–8.

Материнский (семейный) капитал как мера государственной поддержки семей: актуальные проблемы и пути их решения

Генин Владислав Николаевич, студент;

Стародубцев Евгений Эдуардович, студент

Научный руководитель: Герасимова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Данная статья посвящена исследованию трудностей, возникающих при использовании материнского (семейного) капитала, предлагаются варианты их разрешения. В рамках работы рассматривается вопрос о социальной значимости государственной поддержки семей, проводится анализ действующего законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: материнский (семейный капитал), государственная поддержка, семья, социальная политика, рождаемость, демографическая ситуация, недвижимость, жилье.

Согласно положениям Конституции Российской Федерации, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. В рамках реализуемой демографической политики и социальной поддержки семей в 2007 году была введена такая мера государственной поддержки как материнский капитал, направленная, в первую очередь, на стимулирование рождаемости и улучшение демографической ситуации в Российской Федерации. Появление такой программы в том числе обусловлено и иными положениями Конституции Российской Федерации: Материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1]. Программа является действующей, её актуальность подтверждается постоянным применением семьями по всей стране, а также регулярными изменениями в законодательстве, индексацией и адаптацией к экономическим условиям.

Как отмечалось Смирновой А. А. и Петровой А. М.: «Материнский капитал — это мера государственной поддержки семей с детьми, но в её реализации и использовании существует ряд актуальных проблем» [2]. Так, например, по мнению Агапцевой Ж. В., участились случаи мошенничества при использовании материнского капитала: «семьи могут мошенничать со стоимостью жилья в документах купли-продажи, предоставлять фиктивные документы о сделке или приобретать недвижимость за сумму ниже положенной субсидии, указывая в договоре сумму, равную материнскому капиталу. Такие действия квалифицируются как мошенничество и влекут уголовную ответственность» [3]. Законодатель оперативно реагирует на угрозы, связанные с рисками мошенничества в данной сфере. Так, например, в декабре 2024 года Государственная Дума Российской Федерации приняла закон, который вступил в силу с 1 января 2025 года. Согласно которому приобрести жилой дом, его часть или таунхаус на средства материнского капитала можно только по решению комиссии, которая оценит пригодность недвижимости для проживания. Такое решение оформляется специальным заключением уполномоченной комиссии. Данный подтверждающий документ должен быть

выдан не ранее чем за один год до подачи заявления о распоряжении средствами маткапитала. Комиссии создаются в регионе или органе местного самоуправления (за исключением сельских поселений) [4].

К актуальным проблемам, с которыми часто сталкиваются семьи на практике, также относятся проблемы с выделением долей в недвижимости. Согласно закону, лицо, получившее сертификат, его супруг (супруга) обязаны оформить жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению [5]. Однако эта процедура часто игнорируется или выполняется некорректно. Это приводит к спорам, а сделки с недвижимостью могут признаваться незаконными. Видится справедливой позиция российского юриста и общественного деятеля Лидии Михеевой по этому вопросу: «основная проблема заключается в отсутствии органа, уполномоченного контролировать процедуру по выделению долей и их корректному расчету еще до момента перечисления средств материнского (семейного) капитала из Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Ни Фонд пенсионного и социального страхования, ни органы опеки, ни какие-либо иные компетентные органы государственной власти на предварительной стадии сделки с материнским (семейным) капиталом к правоотношению не подключены» [6]. С выделением долей в недвижимости усложняется дальнейшая продажа жилья. Так, например, если детям уже выделены доли в квартире, купленной с использованием материнского капитала, продать её без разрешения органа опеки нельзя. Это общее правило, направленное на защиту имущественных прав несовершеннолетних. Орган опеки в данном вопросе будет оценивать не ухудшатся ли жилищные условия несовершеннолетних. Такая процедура позволяет обезопасить семьи от мошеннических схем.

К актуальным проблемам, возникающим при использовании материнского (семейного) капитала, относятся

также двусмысленные формулировки в законе. Так, например, при попытке оплатить материнским капиталом подключение дома к коммуникациям местные отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации не всегда одобряют такие направления расходов, считая «улучшением» только увеличение количества квадратных метров, а не повышение качества уже существующих условий. Это связано с тем, что в федеральном законодательстве направление средств материнского капитала на проведение коммуникаций (газ, электричество, вода) не предусмотрено. Однако в некоторых регионах есть возможность использовать региональный материнский капитал на подключение дома к инженерным сетям. Так, например, в Саратовской области с 2024 года региональный маткапитал можно использовать на подключение индивидуального жилого дома или дома блокированной застройки к централизованной системе горячего и (или) холодного водоснабжения, а также к централизованной системе водоотведения (канализации) [7]. В то же время в Санкт-Петербурге и Ленин-

градской области с 2025 года региональный маткапитал можно направлять на подключение (технологическое присоединение) садового дома или жилого дома к сетям электроснабжения, водоснабжения и водоотведения [8]. На наш взгляд, представляется необходимым внести такие же положения в действующее федеральное законодательство с целью того, чтобы семьи могли улучшать жилищные условия не только путём увеличения площади жилого помещения, в том числе и покупкой нового, но и улучшением условий проживания в уже обустроенном и привычном доме.

Таким образом, материнский капитал безусловно является значимым элементом государственной политики, направленной на поддержку семей Российской Федерации. На сегодняшний день данная программа активно реализуется и приносит определенные результаты. Однако для более успешного функционирования такой поддержки необходимо законодательное регулирование отдельных вопросов на федеральном уровне действующего законодательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Смирнова А. А., Петрова А. М. Проблемы правоприменительной практики в сфере использования материнского (семейного) капитала // Студент. Наука. Регион. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemuy-pravoprimeritelnoy-praktiki-v-sfere-ispolzovaniya-materinskogo-semeynogo-kapitala> (дата обращения: 10.05.2026).
3. Агапцева Ж. В. Актуальные вопросы социальной политики по применению материнского капитала в Российской Федерации // Вестник Московской международной академии. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-sotsialnoy-politiki-po-primeneniyu-materinskogo-kapitala-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Федеральный закон от 26.12.2024 N 495-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ, 30.12.2024, N 53 (Часть I), ст. 8505.
5. Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ, 01.01.2007, N 1 (1 ч.), ст. 19.
6. Михеева Л. Ю. Закон о маткапитале: проблемы правоприменения и защиты имущественных прав детей / Л. Ю. Михеева [Электронный ресурс] // 16.notariat.ru: [сайт]. — URL: <https://16.notariat.ru/ru-ru/news/zakon-o-matkapitale-problemy-pravoprimereniya-i-zashity-imushestvennyh-prav-detej> (дата обращения: 10.05.2025).
7. Закон Саратовской области от 1 декабря 2023 г. N 137-ЗСО «О внесении изменений в статьи 2 и 5 Закона Саратовской области «О региональном материнском (семейном) капитале в Саратовской области» | ГАРАНТ / [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/408125805/>
8. Закон Санкт-Петербурга от 30 апреля 2025 г. N 248–46 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О материнском (семейном) капитале в Санкт-Петербурге» | ГАРАНТ / [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/peter/1817980/?ysclid=mp01sn692l446773866>

Отдельные проблемы защиты персональных данных гражданина-потребителя в гражданских правоотношениях с маркетплейсами

Герт Александр Иванович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует коллизии правового регулирования и практические риски в сфере обработки персональных данных лица, приобретающего товар, маркетплейсами.

Ключевые слова: текст, персональные данные, маркетплейсы, защита прав потребителей, гражданские правоотношения, биометрические данные, согласие на обработку данных, утечки персональных данных.

Развитие информационных технологий неизбежно приводит к трансформации рынка товаров и услуг. Действительно, маркетплейсы и агрегаторы информации о товарах стали частью фундаментальной инфраструктуры потребления, они предоставляют потребителям, продавцам и другим субъектам единую торговую платформу, позволяющую автоматизировать и ускорить цикл взаимодействия сторон.

Необходимо указать, что понятия «агрегатор» и «маркетплейс» не являются тождественными. Как отмечает Ханчукаева Л. А., данные категории описывают, прежде всего, разные, самостоятельные бизнес-модели. Они объединены органическим единством — это цифровые платформы. В их основе может лежать признак «агрегирования» информации на своей площадке. Но форма реализации цифровой платформы «внутри» и «вовне», через экономическое позиционирование, инфраструктуру и разрабатываемый программный код, разнится [1, с. 98].

При совершении сделок через маркетплейсы вопросы защиты персональных данных защиты потребителя приобретают особую актуальность. Важно подчеркнуть, что сам маркетплейс не является стороной договора купли-продажи, а лишь предоставляет цифровую площадку для взаимодействия продавца и покупателя, а также инфраструктуру, на базе которой заключаются и впоследствии исполняются сделки участников платформы [1, с. 98]. Также электронная форма совершения сделки требует от покупателя предоставления значительного объема информации, среди которых могут быть фамилия, имя, отчество, адрес доставки, абонентский номер, а также, возможно, биометрические данные и другие виды персональных данных. Их обработка позволяет облегчить процесс исполнения договора, но личная информация потребителя может стать объектом посягательства третьих лиц.

Федеральный закон «О персональных данных» [2] призван обеспечивать регулирование в данной сфере, предписывая операторам осуществлять меры по защите данных потребителей. Детальные требования к таким мерам установлены, в частности, Постановлением Правительства РФ от 01.11.2012 N 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» [3], которое дифференцирует уровень защищенности в зависимости

от категории данных и типа угроз. Однако на практике грань между дозволенным использованием данных и вторжением в личную жизнь остается размытой.

Известно, что персональные данные практически пользуются смешанным правовым режимом. С одной стороны, они в некоторой степени материализуют конституционное право человека на неприкосновенность частной жизни, а с другой стороны, являются объектом гражданских прав [4, с. 1012]. Эта двойственность заключается в том, что, оставаясь неотчуждаемым нематериальным благом, персональные данные одновременно вовлекаются в коммерческий оборот через механизм согласия на их обработку. Субъект при этом не утрачивает на них прав, а только предоставляет оператору возможность их использования.

Следует отметить, что согласие на обработку данных характеризуется принципом добровольности. Статья 9 Федерального закона N 152-ФЗ устанавливает, что субъект персональных данных принимает решение о предоставлении его персональных данных и дает согласие на их обработку свободно, своей волей и в своем интересе, а само согласие на обработку должно быть конкретным, предметным, информированным, сознательным и однозначным [2].

Нередко, подписывая согласие, потребитель соглашается на обработку не только данных, необходимых для покупки товара, но и иных, используемых для профилирования пользователя и персонализации рекламы. Малеина М. Н. обоснованно указывает, что в ряде случаев согласие на обработку персональных данных является вынужденным, поскольку нет иной возможности устроиться на работу, получить оцифрованную услугу, стать участником конференции и пр. [5] В случае с маркетплейсом отказ от обработки персональных данных может привести к невозможности пользования платформой, а как следствие невозможности получения соответствующих услуг.

Остро стоит проблема недостаточной технической и организационной защищенности собранных данных. Как справедливо отмечает Павлова И. Ю., «утечка и незаконная передача персональных данных граждан-потребителей имеет негативные последствия как частноправового, так и публично-правового характера... Так называемые «цифровые портреты» россиян зачастую используются

для мошеннических действий» [6]. Маркетплейсы аккумулируют значительным объемом информации и, поэтому, становятся привлекательной целью для злоумышленников. Так, в первой половине 2025 года почти половина всех зафиксированных утечек (44 %) пришлась на интернет-торговлю и онлайн-маркеты. К наиболее частым причинам компрометации конфиденциальной информации относятся использование устаревшего или незащищенного программного обеспечения, наличие открытых баз данных, успешные фишинговые атаки, компрометация учетных записей, а также слабый контроль за подрядными организациями [7].

Показательным примером, иллюстрирующим несоответствие мерам безопасности, может служить спор между Шацким А. С. и ООО «Яндекс.Еда». Как указано в деле, истец обнаружил в открытом доступе в сети «Интернет» свои персональные данные (ФИО, номер телефона, адрес доставки, историю заказов), которые он предоставил сервису при регистрации. Впоследствии оказалось, что база заказов попала в сеть в результате недобросовестных действий сотрудника Общества с ограниченной ответственностью. Ответчик, при этом, ссылался на наличие всех необходимых внутренних регламентов и политик безопасности, а также на то, что сам стал жертвой действий неустановленных лиц, в связи с чем был признан потерпевшим по уголовному делу [8]. Суд апелляционной инстанции частично удовлетворил исковые требования Шацкого, указав, что обязанность обеспечивать конфиденциальность данных возложена на оператора законом [2]. Также, ключевым доказательством нарушения прав потребителя стали не только факт официального признания утечки самой компанией, но и вступившее в законную силу постановление о привлечении ООО «Яндекс.

Еда» к административной ответственности. Суд расценил утечку как незаконное распространение персональных данных.

Особого внимания в контексте защиты прав потребителей заслуживает вопрос обработки биометрических персональных данных. С развитием технологий маркетплейсы стремятся упростить процедуры аутентификации и идентификации пользователей, а также для расширения ассортимента предоставляемой продукции, в том числе, алкогольной и табачной. Законодатель, учитывая тенденции развития онлайн-маркетинга, вносит соответствующие изменения в отраслевое законодательство. Так, с 1 марта 2026 года вступает в силу п. 1.4 ст. 9 Федерального закона «О защите прав потребителей», который предоставляет владельцу агрегатора право обеспечить возможность прохождения аутентификации потребителем с использованием единой биометрической системы. Это повышает удобство, поскольку данные хранятся в централизованной государственной системе, но понижает защищенность и требует от оператора — интегрирования и повышения уровня систем безопасности, а также разработки законодателем дополнительных конструкций ответственности агрегаторов за незаконное распространение биометрических данных.

Таким образом, следует признать, что вопросы защиты персональных данных гражданина-потребителя в отношениях с маркетплейсами стали значительной проблемой. На данный момент защита персональных данных может рассматриваться как в гражданско-правовом, так и межотраслевом смысле. Пересекаются фундаментальные ценности: право на неприкосновенность частной жизни, свобода экономической деятельности и необходимость реализации условий технического развития.

Литература:

1. Ханчукаева Л. А. О понятиях «агрегатор» и «маркетплейс» в рамках запрещения злоупотребления доминирующим положением на рынке с использованием цифровых платформ // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatiyah-agregator-i-marketpleys-v-ramkah-zaprescheniya-zloupotrebleniya-dominiruyuschim-polozheniem-na-rynke-s-ispolzovaniem> (дата обращения: 22.05.2026).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СПС КонсультантПлюс.
3. Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 N 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СПС КонсультантПлюс.
4. Магомедова О. С., Коваль А. А., Левашенко А. Д. Торговля данными: разные подходы, одна реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1005–1023. DOI: 10.22363/2313–2337–2020–24–4–1005–1023.
5. Малеина Марина Николаевна Современные тенденции осуществления и защиты личных неимущественных прав граждан // Lex Russica. 2023. № 12 (205). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-tendentsii-osuschestvleniya-i-zaschity-lichnyh-neimuschestvennyh-prav-grazhdan> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Ирина Юрьевна Павлова Проблемы защиты персональных данных потребителей услуг связи // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zaschity-personalnyh-dannyh-potrebiteley-uslug-svyazi> (дата обращения: 27.02.2026).
7. «Инфосистемы Джет» выявила лидеров по утечкам данных за первое полугодие 2025 года / [Электронный ресурс] // jet.su: [сайт]. — URL: <https://jet.su/press-center/news/infosistemy-dzhet-vyyavila-liderov-po-utechkam-dannykh-za-pervoe-polugodie-2025-goda/> (дата обращения: 20.02.2026).

8. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 05 сентября 2023 года № 33–8490/2023 // Санкт-Петербургский городской суд [сайт]. — URL: https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=79948786&case_uid=3b237909-b975-43b2-bd9f-d70f92024d5d&delo_id=5&new=5

Некоторые проблемы принятия и отказа от наследства

Глушенко Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы правового регулирования принятия и отказа от наследства, восстановления срока таких действий в действующем законодательстве и правоприменительной практике Российской Федерации. Проанализировано текущее законодательство в сфере наследования и нотариальной деятельности, выявлены противоречия и практические сложности при совершении нотариальных действий, затрудняющие процесс наследования. Также выявлены пробелы, требующие доработки для выработки единообразного правоприменения. Изучена специфика принятия и отказа от наследства как односторонней сделки, вопросы недопустимости совершения такой сделки под условиями и с оговорками даже при невозможности узнать о составе наследственной массы до принятия наследства, а также о ее необратимости. На основе проведенного исследования сформулированы рекомендации по улучшению законодательства в сфере наследственного права.

Ключевые слова: наследодатель, наследник, нотариус, наследство, срок для принятия наследства, срок отказа от наследства, завещание.

Вопрос судьбы имущества гражданина после его смерти всегда будет актуален, поскольку может затронуть интересы всех участников гражданского оборота — физических и юридических лиц, а также государство в целом. А появление в России возможности распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению вызвало как положительные, так и отрицательные последствия, существование которых и обуславливает необходимость исследования и дальнейшего усовершенствования правового регулирования принятия и отказа от наследства в Российской Федерации (далее — РФ), ведь наследование уже стало одним из важнейших элементов гражданской правоспособности.

Правовое регулирование наследования в РФ имеет свою структуру. Так, Статья 35 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину Российской Федерации право наследования [1]. Оно представляет из себя переход имущества умершего гражданина к другим лицам в порядке универсального правопреемства, если иное не предусмотрено гражданским кодексом (далее — ГК) РФ [2;3]. А также характеризует порядок и условия правопреемства имущества наследодателя.

Однако наследование определяется не только прямым указанием закона, но и волей как наследодателя, так и наследника, поскольку принятие наследства, как и отказ от него — право, а не обязанность. Специальный срок, в течение которого лицо, обладающее правом наследования, может принять наследство или отказаться от него, составляет шесть месяцев и начинается теч со дня открытия наследства или вступления в законную силу решения суда о смерти наследодателя. Этот срок необходим для принятия взвешенного решения, относительно соразмер-

ности принятия такого наследства, поскольку зачастую наследник может не иметь точной информации как о конкретном составе наследства, так и о существующих на момент смерти долгах наследодателя, а также других возможных наследниках.

Если наследник принимает по крайней мере часть наследства, то это означает, что он получает сумму полагающегося ему по закону наследства целиком. И в таком случае уже не имеет значения ни его состав, ни местонахождение данного наследства, ни наличие разного рода сопутствующих обременений и бенефиций (финансовых, кредитных и т. д.), поскольку после принятия наследства не представляется возможным отказаться от него, и поэтому возможности для выдвижения условий, требований или оговорок у наследника нет (ст. 1152 ГК РФ).

Так, в рассматриваемом деле, после смерти матери дети получили наследство в размере 1/5 доли в праве собственности на квартиру, а также денежные вклады [10]. Однако впоследствии они узнали об оформленном матерью при жизни кредите, по которому на момент подачи иска правопреемником по кредитному договору в связи с уступкой требований задолженность составила 41 197,58 руб. вместе с просроченными процентами и неустойкой. Таким образом, дети, принявшие наследство после смерти матери, несут ответственность по её долгам в пределах стоимости перешедшего к ним имущества, даже если не знали о них и фактически не могут распорядиться большей частью унаследованного имущества, поскольку владеют только его долей.

Однако существует и право на отказ от наследства, регулируемое статьей 1157 ГК РФ. Данное право также должно

быть реализовано в шестимесячный срок. Впоследствии отказ от наследства необратим и не поддаётся изменению. Вышеуказанная статья закрепляет право наследника отказываться от наследства в пользу других лиц (направленный отказ, ст. 1158 ГК РФ) или без указания лиц, в пользу которых он отказывается от наследственного имущества (безусловный отказ) [3]. В то же время отказ от наследования выморочного имущества является недопустимым.

Аналогично с принятием, не допускается отказ от наследства с оговорками или под условием, а также от части причитающегося наследнику наследства в силу принципа универсальности наследственного правопреемства. Однако, при наличии нескольких оснований, как указывается в п. 3 ст. 1158 ГК РФ, допустим, по завещанию и по закону, наследник имеет право отказа от наследства, причитающегося ему по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям [3].

Особенно отметим обязательность конкретной формулировки при направленном отказе. Наследник, собирающийся совершить такой отказ, должен четко дать понять нотариусу или лицу, уполномоченному совершать нотариальные действия, что он хочет отказаться именно направленным отказом и в пользу кого он хочет отказаться, поскольку в практике часто встречаются ситуации, когда лицо хотело отказаться направленным отказом, а совершило абстрактный отказ. Отсутствие конкретики в заявлении наследника может служить основанием полного отказа от наследства.

Нотариус играет ключевую роль в наследственном праве, обеспечивая законность, защиту прав наследников и правовую определенность. Качественная работа нотариуса предотвращает судебные споры, а ошибки могут привести к аннулированию наследства и материальной ответственности нотариуса.

Так, согласно положениям ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее — ОЗоН), нотариус, занимающийся частной практикой, несет полную имущественную ответственность за вред, причиненный по его вине имуществу гражданина или юридического лица в результате совершения нотариального действия с нарушением закона, если иное не установлено данной статьей [4].

Возлагая ст. 42 ОЗоН на нотариуса обязанность удостоверить личность гражданина, закон не предусматривает исчерпывающим образом методы и способы удостоверения личности и проверки подлинности документов, а также перечень применяемых при этом технических средств [7], оставляя вопрос о полноте и достаточности такой проверки на усмотрение самого нотариуса, который несет профессиональный риск ненадлежащего совершения нотариальных действий [6].

При этом обязанность доказать надлежащее исполнение своих обязанностей, в том числе по установлению личности, возлагается на нотариуса.

Все вышеперечисленное подтверждается и судебной практикой. В деле несостоявшийся собственник обра-

тился с иском к нотариусу о возмещении вреда, причиненного в результате совершения нотариального действия, в размере 1 500 000 руб. [9]. Нотариус, не проявив необходимую для надлежащего исполнения своих обязанностей заботливость и осмотрительность, не установил должным образом личность гражданина, действующего от имени продавца квартиры, и удостоверил сделку купли-продажи квартиры, владелец которой умерла за три года до этого, а квартиру передали в муниципальную собственность.

Первая инстанция пришла к выводу, что ущерб возник в результате противоправных действий третьих лиц, а не вследствие действий нотариуса. Апелляционная и кассационная инстанции с ним не согласились и признали, что нотариусом не исполнена надлежащим образом обязанность удостоверить личность продавца, обратившегося за совершением нотариального действия. Верховный суд согласился с этой позицией, однако напомнил о том, что вред в таких случаях возмещается за счёт страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса.

Также хотелось отметить положительное влияние внедрения систем электронного нотариата: благодаря межведомственному взаимодействию, нотариусы получают доступ не только реестру нотариальных действий, а к целому ряду государственных реестров, что позволяет проводить дополнительную проверку личности заявителей и принадлежащих им имущественных и неимущественных прав [8]. Это помогает значительно снизить риск мошеннических действий и пресекать преступные схемы с использованием поддельных документов.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда от 29 мая 2012 г. № 9 отказ от наследства по истечении шестимесячного срока может быть осуществлен лишь наследником, который совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, при условии признания судом уважительными причин пропуска срока для отказа от наследства [5]. Таким образом, нарушается баланс прав наследника, поскольку восстановить срок принятия наследства возможно в любых случаях при наличии уважительных причин пропуска, а восстановить срок отказа от наследства — только в случае уважительных причин и фактического принятия наследства.

Также существует проблема относительно срока на принятие или отказ от наследства законным представителем наследника, при пропуске которого ущемляются прежде всего права и интересы подопечного, что тоже никак не урегулировано, ведь в случае неуважительности таких причин суд отказывает законному представителю восстанавливать срок, из-за чего вследствие нарушаются права несовершеннолетних, недееспособных и ограниченно дееспособных. Относительно данной ситуации тоже следует внести изменения в ГК РФ, в соответствии с которыми или расширяется и уточняется перечень таких причин, или вне зависимости от причин пропуска законным представителем, всегда продлевается срок на принятие или отказ от наследства.

Статья 1157 ГК РФ закрепляет что «если наследник совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, суд может по заявлению этого наследника признать его отказавшимся от наследства и по истечении установленного срока, если найдет причины пропуска срока уважительными» [3]. Отметим, что уважительные причины являются оценочным понятием и решение об их объективности будет принято на усмотрение суда, при чем ни у кого из судей нет конкретного подхода или перечня для отграничения таких причин, в связи с чем практика правоприменения во многом разнится. Но такие проблемы частично решаются внесением изменений в нормативную базу.

В ситуациях, при которых наследником является несовершеннолетний, недееспособный или ограниченно дееспособный гражданин, отказ от наследства возможен только опекуном или попечителем с предварительного разрешения органов опеки и попечительства. Поскольку принятие и отказ от наследства являются односторонними сделками, то признание их недействительными возможно только решением суда по следующим основаниям: заблуждение или угроза, обман, отсутствие отчета своим действиям.

Такие проблемы подтверждаются и судебной практикой. Так, в деле истец, являющийся инвалидом второй группы, с установленным диагнозом параноидальная шизофрения, полученным в период прохождения военной службы, на тот момент находящийся в психоневрологическом интернате, но не лишенный дееспособности, узнает от своего родного брата о смерти родителей и о необходимости подачи заявления о принятии причитающейся ему доли (½) в наследственном имуществе [11]. Истец был убежден, что у нотариуса им было принято наследство, в то время как на самом деле он подписал отказ от наследства. О том, что истец отказывается от наследства, он не знал, по пути следования к нотариусу ответчик (брат) уверял его в том, что целью визита к нотариусу является принятие наследства. Как позже подтверждается проведенной судебной психолого-психиатрической экспертизой истец вследствие наличия хронического психического расстройства, проявлявшегося в выраженных нарушениях когнитивной сферы, критичности мышления и способности к волевому контролю, не осознавал характер совершаемых действий, не понимал их правового значения и не мог ими руководить, в связи с чем данная сделка не выражала его действительной воли и совершена лицом, не способным понимать значение своих действий, что в силу п. 1 ст. 177 ГК РФ дает суду основание полагать данную сделку недействительной, а также является достаточным основанием для восстановления срока исковой давности и восстановления срока принятия наследства [2].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 06 октября 2022 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 21.10.2024).

Истец избрал защиту в форме оспаривания отказа от наследства, но не заявил требований, направленных на восстановление своих наследственных прав (о признании его принявшим наследство, перераспределении наследственных долей или о перераспределении имущества между наследниками), а также не заявлено требование о прекращении права собственности ответчика в отношении недвижимого имущества, являвшегося наследственной массой. Поскольку суд не вправе выходить за пределы заявленных требований и заменять один способ защиты другим, то его решением отказы от наследства родителей были признаны недействительными, а в удовлетворении остальной части исковых требований (признании недействительными свидетельств о праве на наследство, признании за ответчиком права собственности на ½ доли спорного наследственного имущества, взыскании денежных средств) — отказано.

Возникают и другие проблемы при отказе от наследства. П. 3 ст. 1158 ГК РФ закрепляет, что отказ от части имущества, которое причитается наследнику не допускается, при таком отказе, это будет отказ от всего наследства и он в дальнейшем не может быть изменён или взят обратно [3]. Но далеко не все граждане знают о подобных последствиях отказа от наследства. Такие нюансы должны быть разъяснены нотариусом, однако правоприменитель часто сталкивается с ситуацией, когда данная обязанность выполнена в полной мере им не была, и в итоге гражданин лишился всего наследства, а не только той части, от которой хотел бы отказаться. Такой отказ можно признать недействительным в случае, если получится доказать, что наследник находился под влиянием заблуждения относительно объема такого отказа. Также частая ситуация, когда наследник не знает о всем имуществе, входящим в наследственную массу, и отказывается от известной ему незначительной части в силу несопоставимости её сопутствующим обременениям или по другим причинам, тогда как изначально зная о всем объеме наследства, он скорее всего принял бы противоположное решение. Однако, когда об этом становится известно, часто уже нельзя ничего исправить в силу истечения сроков и необратимости данного решения.

Подводя итоги, мы приходим к выводу о необходимости дальнейшего усовершенствования на основании международной, российской судебной и нотариальной практики института принятия и отказа от наследства. Уменьшить количество уже существующих проблем поможет разработка строго определённых действий, которые будут обязаны совершать наследники в отношении наследства, и урегулирование процедуры их совершения **путём внесения в статью 16 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» в число обязанностей нотариуса подробно разъяснять последствия действий наследников, в том числе отказа от наследства [4].**

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024) // Российская газета. № 238–239 от 08.12.1994.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. № 233 от 28.11.2001.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 23.11.2024) // Российская газета. № 49 от 13.03.1993.
5. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 // Росс. газ. — 2012. — № 127.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021).
7. Приказ МВД России от 13.06.2019 № 382 Об утверждении Требований к специальным техническим и программно-техническим средствам, позволяющим нотариусу удостовериться в подлинности документов, удостоверяющих личность гражданина, его представителя или представителя юридического лица, обратившихся за совершением нотариального действия.
8. Горина Н. В. Цифровизация нотариата: вызов времени или необходимость жизни? // Материалы Международной научно-практической конференции «Университетские правовые диалоги». — 2017. — С. 223–227.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 56-КГ23–18-К9.
10. Решение № 2–4566/2025 2–4566/2025~М-3616/2025 М-3616/2025 от 29 октября 2025 г. по делу № 2–4566/2025 // [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/bayCG8tYRZNu/?regular-txt=®ular-case_doc=2-4566%2F2025®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1019®ular-court=®ular-judge=&_=1776082706419 (Дата доступа 12.04.2026).
11. Решение № 2–819/2025 2–819/2025~М-579/2025 М-579/2025 от 14 октября 2025 г. по делу № 2–819/2025 // [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/2bdn7jYVSrQm/?regular-txt=®ular-case_doc=2-819%2F2025®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1008®ular-court=®ular-judge=&_=1776082571325 (Дата доступа 12.04.2026).

Влияние цифровых трансформаций на правовой статус юридического лица

Годин Андрей Валерьевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор исследует, как развитие цифровых технологий оказывает влияние на гражданское законодательство РФ; показывает, что в условиях активного внедрения информационных технологий особое значение приобретает анализ гражданско-правового статуса физического лица.

Ключевые слова: юридическое лицо, процессы цифровизации, цифровая трансформация, цифровые технологии, цифровая среда.

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на гражданское законодательство Российской Федерации. В условиях цифровой трансформации возникает необходимость пересмотра традиционных правовых институтов и адаптации нормативной базы к новым реалиям.

Процессы цифровизации заметно изменяют характер гражданских правоотношений, затрагивая как их содержание, так и положение участников. В условиях активного внедрения информационных технологий особое значение приобретает анализ гражданско-правового статуса физического лица, поскольку именно гражданин выступает центральным участником как классических, так и цифровых гражданских правоотношений. Происходящие изменения требуют переосмысления отдельных эле-

ментов правового статуса личности с учетом цифровой среды, в которой реализуются субъективные гражданские права и обязанности.

Как справедливо указывает Д. И. Провалинский, «в теории права под правовым статусом личности понимается юридически установленное в Конституции и иных правовых актах положение (состояние) человека в обществе, образующее совокупность его прав, свобод, обязанностей и правовых интересов» [7, с. 24].

Данное определение сохраняет свою актуальность и в условиях цифровизации, однако наполняется новым содержанием, связанным с реализацией прав и обязанностей в цифровом пространстве.

Гражданско-правовой статус физического лица включает такие элементы, как правоспособность, дееспособ-

ность и деликтоспособность. Правоспособность возникает с момента рождения и предполагает возможность иметь гражданские права и обязанности, тогда как дееспособность связана со способностью своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя обязанности и исполнять их.

В цифровой среде данные элементы сохраняются, однако формы их реализации существенно меняются. Заключение сделок в электронной форме, использование электронных подписей, участие в цифровых платформах и онлайн-сервисах свидетельствуют о том, что дееспособность все чаще реализуется дистанционно, без физического присутствия субъекта.

Цифровизация приводит к появлению новых объектов гражданских прав, а также к изменению способов их оборота. Особую роль в этом контексте играют цифровые права, закрепленные в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Как отмечают Е. О. Ананьева и П. В. Ивлиев, «цифровые права — это имущественные права, закрепленные посредством информационных технологий и подлежащие передаче или реализации в электронной форме» [5, с. 55].

Влияние цифровизации на гражданско-правовой статус физического лица проявляется и в трансформации договорных отношений. Электронные договоры, смарт-контракты и автоматизированные способы исполнения обязательств изменяют привычные представления о форме сделки и механизмах защиты прав сторон. Несмотря на то что действующее законодательство признает юридическую силу электронных документов и подписей, правоприменительная практика в данной сфере остается фрагментарной, что создает риски для участников гражданского оборота. В условиях цифровой экономики физическое лицо все чаще сталкивается с необходимостью самостоятельно оценивать правовые последствия своих действий в цифровой среде, что повышает значение правовой грамотности и доступности правовых механизмов защиты.

Цифровые технологии оказывают масштабное и многогранное влияние на гражданско-правовое регулирование, трансформируя его базовые элементы и заставляя правовую систему адаптироваться к новым реалиям. Прежде всего, они порождают принципиально новые объекты гражданских прав, такие как цифровые права, криптовалюты, токены, утилитарные цифровые права, большие данные (Big Data) и разнообразные цифровые активы. Например, российское законодательство уже отреагировало на эти изменения: в ГК РФ (статья 141.1) закреплено понятие цифровых прав как обязательственных и иных прав, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Параллельно меняется сама практика совершения сделок и оформления документов. Электронные подписи, электронный документооборот и онлайн-заключение договоров становятся повсеместной нормой, что требует пе-

реосмысления традиционных норм о письменной форме сделки. Теперь она считается соблюденной, если сделка совершена с помощью электронных или иных технических средств, позволяющих воспроизвести ее содержание на материальном носителе в неизменном виде. Развивается и институт электронного нотариата, позволяющий совершать нотариальные действия удаленно.

Особую роль играют смартконтракты — соглашения, предусматривающие автоматическое исполнение обязательств при наступлении определенных обстоятельств без дополнительного волеизъявления сторон. Исполнение таких сделок обеспечивается информационными технологиями, заложенными в их условиях. Однако правовое регулирование смартконтрактов пока остается недостаточно проработанным, что создает пробелы и неопределенность в вопросах их юридической силы и ответственности сторон [6, с. 9].

Цифровая среда также трансформирует сферу интеллектуальной собственности. Появляются новые способы монетизации прав на результаты интеллектуальной деятельности, развиваются свободные лицензии, минимизирующие ограничения для обладателей при коммерческой эксплуатации. Кроме того, внедряются инновационные механизмы учета и подтверждения прав на основе блокчейн-технологий, что повышает прозрачность и надежность системы управления интеллектуальной собственностью.

В цифровой среде меняется и само понимание субъектов правоотношений. Наряду с традиционными участниками оборота активно действуют цифровые профили физических лиц, корпоративные аккаунты и автоматизированные агенты. При этом российское законодательство исходит из принципа, согласно которому юридически значимые действия в цифровой среде всегда должны быть соотнесены с конкретным субъектом права. Это создает дополнительные сложности в определении ответственности, особенно в случаях, когда решения принимаются с использованием искусственного интеллекта или других автономных систем.

Серьезные вызовы возникают и в сфере защиты прав. В условиях цифровизации усложняется подтверждение подлинности электронных доказательств, обостряются проблемы защиты персональных данных, а также растет риск кибератак и цифрового мошенничества. Возникает необходимость разработки специальных механизмов защиты данных в распределенных реестрах и предотвращения неправомерных действий в цифровых системах.

Еще одна ключевая проблема связана с трансграничным характером цифровой среды. Цифровые отношения часто выходят за рамки национальных границ, что затрудняет применение традиционного территориального принципа действия права. Законодатели пытаются компенсировать этот разрыв через экстерриториальное применение отдельных норм, требования к локализации данных и возложение обязанностей на иностранных операторов цифровых платформ.

При этом правовое регулирование не всегда успевает за темпами технологического развития. Законодательство зачастую отстает от быстро меняющейся цифровой реальности, что приводит к пробелам и конфликтам. Нередко наблюдается межотраслевая конкуренция норм: положения одной отрасли права переносятся в другую без учета специфики (например, понятие «информационный посредник» было заимствовано из информационного права и включено в ГК РФ). Кроме того, проекты законов нередко проходят экспертизу только с точки зрения антикоррупционных требований, тогда как другие важные аспекты: юридическая техника, технологические риски, совместимость с существующими нормами — остаются без должного внимания.

Перспективы модернизации гражданскоправового регулирования в условиях цифровизации связаны с созданием комплексных правовых институтов для регулирования новых технологических явлений, таких как искусственный интеллект, интернет вещей и большие данные. Требуется унификация и конкретизация норм о цифровых технологиях, включая четкое определение понятий и механизмов их применения.

Особое внимание следует уделить регулированию смартконтрактов и блокчейнтехнологий, вопросам ответственности за решения, принимаемые с использованием ИИ, а также совершенствованию механизмов защиты персональных данных и цифровой идентификации граждан. Важным направлением остается и развитие международного сотрудничества, которое поможет унифицировать подходы к регулированию трансграничных цифровых отношений и создать более предсказуемую правовую среду для участников глобальной цифровой экономики.

Для реализации перспективных направлений совершенствования правового регулирования статуса юридических лиц в условиях цифровизации необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство, обеспечив их системность и согласованность.

Прежде всего требуется законодательно закрепить ключевые понятия цифровой сферы и обеспечить их единообразное применение во всех отраслях права. Для этого целесообразно дополнить Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] новой статьей 2.1 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе». В ней следует определить такие термины, как «цифровая платформа», «агрегатор», «цифровой кон-

тент», «большие данные» (Big Data), «смартконтракт», «NFT», «искусственный интеллект», «автоматизированное решение», «цифровой профиль» и др. Эти определения затем должны быть отражены в отраслевых законах через внесение соответствующих изменений в их терминологические статьи.

Для развития экспериментальных правовых режимов (регуляторных песочниц) целесообразно внести изменения в Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». В частности, в главу 2 «Содержание экспериментального правового режима» следует добавить положения, расширяющие круг субъектов, которые могут выступать инициаторами таких режимов, включая малые и средние предприятия. Также стоит уточнить критерии отбора проектов для включения в песочницы и порядок оценки результатов эксперимента с целью последующего внедрения успешных практик в общее законодательство.

Усиление требований к документированию алгоритмов и автоматизированных решений требует внесения изменений в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». В статью 18.1 следует добавить обязанность операторов, использующих автоматизированные системы обработки данных, вести журнал учета алгоритмов и решений, а также предоставлять пользователям возможность обжаловать решения, принятые автоматически. Кроме того, целесообразно закрепить требования к прозрачности алгоритмов, обрабатывающих персональные данные, и ввести обязанность публиковать политики использования ИИ-систем.

Совершенствование регулирования цифровых платформ и маркетплейсов может быть реализовано через принятие отдельного федерального закона «О цифровых платформах и маркетплейсах» либо внесение изменений в Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [4] и Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [3].

Таким образом, предложенные изменения позволят создать гибкую и адаптивную систему правового регулирования, учитывающую современные технологические вызовы, обеспечивающую баланс между стимулированием инноваций и защитой публичных интересов, а также гарантирующую правовую определенность для участников цифрового рынка.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. — 1994. — 8 декабря. — № 238–239.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. — 2006. — 29 июля. — № 165.
3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О защите конкуренции» // Российская газета. — 2006. — 27 июля. — № 162.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Российская газета. — 1992. — 7 апреля.

5. Ананьева, Е. О. Правовое регулирование цифровизации гражданского общества / Е. О. Ананьева, П. В. Ивлиев // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 11(203). — С. 55–57.
6. Ивлиев, П. В. Влияние цифровизации на гражданские правоотношения / П. В. Ивлиев // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 11 (239). — С. 8–15.
7. Провалинский, Д. И. Теория государства и права в таблицах и схемах (конспект лекций в схемах): учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов / Д. И. Провалинский. — Казань: Бук, 2020. — 510 с.

Роль средств массовой информации в антикоррупционной деятельности в Российской Федерации

Голованов Артем Вячеславович, студент магистратуры
 Научный руководитель: Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
 Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье раскрывается роль средств массовой информации (СМИ) и новых медиа в антикоррупционной деятельности в Российской Федерации. На основе статистических данных о росте числа коррупционных преступлений в 2023–2025 годах в работе подчеркивается недостаточность существующих мер противодействия коррупции и обосновывается необходимость усиления участия гражданского общества, в том числе СМИ, в этой сфере. Рассматриваются сущность и правовая основа антикоррупционной деятельности, а также функции СМИ как посредника между обществом и государством. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий и социальных сетей на повышение эффективности общественного контроля, прозрачности и подотчётности власти. В статье предлагаются меры по повышению результативности работы СМИ: внедрение стандартов фактчекинга, обеспечение независимости журналистов и законодательное закрепление обязанности государственных органов реагировать на публикации о коррупции.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная деятельность, СМИ, медиа, гражданское общество, общественный контроль, цифровизация.

Проблема коррупции в Российской Федерации не перестаёт быть актуальной. В 2023 году было выявлено 36,4 тысячи преступлений коррупционного характера, в 2024 году 38,5 тысяч, в 2025 году 40 тысяч [1]. Данная статистика показывает нам, что из года в год несмотря на систематическую работу по противодействию коррупции количество преступлений коррупционной направленности продолжает расти, в связи с чем требуется поиск новых путей решения проблем антикоррупционной деятельности. На наш взгляд одним из таких путей может быть усиление роли гражданского общества в рассматриваемой деятельности, в том числе участие средств массовой информации и новых медиа.

Прежде чем переходить к вопросу участия СМИ в осуществлении антикоррупционной деятельности, необходимо понять сущность и правовую основу самой этой деятельности.

Так, Р. А. Лаптев предлагает понимать под антикоррупционной деятельностью комплекс мер, направленных на снижение, предупреждение и искоренение коррупционных проявлений во всех ключевых сферах жизни общества, включая государственную сферу, частную сферу, а также такие важные области, как образование и здравоохранение [2].

Рядом исследователей антикоррупционная деятельность признаётся частью антикоррупционной политики государства, которая представляет собой особую область

государственной политики, в центре которой находится борьба с преднамеренным использованием должностными и публичными лицами своих полномочий в личных интересах [3]. Главная цель такой политики — не допустить нанесения ущерба законным интересам граждан, общества и государства, а также обеспечить прозрачность, подотчётность и справедливость в механизме государственного управления и системы принятия решений.

На наш взгляд, антикоррупционная деятельность представляет собой непрерывную совместную работу государственных структур и институтов гражданского общества, направленную на выявление и устранение причин, условий и факторов, способствующих возникновению коррупционных проявлений. В рамках этой деятельности государство формирует специализированные органы, в задачи которых входит не только надзор за соблюдением антикоррупционных норм, но и координация, а также реализация единой политики по предупреждению и борьбе с коррупцией.

Правовую базу рассматриваемой деятельности составляют Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство (Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе норма-

тивных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») указы Президента Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы», Указ Президента Российской Федерации от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции»), постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты ведомственных учреждений, а также международно-правовые акты.

Таким образом, мы можем увидеть, что на текущий момент в России создана серьезная правовая основа реализации антикоррупционной политики, вместе с тем приведенная выше статистика свидетельствует о недостатке существующих мер. Многие исследователи констатируют, что всевозможные институты гражданского общества должны стать доминирующим инструментом в проведении антикоррупционной политики [4]. Одним из таких инструментов являются средства массовой информации.

Средства массовой информации в своей сути являются достаточно сложным и многогранным явлением. В Законе Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124–1 «О средствах массовой информации», в частности в ст. 2, говорится, что под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы; под средствами массовой информации понимаются периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием.

И. Ф. Петров считает, что СМИ являются органом, реализующим информационно-коммуникационную функцию в социальной среде, воздействие которого обращено на представителей социума и побуждению их к определенной деятельности или формирования определенного мнения [5].

На наш взгляд, под средствами массовой информации следует понимать посредников информационного взаимодействия между обществом и государством, представляющими собой как традиционные печатные и электронные издания, так и представителей новых медиа — новостные каналы в социальных сетях и блогеров.

В современном мире значение средств массовой информации в противодействии коррупции неуклонно возрастает. Медиа не просто освещают отдельные коррупционные эпизоды, но и становятся действенным механизмом общественного надзора, способствуя большей прозрачности и подотчётности властных структур. Благодаря этому они превращаются в ключевой элемент укрепления гражданского общества и построения правового государства, открывая площадку для всестороннего обсуждения и анализа коррупционных механизмов, а также оказывая заметное влияние на общественное сознание.

Эффективность СМИ в антикоррупционной борьбе проявляется не только в выявлении и огласке злоупотреблений, но и в глубоком анализе причин и последствий

подобных явлений, что помогает обществу лучше понять природу проблемы и искать действенные пути её решения. В этом качестве медиа выступают катализаторами общественного диалога, способствуя выработке стратегий и конкретных мер, направленных на профилактику и искоренение коррупции.

Развитие цифровых технологий и распространение социальных сетей значительно усилили влияние медиа в борьбе с коррупцией [6]. Сегодня информация становится гораздо доступнее, а граждане получают реальные инструменты для участия в общественном контроле за деятельностью властей. Эпоха цифровизации открывает перед журналистикой новые перспективы: появляются современные средства для анализа больших объёмов данных, создаются интерактивные карты и визуализации коррупционных схем, что позволяет привлекать к проблеме внимание широкой аудитории и делать её обсуждение более предметным.

Особое значение приобретает защита прав журналистов и обеспечение свободы слова. Без этих основополагающих принципов невозможно полноценное функционирование СМИ как независимого института общественного контроля. В условиях, когда представители медиа подвергаются давлению, угрозам и преследованиям за расследования коррупционных дел, поддержка со стороны государственных структур и международного сообщества становится жизненно необходимой. Только при наличии гарантий независимости и безопасности журналисты могут объективно освещать сложные темы, формировать общественное мнение и способствовать реальным переменам в обществе.

Таким образом, деятельность СМИ по борьбе с коррупцией в России, направлена на противодействие коррупции и преследует несколько ключевых целей. В первую очередь, это формирование в обществе устойчивого негативного отношения к любым проявлениям коррупции и воспитание нетерпимости к подобным явлениям. Важнейшей задачей также становится объективный анализ и оценка эффективности работы государственных органов в сфере антикоррупционной политики.

Кроме того, СМИ играют роль сигнальной системы, привлекая внимание властей к конкретным случаям злоупотреблений, и служат платформой для вовлечения граждан и общественных институтов в системную борьбу с коррупционными практиками.

Для того чтобы повысить результативность СМИ и новых медиа как инструментов противодействия коррупции, нами предлагается реализовать ряд конкретных мер:

— Необходимо свести к минимуму случаи публикации непроверенных или искаженных сведений. Для этого требуется внедрить строгие стандарты фактчекинга и тщательной проверки всех материалов, касающихся коррупционных расследований, еще до их выхода в свет.

— Одной из центральных задач является создание такой среды, в которой представители медиа смогут освещать коррупционные темы без страха перед давлением

или преследованием со стороны влиятельных лиц. Это требует устранения любых рычагов административного или иного воздействия на прессу.

— Необходимо законодательно закрепить обязанность государственных органов давать официальный ответ на

каждую публикацию в СМИ, содержащую информацию о коррупционных преступлениях. Это позволит исключить практику игнорирования журналистских расследований до тех пор, пока они не вызовут широкий общественный резонанс.

Литература:

1. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России // РБК <https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d>(дата обращения 05.05.2026).
2. Лаптев Р. А. Понятие и виды коррупции как социального и исторического явления // Молодой ученый. 2014. № 18 (77).
3. Арямов А. А. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: отечественный опыт // Российский следователь. 2021 № 8.
4. Билоус Е. Н., Васильев Н. Н., Харченко С. В. К вопросу об организации взаимодействия органов внутренних дел и их оперативных подразделений с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2.
5. Петров И. Ф. Общество, средства массовой информации и социальные коммуникации// Миссия конфессий. 2023. Т. 12. № 5 (70).
6. Умирзонов Ж. О. Средства массовой информации как субъект общественного контроля в противодействии коррупции // ЕЖАР. 2024. № 3–2.

Организационно-правовые модели социального обслуживания населения в России, Республике Беларусь и Республике Казахстан

Гомивка Светлана Анатольевна, студент магистратуры

Приазовский государственный технический университет — филиал Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (г. Мариуполь, Донецкая Народная Республика)

В статье рассматриваются организационные механизмы социального обслуживания населения как совокупность правовых, управленческих и практических процедур, обеспечивающих предоставление помощи гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации. Особое внимание уделяется российской модели социального обслуживания, современным тенденциям ее развития, а также сопоставлению подходов Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Ключевые слова: социальное обслуживание, социальные услуги, организационные механизмы, оценка нуждаемости, индивидуальная программа, межведомственное взаимодействие, цифровизация, долговременный уход.

Социальное обслуживание населения является одним из значимых направлений государственной социальной политики, поскольку связано с поддержкой граждан, которые не могут самостоятельно преодолеть трудную жизненную ситуацию. В современных условиях социальное обслуживание нельзя рассматривать только как предоставление отдельных бытовых или консультационных услуг. Оно выступает как комплексная организационная система, объединяющая правовое регулирование, оценку нуждаемости, индивидуальное планирование помощи, деятельность поставщиков, межведомственное взаимодействие и контроль качества.

В Российской Федерации базовые положения социального обслуживания закреплены Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». В данном за-

коне социальное обслуживание определяется как деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам, а социальная услуга — как действие или действия, направленные на оказание постоянной, периодической, разовой, в том числе срочной, помощи гражданину [1]. Следовательно, российская модель делает акцент на процедуре предоставления помощи, правовом статусе получателя и поставщика, а также на организационных механизмах реализации социальных услуг.

Одним из ключевых организационных механизмов является признание гражданина нуждающимся в социальном обслуживании. В российской модели основанием выступает не только принадлежность к определенной социальной категории, но и наличие обстоятельств, ухудшающих или способных ухудшить условия жизнедеятельности гражданина [1]. Такой подход усиливает адресность

социальной помощи и позволяет учитывать не только формальный статус человека, но и реальное содержание его жизненной ситуации.

Индивидуализация помощи выражается в разработке индивидуальной программы предоставления социальных услуг. В ней определяются форма обслуживания, виды услуг, объем, периодичность, условия и сроки их оказания. Индивидуальная программа позволяет превратить общую норму закона в конкретный план поддержки гражданина. Поэтому социальное обслуживание в современных условиях становится не только правовой, но и управленческой процедурой, требующей профессиональной оценки, маршрутизации и последующего контроля результата.

Сравнительно-правовой аспект социального обслуживания раскрывается в работе А. Л. Благодар, которая анализирует законодательство государств ЕАЭС и показывает, что при общности социальных целей страны сохраняют различия в понятийном аппарате, основаниях предоставления помощи, формах обслуживания и институциональной структуре [5, с. 145]. Данный вывод важен для сопоставления России, Беларуси и Казахстана, поскольку внешне близкие системы социальной поддержки могут различаться по тому, как именно закон определяет социальное обслуживание, социальную услугу, получателя и поставщика помощи.

В Республике Беларусь базовым нормативным актом является Закон от 22.05.2000 № 395-З «О социальном обслуживании». В отличие от российского подхода, белорусское законодательство раскрывает социальное обслуживание шире — как совокупность мер по организации и оказанию социальных услуг, а также по содействию активизации собственных усилий граждан [3]. Поэтому белорусская модель имеет более выраженный организационно-государственный характер: значимую роль в ней играют территориальные центры социального обслуживания населения и государственные учреждения социальной защиты.

В Республике Казахстан современное регулирование сосредоточено в Социальном кодексе от 20.04.2023 № 224-VII ЗРК. В нем центральной категорией выступают специальные социальные услуги, которые рассматриваются как комплекс услуг, обеспечивающих лицу или семье условия для преодоления обстоятельств, объективно нарушающих жизнедеятельность, и создание равных возможностей участия в жизни общества [4]. Это позволяет характеризовать казахстанскую модель как ориентированную на социальную адаптацию, реабилитацию, абилитацию и интеграцию граждан в общественную жизнь.

Важной тенденцией развития социального обслуживания выступает цифровизация. Она проявляется во внедрении электронных реестров, цифровых платформ, дистанционного консультирования, межведомственного обмена данными и электронного мониторинга предоставления услуг. Е. Б. Архипова и О. И. Бородкина подчеркивают, что цифровая трансформация социальных

служб создает возможности для повышения доступности и прозрачности помощи, но одновременно сопровождается противоречиями, связанными с цифровым неравенством, различным уровнем цифровой грамотности получателей и неодинаковой готовностью социальных служб к использованию новых технологий [6, с. 118]. Следовательно, цифровизация должна рассматриваться не как замена социальной работы, а как инструмент повышения ее эффективности.

В России цифровизация социальной поддержки связана с созданием Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере, частью которой является Единая государственная информационная система социального обеспечения [2]. Для системы социального обслуживания это означает переход от разрозненных информационных ресурсов к более единой инфраструктуре учета, информирования и предоставления мер поддержки. Вместе с тем использование цифровых сервисов требует сохранения очных каналов помощи для пожилых граждан, инвалидов и иных категорий получателей, которым может быть сложно пользоваться электронными сервисами.

Не менее значимой тенденцией является развитие системы долговременного ухода. Ее необходимость обусловлена старением населения, увеличением числа граждан, частично или полностью утративших способность к самообслуживанию, а также потребностью в соединении социальных, медицинских и бытовых форм помощи. Е. В. Селезнева, О. В. Синявская и Е. С. Горват, анализируя интеграцию медицинского и социального обслуживания пожилых граждан, отмечают, что эффективность поддержки зависит от координации медицинских и социальных услуг, поскольку потребности пожилого человека часто не ограничиваются только одной сферой помощи [7, с. 160].

Развитие долговременного ухода требует не только нормативного закрепления, но и устойчивого организационного обеспечения. Ю. В. Долженкова отмечает, что рост численности граждан пожилого возраста и инвалидов усиливает потребность в системе, которая объединяет социальную, медицинскую и бытовую поддержку на длительной основе [8, с. 2913]. Следовательно, долговременный уход следует рассматривать как один из ключевых механизмов модернизации социального обслуживания, поскольку он направлен на сохранение самостоятельности гражданина, профилактику социальной изоляции и повышение качества жизни получателя услуг.

Данный вывод имеет практическое значение для организации социального обслуживания. Пожилой гражданин может одновременно нуждаться в уходе на дому, медицинском наблюдении, лекарственном обеспечении, бытовой помощи и психологической поддержке. Поэтому развитие долговременного ухода предполагает не только расширение перечня услуг, но и создание устойчивых механизмов межведомственного взаимодействия между органами социальной защиты, здравоохранения, учреждениями реабилитации, некоммерческими организациями и семьей получателя помощи.

Еще одним направлением развития является расширение круга поставщиков социальных услуг. В российском законодательстве поставщиком может выступать юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, осуществляющие социальное обслуживание [1]. Это создает условия для участия государственных, муниципальных и негосударственных организаций. Однако расширение числа поставщиков требует прозрачных реестров, единых требований к качеству, понятного механизма финансирования и контроля деятельности организаций.

Сравнение трех стран показывает, что Россия, Беларусь и Казахстан имеют общую социальную направленность регулирования: поддержка граждан в трудной жизненной ситуации, обеспечение доступности помощи, учет индивидуальных потребностей и повышение качества социальных услуг. Однако различия проявляются в организационно-правовых акцентах. Российская модель ориентирована на оценку нуждаемости, индивидуальную программу и расширение круга поставщиков; белорусская — на ведущую роль государства и сеть территориальных центров; казахстанская — на специальные социальные услуги, реабилитацию и создание равных возможностей участия в жизни общества.

Таким образом, организационные механизмы социального обслуживания имеют комплексный характер. Они включают выявление нуждаемости, прием заявления, обследование условий жизни, принятие решения о предоставлении помощи, разработку индивидуальной программы, выбор поставщика, заключение договора, финансирование, межведомственное сопровождение, цифровой учет и контроль качества. Эффективность этих механизмов зависит от согласованности нормативного регулирования и реальной практики предоставления помощи.

Подводя итог, можно сделать вывод, что современное социальное обслуживание развивается как многоуровневая система, в которой правовые нормы должны быть обеспечены реальными организационными процедурами. Для дальнейшего совершенствования данной сферы особое значение имеют индивидуализация помощи, развитие цифровых сервисов, укрепление долговременного ухода, расширение межведомственного взаимодействия и повышение качества социальных услуг. Использование сравнительного опыта Беларуси и Казахстана позволяет выявить направления, которые могут быть полезны для развития российской системы социального обслуживания населения.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558 (дата обращения: 10.05.2026).
2. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Государственная информационная система «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» [Электронный ресурс]. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/30> (дата обращения: 10.05.2026).
3. Закон Республики Беларусь от 22.05.2000 № 395-З «О социальном обслуживании» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10000395> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20.04.2023 № 224-VII ЗПК [Электронный ресурс]. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Благодир А. Л. Социальное обслуживание в странах ЕАЭС: анализ отдельных положений законодательства // Право. — 2019. — С. 142–151. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-obsluzhivanie-v-stranah-eaes-analiz-otdelnyh-polozeniy-zakonodatelstva?ysclid=mi3fhkkwmu499136805> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Архипова Е. Б., Бородкина О. И. Проблемы и противоречия цифровой трансформации социальных служб // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 1. С. 116–134. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-i-protivorechiya-tsifrovoy-transformatsii-sotsialnyh-sluzhb-v-rossii> (дата обращения: 12.05.2026).
7. Селезнева Е. В., Синявская О. В., Горват Е. С. Интеграция медицинского и социального обслуживания пожилых в России: успехи и барьеры // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 148–169. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-1-148-169. — URL: <https://vgmu.hse.ru/article/view/25034/20554> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Долженкова Ю. В. Система долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами: состояние и основные направления развития // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 10. С. 2907–2920. DOI: 10.18334/ce.18.10.121705. URL: <https://1economic.ru/lib/121705> (дата обращения: 12.05.2026).

Заведомо ложная информация в уголовном праве: проблемы квалификации и отграничения от свободы слова

Гостев Глеб Алексеевич, студент;

Потапов Иван Михайлович, студент

Научный руководитель: Дворжицкая Марина Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуются проблемы уголовно-правовой оценки деяний, связанных с публичным распространением недостоверных сведений. Анализируется содержание признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 207.1–207.3 УК РФ. Определены критерии, позволяющие разграничить уголовно наказуемые утверждения о фактах от конституционно защищаемых форм выражения мнения, оценочных суждений и добросовестного заблуждения.

Ключевые слова: заведомо ложная информация, свобода слова, оценочное суждение, диффамация, публичность.

Цифровая трансформация общественных отношений коренным образом изменила природу и скорость распространения информации. Вынужденной реакцией отечественной правовой системы стала криминализация подобных деяний путем введения в УК РФ статей 207.1, 207.2 и 207.3, что, в свою очередь, породило новую юридическую проблему: необходимость отграничения умышленной дезинформации от правомерного выражения мнения.

Центральным и, вместе тем, довольно оценочным элементом в указанных составах выступает признак «публичности». В отсутствие законодательного определения ключевую роль в толковании этого признака играют разъяснения высшей судебной инстанции. Так, согласно правовой позиции, изложенной в Обзоре судебной практики № 6, распространение сведений следует признавать публичным, если информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме [1]. При этом Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает, что вопрос о наличии данного признака должен разрешаться судами с учетом конкретных обстоятельств дела: места, способа и обстановки совершения деяния. Существующий гибкий подход Верховного Суда Российской Федерации к разъяснению данного вопроса, породил в доктрине уголовного права закономерную дискуссию о поиске более четких критериев для разграничения публичного и непубличного характера распространения информации.

Формирующаяся правоприменительная практика, по-видимому, склоняется к разрешению этого вопроса через анализ способа распространения. Показательным в этом отношении является Постановление Буйнакского городского суда от 2 июля 2020 г. по делу № 1–110/2020 [2]. В данном деле суд признал публичным распространение заведомо ложных сведений, осуществленное путем рассылки голосового сообщения в групповом чате мессенджера «WhatsApp» с общим количеством участников 253 человека. Суд установил, что в последующем указанная информация была распространена и в других групповых чатах, что подтверждает как объективную возможность, так и субъективное осознание виновным факта доведения сведений до сведения неопределенного круга лиц.

Переходя к анализу субъективной стороны, следует отметить, что вина по всем рассматриваемым составам может быть выражена исключительно в форме прямого умысла. Использование законодателем термина «заведомо» не оставляет пространства для иного толкования и формирует специфическое содержание интеллектуального и волевого моментов умысла. Особую научную ценность в этом контексте представляет вопрос об установлении критерия ложности. Судебная практика дает на него определенный ответ. Так, в приговоре Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1–150/2025 [3] в отношении П. распространенные сведения были признаны ложными на том основании, что они «не соответствовали содержанию официальной позиции Министерства Обороны РФ». Отсутствие в сообщениях подсудимой ссылок на конкретный источник было оценено судом как дополнительный аргумент в пользу умышленного характера ее действий. Таким образом, на практике формируется позиция, при которой критерием оценки истинности сведений выступают официальные данные уполномоченных государственных органов.

На основании проанализированных научных источников и судебной практики, мы пришли к выводу, что для отграничения преступного распространения ложной информации от правомерного выражения мнения или добросовестного заблуждения правоприменителю следует установить наличие следующей совокупности критериев: 1. Критерий «верифицируемости». Уголовно-правовой оценке подлежат только утверждения о фактах, то есть, сообщения о событиях, фактах, явлениях или действиях, которые имели место в объективной действительности. Оценочные суждения, мнения, прогнозы, предположения и убеждения, которые отражают субъективный взгляд автора и не поддаются проверке на истинность или ложность, не образуют состав преступления, поскольку являются неотъемлемым элементом свободы слова, гарантированного каждому ст. 29 Конституции РФ. 2. Критерий «заведомости». Наличие «заведомости», которая детально была рассмотрена в субъективных признаках исследуемых составов, устанавливается через такие объективные данные, как: имел ли субъект доступ к офи-

циальным опровержениям, каков был характер используемых им источников, имелся ли мотив для умышленного искажения действительности. 3. Критерий «презентации». Данный критерий позволяет отсекают случаи, когда лицо, даже распространяя объективно ложную информацию, не претендует на ее абсолютную достоверность, а действует в рамках общественной дискуссии, предположения или даже художественного вымысла. Установление данного обстоятельства осуществляется посредством судебной лингвистической экспертизы [4]. Эксперт анализирует

текст на наличие или отсутствие маркеров достоверности (например, имитация стиля официального пресс-релиза) или, напротив, маркеров предположительности (вводные слова «возможно», «вероятно», «по слухам»), а также учитывает общий контекст и стилистику публикации.

Таким образом, можно утверждать, что криминализация публичного распространения заведомо ложной информации, реализованная в статьях 207.1–207.3 УК РФ, является закономерной, но сложной в применении мерой противодействия современным информационным угрозам.

Литература:

1. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6 // Сайт Верховного Суда РФ. — URL: <https://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 11.08.2025).
2. Постановление Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 2 июля 2020 г. по делу № 1–110/2020 // Сайт Буйнакского городского суда Республики Дагестан. — URL: <https://buiinakskiy-gs—dag.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.09.2025).
3. Приговор Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга от 6 марта 2023 г. по делу № 1–150/2025 // Сайт Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга. — URL: <https://vos—spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 14.09.2025).
4. Вирясова Н. В., Печерская В. В. О лингвистическом исследовании материалов, содержащих заведомо ложную информацию // Социально-экономические, историко-правовые, философские концепции современности: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции. — Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «Ставропольское издательство «Параграф», 2022. — С. 162–165.

Иммиграционный контроль в РФ: понятие, формы и ответственность субъектов

Гринчий Елизавета Александровна, студент

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Иммиграционный контроль в Российской Федерации занимает устойчивое место в системе мер, обеспечивающих государственную безопасность, правопорядок и упорядоченное регулирование миграционных процессов. Рост трансграничной мобильности населения, изменение структуры трудовой миграции, увеличение числа административных дел, связанных с нарушением режима пребывания иностранных граждан, усиливают прикладное значение правового анализа этой сферы. В работе исследуется содержание иммиграционного контроля, раскрываются его базовые признаки, анализируются формы реализации иммиграционного контроля на этапах въезда, пребывания и выезда иностранных граждан. Отдельный акцент сделан на компетенции органов публичной власти, механизмах миграционного учета, пограничных и внутренних процедурах проверки, а также на мерах ответственности, применяемых к иностранным гражданам, лицам, обеспечивающим их временное проживание и работодателям. Методическая основа включает формально-юридический, системный и сравнительно-правовой подходы. Нормативная база рассмотрена через положения Конституции Российской Федерации, федеральных законов и материалов судебной практики. Итогом исследования выступает вывод о необходимости сочетания контрольной функции государства с требованиями правовой определенности, соразмерности ограничений и единообразия правоприменения.

Ключевые слова: иммиграционный контроль, миграционный учет, иностранные граждане, административная ответственность, пограничный контроль, миграционное законодательство.

Immigration control in the Russian Federation: concept, forms and responsibilities of entities

Immigration control in the Russian Federation occupies a stable place in the system of measures aimed at ensuring state security, public order and structured regulation of migration processes. The growth of cross-border mobility, the changing structure of labor

migration and the increase in administrative cases related to violations of residence rules by foreign citizens strengthen the practical significance of legal analysis in this field. The article examines the content of immigration control, identifies its basic legal features and considers the main forms of its implementation at the stages of entry, stay and departure of foreign citizens. Special attention is paid to the competence of public authorities, mechanisms of migration registration, border and internal verification procedures, as well as liability measures applied to foreign citizens, receiving parties and employers. The methodological framework includes formal legal, systemic and comparative legal approaches. The regulatory basis is studied through the Constitution of the Russian Federation, federal laws and materials of judicial practice. The study leads to the conclusion that the control function of the state should be combined with legal certainty, proportionality of restrictions and consistency of law enforcement.

Keywords: immigration control, migration registration, foreign citizens, administrative liability, border control, migration legislation.

Миграционная сфера в России регулируется широким перечнем публично-правовых предписаний. Порядок въезда и выезда иностранцев закреплён Федеральным законом № 114-ФЗ, правовой статус иностранных граждан — Федеральным законом № 115-ФЗ, процедуры миграционного учета — Федеральным законом № 109-ФЗ, что формирует самостоятельный контур государственного контроля, связанный не только с допуском на территорию страны, но и с последующим надзором за режимом пребывания, проживания и трудовой деятельности иностранных лиц [3; 4; 5].

Конституционный уровень задает пределы такого регулирования. Часть 3 статьи 62 Конституции Российской Федерации исходит из того, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором, а правоприменение в миграционной сфере уже потребовало судебной корректировки чрезмерно формального подхода, что подтверждается позицией Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о запрете въезда и необходимости учета семейных обстоятельств конкретного лица [1; 3; 11].

Актуальность темы определяется практической нагрузкой на государственные органы и суды. Иммиграционный контроль затрагивает пересечение границы, постановку на учет по месту пребывания, проверку законности трудовой занятости, применение административных санкций, выдворение, депортационные процедуры и запреты на въезд, поэтому любой пробел в толковании норм немедленно отражается на балансе публичной безопасности, рынка труда и гарантий частной жизни [2; 3; 4; 5; 6; 10; 11].

Объект исследования — общественные отношения, возникающие при осуществлении иммиграционного контроля в Российской Федерации. Предмет исследования уже конкретнее: нормы миграционного и административного законодательства, полномочия уполномоченных органов, а также судебные подходы к оценке правомерности ограничительных мер в отношении иностранных граждан. Работа нацелена на раскрытие понятия иммиграционного контроля, выявление его основных форм и анализ ответственности субъектов, вовлеченных в исполнение и нарушение миграционных правил [3; 4; 5; 6].

Методическая база носит прикладной характер. Используются формально-юридический метод для разбора нормативных конструкций, системный метод для установления связи между пограничным, миграционным и административно-деликтным блоками регулирования, сравнительно-правовой метод для сопоставления отдельных механизмов контроля и метод анализа судебной практики, позволяющий выявить пределы усмотрения административных органов и критерии судебной проверки их решений [3; 4; 5; 10; 11].

Иммиграционный контроль в российском праве имеет двойную природу. Термин не исчез из действующего законодательства: он сохранен в административно-деликтной конструкции статьи 18.11 КоАП РФ, где речь идет об уклонении иммигранта от прохождения иммиграционного контроля, однако базовая действующая законодательная модель уже выстроена через иную категорию — федеральный государственный контроль в сфере миграции, закреплённую в статье 29.2 Федерального закона № 115-ФЗ [4; 6].

Юридическое содержание этого института складывается не из одного запрета, а из связанной цепи процедур. Закон № 114-ФЗ регулирует допуск иностранного лица через государственную границу и основания отказа во въезде, Закон № 109-ФЗ фиксирует учет по месту пребывания и механизмы уведомления, Закон № 115-ФЗ определяет сам правовой режим нахождения, проживания и труда иностранного гражданина, вследствие чего иммиграционный контроль следует рассматривать как комплексный правовой режим проверки законности въезда, нахождения и использования труда иностранцев на территории государства [3; 4; 5].

Понятийная граница здесь принципиальна. Узкое понимание сводит иммиграционный контроль к проверке документов и статуса конкретного иностранного гражданина, широкое — охватывает еще и действия принимающей стороны, работодателя, органов миграционного учета, пограничных подразделений и суда, поскольку нарушение режима пребывания почти всегда возникает не в одной точке, а на стыке въезда, регистрации, занятости и последующего административного реагирования [3; 4; 5; 6].

Нормативная архитектура контроля после последних изменений стала более формализованной. Статья 29.2 Федерального закона № 115-ФЗ прямо относит к миграцион-

ному надзору два блока: контроль за нахождением, пребыванием и проживанием иностранных граждан и контроль за трудовой деятельностью иностранных работников; при этом закон специально указывает, что плановые проверки в данной сфере не проводятся, что смещает акцент на учетные данные, межведомственный обмен сведениями и внеплановые меры реагирования [4].

Субъектная структура контроля неоднородна. Органы внутренних дел ведут основной объем проверочных и учетных действий, федеральный орган, ведающий вопросами иностранных дел, контролирует пребывание отдельных категорий лиц с дипломатическим и приравненным статусом, а контроль трудовой деятельности иностранных работников ориентирован уже не только на самого работника, но и на работодателя либо приглашающую сторону, что расширяет предмет правового надзора далеко за пределы классической проверки личности мигранта [4].

Объект контроля также не сводится к факту физического присутствия иностранца в стране. Проверяется законность пересечения границы, соблюдение сроков пребывания, достоверность сведений миграционного учета, наличие разрешительного документа на труд, соответствие фактической работы указанной профессии или территории допуска, исполнение обязанностей по уведомлению, а также соблюдение решений о выдворении, депортации и иных ограничительных мер [3; 4; 5; 6].

Правовая функция иммиграционного контроля носит не только охранительный, но и квалифицирующий характер. Именно через контрольный механизм государство отделяет законное пребывание от незаконного, допустимую занятость — от нелегальной, а простое процедурное нарушение — от основания для выдворения либо запрета на въезд; по этой причине нормы главы 18 КоАП РФ выступают не вторичным приложением к миграционному законодательству, а его принудительным продолжением [3; 4; 5; 6].

Судебная практика ограничивает чрезмерный формализм органов исполнительной власти. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 07.07.2023 № 37-П указал, что запрет въезда по подпункту 14 части первой статьи 27 Закона № 114-ФЗ не может применяться вне оценки негативных последствий для права на уважение семейной жизни иностранного гражданина, а Верховный Суд Российской Федерации в обзоре практики по делам об административном выдворении закрепил необходимость проверки соразмерности принудительных мер и значимых обстоятельств конкретного дела [3; 10; 11].

Иммиграционный контроль в результате предстает как самостоятельный межотраслевой институт. В нем соединены конституционные гарантии статуса иностранца, административные процедуры допуска и учета, надзорные полномочия исполнительной власти и санкционные механизмы КоАП РФ. От устойчивости этой связки зависит не только пресечение незаконной миграции, но и правовая определенность для лиц, чье пребывание в России связано

с трудом, семьей, обучением или иными законными основаниями [1; 3; 4; 5; 6; 11].

Формы иммиграционного контроля в российской модели распределены по стадиям миграционного процесса. Сначала действует пограничный фильтр при въезде, затем — учет и проверка законности пребывания внутри страны, после чего включается контроль за проживанием, перемещением и трудовой деятельностью иностранного гражданина, а при выявлении нарушения запускается блок административного реагирования [2; 3; 4; 5; 6].

Первая форма — пограничный иммиграционный контроль. Его содержание сводится не к механической проверке паспорта, а к правовой селекции допуска: должностные лица проверяют документ, визу либо иное основание въезда, сопоставляют сведения о лице с установленными ограничениями, после чего принимается решение о разрешении либо неразрешении въезда; статьи 26 и 27 Федерального закона № 114-ФЗ прямо закрепляют случаи, когда въезд может быть не разрешен или не разрешается вовсе [2; 3].

Вторая форма — миграционный учет по месту пребывания. Здесь контроль переносится с линии государственной границы на внутреннюю территорию государства: принимающая сторона либо сам иностранный гражданин в предусмотренных законом случаях представляют уведомление о прибытии, а общий срок направления такого уведомления составляет семь рабочих дней со дня прибытия в место пребывания, что превращает учет в базовый инструмент фиксации законного нахождения лица в стране [4; 5; 12].

Третья форма — контроль за пребыванием и проживанием иностранного гражданина. Проверяется уже не только сам факт постановки на учет, но и соблюдение срока временного пребывания, наличие разрешения на временное проживание или вида на жительство, достоверность сведений о месте нахождения, исполнение ограничений, связанных с ранее принятыми решениями о сокращении срока пребывания, депортации либо нежелательности пребывания, поскольку правовой статус иностранца в российском праве имеет динамический характер и подлежит постоянной верификации [3; 4; 5].

Четвертая форма — федеральный государственный контроль за трудовой деятельностью иностранных работников. После изменений, отраженных в статье 29.2 Федерального закона № 115-ФЗ, этот блок прямо включен в сферу миграционного надзора; предмет проверки здесь шире личности работника и охватывает работодателя, разрешительный режим, законность допуска к труду, соответствие выполняемой работы установленным условиям и надлежащее исполнение уведомительных обязанностей [4; 6; 7].

Пятая форма имеет уже пресекательный характер. При обнаружении нарушения режима пребывания или трудовой занятости контроль перестает быть чисто учетным и переходит в юрисдикционную плоскость: применяются меры административной ответственности, решается во-

прос о выдворении, запрете въезда, сокращении срока пребывания либо иных ограничениях, причем сама контрольная функция здесь завершается только после фактического исполнения принятого решения [3; 4; 6; 10; 11].

С практической точки зрения перечисленные формы не существуют изолированно. Сведения, полученные на границе, используются при миграционном учете; данные учета служат основанием для проверки законности проживания и труда; результаты надзорных мероприятий трансформируются в материалы административного производства, поэтому эффективность иммиграционного контроля зависит не от жесткости отдельной процедуры, а от непрерывности информационной и правовой связи между всеми стадиями государственного наблюдения за миграционным статусом иностранного лица [3; 4; 5; 8; 9; 12].

Ответственность в рассматриваемой сфере образует принудительное продолжение иммиграционного контроля. Пока лицо соблюдает режим въезда, учета, проживания и труда, контроль носит регистрационный и проверочный характер; при нарушении этих требований включается административно-деликтный механизм, а в ряде случаев — меры, направленные на прекращение пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации [3; 4; 6].

Базовый состав для самого иностранного гражданина закреплен в статье 18.8 КоАП РФ. Норма охватывает нарушение правил въезда, миграционного учета, передвижения, выбора места пребывания или жительства, транзитного проезда, а также иные формы несоблюдения режима пребывания; отдельно выделено несоответствие заявленной цели въезда фактически осуществляемой деятельности, что придает ответственности не только формальный, но и оценочный характер [3; 5; 6].

Самостоятельный блок образует статья 18.10 КоАП РФ. Она связывает ответственность уже не с общим режимом нахождения, а с трудовой функцией иностранца: наказуемой признается работа без разрешения на работу либо патента, труд по профессии или виду деятельности, не указанным в разрешительном документе, а также работа вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого иностранцу разрешено осуществлять трудовую деятельность либо проживание [4; 6; 7].

Для принимающей стороны и работодателя законодатель использует иную конструкцию. Статья 18.9 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение правил пребывания иностранных граждан, включая неисполнение обязанностей, связанных с миграционным учетом, а статья 18.15 КоАП РФ охватывает незаконное привлечение к труду иностранного гражданина без необходимого разрешительного основания, работу вне допустимого региона, а также неуведомление уполномоченных органов о заключении или прекращении договора в случаях, когда такое уведомление обязательно [4; 5; 6; 7].

Показательно, что в КоАП РФ сохранен и специальный состав, прямо связанный с термином «иммиграционный

контроль». Статья 18.11 предусматривает ответственность за нарушение иммиграционных правил, в том числе за уклонение иммигранта от прохождения иммиграционного контроля, чем подтверждается преемственность между прежней терминологией и современной моделью федерального миграционного надзора [4; 6].

Санкционный механизм не исчерпывается штрафом. Статья 31 Федерального закона № 115-ФЗ закрепляет последствия несоблюдения срока пребывания или проживания: при сокращении срока временного пребывания иностранный гражданин обязан выехать из Российской Федерации в течение трех дней, а при аннулировании разрешения на временное проживание либо вида на жительство — в течение пятнадцати дней со дня уведомления; после изменений, вступивших в силу 5 февраля 2025 года, этот блок был дополнен режимом высылки и реестром контролируемых лиц, что усилило превентивный и учетный компонент принуждения [3; 4].

Юридическая оценка нарушений в миграционной сфере не должна сводиться к формальному подходу. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 07.07.2023 № 37-П указал на недопустимость такого применения запрета въезда, при котором не учитываются последствия для права на уважение семейной жизни; судебная практика Верховного Суда Российской Федерации по делам об административном выдворении также подтверждает, что принудительные меры в отношении иностранца подлежат проверке через критерии обоснованности и индивидуализации, а не через один лишь факт формального нарушения [3; 10; 11].

Следовательно, ответственность субъектов иммиграционного контроля в Российской Федерации имеет многоуровневое строение. Иностранец отвечает за нарушение режима въезда, пребывания и труда, принимающая сторона — за неисполнение обязанностей по миграционному учету, работодатель — за незаконный допуск к труду и нарушение уведомительного порядка, а государство через суд обязано удерживать весь этот механизм в границах законности и соразмерности [3; 4; 5; 6; 10; 11].

Иммиграционный контроль в Российской Федерации представляет собой не отдельную административную процедуру, а связанную систему допуска, учета, проверки и принуждения. Ее каркас образуют Федеральный закон № 114-ФЗ, Федеральный закон № 115-ФЗ, Федеральный закон № 109-ФЗ и нормы главы 18 КоАП РФ, которые совместно задают правила въезда, пребывания, проживания, трудовой деятельности и ответственности иностранных граждан, принимающей стороны и работодателя [3; 4; 5; 6].

Разграничение форм контроля имеет прикладное значение. Пограничная проверка решает вопрос о допуске на территорию страны, миграционный учет фиксирует законность нахождения лица внутри государства, надзор в сфере миграции охватывает проживание и трудовую деятельность, а административная юрисдикция завер-

шает эту цепь при нарушении обязательных требований [3; 4; 5; 6].

Ответственность субъектов иммиграционного контроля построена по дифференцированному принципу. Для иностранного гражданина ключевыми выступают составы, связанные с нарушением правил въезда и режима пребывания, а для работодателя — незаконное привлечение к труду иностранца и неисполнение обязательных уведомительных процедур; при этом действующая редакция Закона № 115-ФЗ дополнительно усилила контрольный блок через режим высылки и реестр контролируемых лиц [4; 6; 7].

Судебный контроль препятствует излишней формализации мер принудительного воздействия в сфере миграции. Конституционный Суд Российской Федерации

в Постановлении от 07.07.2023 № 37-П указал на необходимость учета права на уважение семейной жизни при решении вопроса о запрете въезда, а подход Верховного Суда Российской Федерации по делам об административном выдворении ориентирует правоприменение на проверку соразмерности и индивидуальных обстоятельств конкретного дела [10; 11].

Проведенное исследование позволяет зафиксировать главный вывод. Эффективность иммиграционного контроля определяется не жесткостью единичной санкции, а согласованностью нормативных процедур, полнотой межведомственного обмена сведениями и способностью суда удерживать баланс между публичной безопасностью и правами человека, законно либо фактически находящегося на территории Российской Федерации [1; 3; 4; 5; 6; 10; 11].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 12.05.2026).
2. О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/ (дата обращения: 12.05.2026).
3. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (дата обращения: 12.05.2026).
4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 12.05.2026).
5. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (дата обращения: 12.05.2026).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.05.2026).
7. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 12.05.2026).
8. О совершенствовании государственного управления в сфере миграции: указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 № 205. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504020001> (дата обращения: 12.05.2026).
9. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 12.05.2026).
10. Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, связанных с назначением административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2019. — Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/28044/> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2023 № 37-П по делу о проверке конституционности подпункта 14 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». — Текст: электронный // Конституционный Суд Российской Федерации. — URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision693921.pdf> (дата обращения: 12.05.2026).
12. Главное управление по вопросам миграции МВД России: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: <https://xn—dlcbbdkb2a7bb4ble6a0j.xn—p1ai/> (дата обращения: 12.05.2026).

Правовые предпосылки защиты прав и законных интересов предпринимателей

Гулордава Лев Эрикович, студент магистратуры
Московский экономический институт

В связи с тем, что в ходе осуществления своей основной функции и цели предприниматели сталкиваются с различными ситуациями, которые связаны с нарушением их прав и законных интересов, вопрос об определении ключевых способов защиты ведения такой хозяйственной деятельности стоит, по мнению многочисленных ученых [5], наиболее остро. Защита предпринимательства имеет для России, на наш взгляд, приоритетное значение, поскольку позволяет сократить отток капитала из страны, а такой отток оказывает негативное влияние на процесс экономического развития страны, сокращает ее инвестиционный потенциал.

В частности, любой субъект предпринимательской деятельности обладает правом использовать гарантированные им существующим гражданским законодательством способов защиты прав и своих законных интересов. В свою очередь, они представляют собой систему средств права, используя которые предприниматель имеет возможность защититься от действия (или бездействия) третьих лиц.

В действующих российских реалиях различают ряд способов по защите прав собственности и законных интересов субъектов ведения предпринимательской деятельности. В частности, в зависимости от содержания юридических действий, они делятся на материально-правовые и процессуальные.

Под материально-правовыми способами защиты прав субъектов предпринимательской деятельности понимаются средства по защите прав, которые связаны с охранительным и нормами действующего гражданского законодательства. При этом процессуальные способы защиты являются непосредственной реализацией законодательно установленной компетенции органов власти по работе с нарушенным правом субъекта ведения предпринимательской деятельности. Последние могут быть связаны с выпуском актов, которые устанавливают своей целью признание или подтверждение факта нарушения права, а также его восстановление.

Кроме того, способы защиты подразделяются на меры защиты и меры ответственности. Оба данных понятия различаются основаниями применения, а также по социальному значению и функциям, которые они призваны выполнять. Наибольшую практическую ценность представляет собой мера ответственности, ведь она используется исключительно к тому субъекту, который нарушает право предпринимателя (выражается в ходе установления дополнительного бременения).

В качестве вариантов защиты, учитывая положения статьи 12 Гражданского кодекса РФ, в качестве мер ответственности называют возмещение причиненного убытка,

взыскание неустойки или компенсация морального вреда. Прочие положения выступают в качестве мер защиты.

Помимо этого, в правовом поле, в котором активно развивается предпринимательство в РФ, определены и ряд других способов защиты [4]. В частности, учитывая мнение В. В. Витрянского [3], помимо универсальных способов защиты, в российском законодательстве определены и специальные способы, которые используются для отдельных гражданских прав.

Анализируя нормы Конституции Российской Федерации на предмет охраны и защиты, имущественных прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, стоит начинать с первоочередной нормы, а именно с части 1 статьи 34 Конституции РФ. В ней предоставляется право любого человека свободно использовать свои способности имущество в целях ведения предпринимательской и иной деятельности, которая не запрещена российским законодательством. В результате, подобное право выступает в качестве основы законодательства, которое непосредственно регулирует деятельность предпринимателей.

В качестве основной части права на ведение предпринимательской деятельности выступает право субъекта подобной деятельности иметь в собственности, владеть и пользоваться имуществом по своему личному усмотрению, а также совместно с другими участниками рынка. Именно изъятие имущества предпринимателя по решению суда может выступать в качестве конституционной гарантии их независимости от государства. При этом, каждый субъект предпринимательства имеет право оспорить подобное решение. В результате, каждый субъект предпринимательской деятельности обладает не только правом иметь и распоряжаться своим имуществом, но и защищать его перед государством и третьими лицами, посягающими на него.

Несмотря на отсутствия всецелой поддержки со стороны государства, в статье 53 Конституции РФ дается безусловный стимул развития предпринимательства. А именно, в случае причинения государственного вреда в отношении субъекта предпринимательства, своими действиями или бездействием, подлежат возмещению после выяснения причин подобного положения дел [1].

Несмотря на существование данной нормы, в настоящее время процесс возмещения вреда со стороны государственных и муниципальных органов пока только разрабатывается и неактивно используется в современной действительности.

Подобное внимание, которое уделяется отношениям по возмещению вреда субъекта предпринимательства, связана с высокой степенью ответственности государства по отношению к последним. При этом, нет ни единого

нормативно-правового акта, в котором предприниматель будет назван потерпевшим, а также выделен в качестве такого в отдельную группу лиц.

Защита интересов предпринимателей на конституционном уровне придает особую степень стабильности в том, что нарушать права и интересы данной групп лиц не имеется возможным. В результате, в качестве конституционно-правовой защиты имущественных прав субъектов предпринимательской деятельности понимается обязанность государства, в соответствии с Конституцией РФ, осуществлять защиту основ экономической системы в ходе работы гражданского общества за счет восстановления основных правовых средств.

Защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности выступает в качестве первоочередной конституционной и законодательной гарантии, которая предоставляется в целях построения свободного общества с рыночной экономикой.

В связи с тем, что право на ведение предпринимательской деятельности получило законодательное «обрамление» сравнительно в недавнем прошлом, то в качестве ключевой проблемы выступает нечеткое определение ряда понятий, который имеют место в законодательных актах. К примеру, понятие «предпринимательская деятельность» должно быть более уточнен о в ряде направлений (что связывают с системностью работы, в перечень видов предпринимательской деятельности также нужно добавить не только реализацию товаров, но и их производство).

Учитывая периодичное внесение изменений в гражданское законодательство РФ, необходимо также добавить норму, которая была бы посвящена неюрисдикционной форме защиты прав. Именно в ней должно быть давно определение самозащиты субъекта предпринимательской деятельности, критерии допустимости подобной самозащиты и прочее.

Литература:

1. Анохин В. С. Защита прав предпринимателей в арбитражном суде (теория и практика): Дисс.д-ра.юр.д.наук: 12.00.04/Воронежский гос. ун-т.-Воронеж,1995.- С.71
2. Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: Учеб. пособие. М.: Изд-во Владос-Пресс, 2018.– С.224.
3. Витрянский В. В. Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участников имущественного оборота: Автореф.дис.... д-ра юрид.наук. М.,1996.- С.3
4. Волос А.А. Проблемы слабой стороны в обязательстве: вопросы теории и практики// Правовое регулирование в условиях модернизации государственности: национальный и международный правовые аспекты: Материалы VI Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов / Сост.: Асатуллин И.Р., Бахия Т.Р., Лукин Ю.М., Новиков И.А., Улданова А.И.– Казань, изд-во «Отечество», 2022.–С. 294.
5. Грибанов В. П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: автореф. дисс.. д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 10–11
6. Общетеоретические проблемы юридической конфликтологии / А. П. Альбов, М. Д. Горбунов, Ю. В. Донцова, И. Н. Самойлова [и др.] // Современный юрист. — 2024. — № 3(48). — С. 115–141. — EDN VOFUGT.
7. Философия права в современной России: некоторые подходы и направления / Е. А. Апольский, Т. Б. Асриан, П. П. Баранов, И. Н. Самойлова [и др.]. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. — 224 с. — ISBN 978–5–392–38064–0. — DOI 10.31085/9785392305964–2019–224. — EDN NEGAYY.

В связи с тем, что имущественное право предпринимателя доминирует над неимущественными правами, последним необходимо уделить все большее внимание. Это связано с тем, что они выступают в качестве показателя эффективного ведения хозяйственной деятельности со стороны субъекта предпринимательства (защита деловой репутации, чести и достоинства и прочее).

Ряд способов защиты имущественных прав в принципе лишены лаконичности в законодательные формулировки. В частности, существует необходимость придать эффективность виндикационному иску. Также требуется решить ряд вопросов, которые связаны с использованием понятия «деловой репутации», ведь в общем смысле могут обладать только субъекты предпринимательской деятельности. Важно определить деловую репутацию более подробно, внося поправки, которые были бы связаны с тем, что под деловой репутацией будет пониматься мнение о предпринимателе со стороны контрагентов, клиентов, партнеров, исключительно учитывая его деловые качества.

Кроме того, следует расширить способы защиты неимущественных прав субъектов предпринимательской деятельности. В частности, если речь идет об индивидуальном предпринимателе, то тут имеют дело с деловой репутацией, честью, достоинством, а в качестве способов защиты называют возмещение морального вреда, убытков и прочее. В случае с юридическим лицом, определена лишь защита деловой репутации, при этом отсутствует самостоятельный способ защиты, который был бы связан с компенсацией данного юридическому лицу неимущественного вреда [2].

В ходе исследования мы пришли к выводу, что на законодательном уровне предстоит решить еще множество вопросов, которые связаны с реализацией прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Историко-этимологический анализ принципа эстоппеля

Данельян Даниель Анатольевич, студент

Научный руководитель: Баку Марина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент
Дальневосточный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Хабаровск)

В статье исследуется принцип эстоппеля от англо-нормандских корней до рецепции в российское право. Показано его развитие в английском праве и особенности применения в российской судебной практике.

Ключевые слова: эстоппель, англо-нормандский язык, эволюция, англосаксонское право, российское право.

Historical and etymological analysis of the estoppel principle

The article investigates the principle of estoppel from its Anglo-Norman origins as well as its development in English law and the specifics of its application in Russian judicial practice.

Keywords: estoppel, Anglo-Norman language, evolution, Anglo-Saxon law, Russian law.

Принцип эстоппеля (от англ. *estoppel*) возник в рамках англосаксонской правовой традиции и по сей день остается рабочим правовым инструментом защиты от противоречивого поведения участников судебных разбирательств. В основе его лежит запрет ссылаться на факты или обстоятельства, несовместимые с тем, что сторона прежде заявляла или совершала.

Интерес к этой теме в российском контексте объясним, ведь число дел, где суды обращаются к данному принципу для пресечения злоупотреблений, заметно выросло. Отсюда и возникает вопрос: насколько хорошо мы понимаем, откуда этот принцип вообще взялся и что за ним стоит исторически?

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы проследить эволюцию эстоппеля от его англо-нормандских корней до современных форм, в том числе в российской судебной практике. Путь, надо сказать, не близкий.

Историко-этимологический анализ открывает доступ к логике самого принципа: именно через связь между отдельными этапами его развития становится понятно, почему он устроен именно так, а не иначе. Введение суда присяжных заседателей, постепенный отказ от средневековых способов получения доказательств, выдвижение письменных актов на центральное место в процессе принятия решений — все это вместе и формирует ту классификацию эстоппелей, которую мы сегодня считаем традиционной (зафиксирована в начале XVII века лордом Э. Коком и соавторами [1]).

Суды справедливости (*courts of equity*) расширили сферу применения эстоппеля на ситуации, где поведение стороны расходится с теми ожиданиями, которые она сама же и породила, а другая сторона на эти ожидания вполне разумно опиралась. Надо сказать, эта классификация получила широкое распространение в юридической науке, включая труды Уильяма Сирла Холдсворта (William Searle Holdsworth) [2], английского историка права, профессора

кафедры английского права в Оксфордском университете на рубеже XIX и XX веков.

Корни принципа эстоппеля восходят к периоду среднеанглийского языка, который сформировался после Нормандского завоевания в 1066 году. К XVI веку данный принцип уже привлекал устойчивый интерес со стороны юристов-правоведов. Пионером стал английский судья сэр Эдвард Кок, поскольку именно в XVII веке им были разграничены основные разновидности эстоппеля и выстроена «теория единого эстоппеля». Как объяснял Э. Кок, «эстоппель потому так и называют, что чье-то действие закрывает рот для оправдания» (цит. по: [3]).

Суть эстоппеля довольно проста: сторона А не может утверждать обратное заявление. Таким образом, эстоппель описывает конкретный результат — лишение стороны А возможности возражать. Сам по себе этот термин ничего не говорит о причинах, по которым возник такой исход дела. Рассматривая эти причины, Э. Кок выделил три различные формы эстоппеля [4].

1. Estoppel by record (процессуальный эстоппель) — запрет оспаривать установленные судом факты. Если вопрос был окончательно урегулирован в соответствии с действительным судебным решением, вынесенным в отношении сторон или их представителей, то сторона А не может повторно оспаривать этот вопрос в суде [5]. В таком случае исход дела объясняется наличием предыдущего решения и необходимостью соблюдать его окончательную силу.

В российском праве аналогом можно считать преюдицию, то есть обстоятельства, установленные вступившим в силу судебным решением, не подлежат повторному доказыванию в другом процессе с участием тех же лиц.

2. Estoppel by deed — запрет опровергать содержание письменных или нотариальных актов. Если А сделал заявления в документе, а затем использует этот документ для подтверждения своего права, то он не может отрицать истинность этих заявлений [6].

3. Estoppel by conduct — запрет на действия, расходящиеся с предшествующим поведением. Данная форма эстоппеля может возникать при отсутствии судебного решения или документа [7]. Если А делает устное заявление для Б, чтобы Б отреагировал на это заявление, и Б действительно реагирует и в результате меняет свою позицию, то А не может отрицать истинность этого заявления [8].

Этимология термина *estoppel* заслуживает отдельного рассмотрения. В современный английский язык он вошел не из латыни напрямую, а через англо-нормандское посредничество, восходя к старофранцузскому *étoupe* — «пакля или набивка, применявшаяся для закупорки щелей и отверстий». Вместе с армией Вильгельма Завоевателя в XI веке это слово переправилось через Ла-Манш и со временем трансформировалось в английский термин *estoppel* [9].

Относительно этимологии термина в научной литературе сложилось несколько конкурирующих версий. Ю. Н. Миулина возводит его буквальное значение «пробка» к старофранцузскому *estoupail* [10]. Е. Е. Якушева, анализируя исторические основания эстоппеля, прослеживает его корни в английском общем праве: среднеанглийское *estoppen*, от которого, предположительно, образован термин, восходит к народной латыни, где *stuppāre* употреблялось в значении «заставить замолчать» [11].

Англо-нормандский язык восходит к нормандскому диалекту старофранцузского языка и был привезен на Британские острова в эпоху Нормандского завоевания Англии. Наивысшего распространения он достиг при Генрихе I Боклерке, когда выступал основным средством общения феодальной верхушки нормандского происхождения [12]. Сферы его употребления охватывали придворную среду, административное делопроизводство, торговые отношения, образование и судебную практику. Начиная со второй половины XII века позиции этого языка среди английской аристократии стали постепенно ослабевать, а сам процесс вытеснения растянулся вплоть до XV столетия.

По мнению О. А. Парфеновой, именно в указанный период римский принцип *venire contra factum proprium*, согласно которому никто не вправе вступать в противоречие со своим прежним поведением, мог проникнуть в складывавшееся общее право Англии. Посредником в этом процессе выступал англо-нормандский язык, выполнявший функции языка международного общения и судебного делопроизводства. В английской правовой

традиции данный принцип закрепился под наименованием «эстоппель» [13].

Эволюция эстоппеля от средневековых форм до его современных интерпретаций создала предпосылки для внедрения этого института в различные правовые системы, в том числе российскую. Данная тенденция отчетливо проявила себя в период реформирования российского гражданского законодательства 2013–2015 годов. Среди направлений, определявших логику преобразований, заимствование зарубежных частнопроводных конструкций занимало одно из центральных мест. При этом рецепция не ограничивалась опытом государств континентальной правовой традиции — Франции и Германии, наиболее близких отечественной системе права. В сферу заимствования вошли также институты, выработанные в рамках общего права Англии и США.

Реформа была направлена на закрепление принципа добросовестности как одного из ключевых принципов гражданского права, а эстоппель выступал инструментом реализации этого принципа.

Эстоппель как отдельный принцип не закреплен напрямую в российском законодательстве, но его применение выводится судами из уже существующих норм, в частности о добросовестности (ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации), о запрете злоупотребления правом (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации) и процессуальных норм (например, ч. 2 ст. 9, ч. 2 и 3 ст. 41, ч. 5 ст. 159 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Также следует подчеркнуть, что в английском праве принцип эстоппеля не входит в отрасль гражданского права [14, с. 128], как, например, обязательственное право или право интеллектуальной собственности в российской модели, а представляет собой отдельную отрасль права, благодаря которой заполняются пробелы в регулировании.

Исследование подтвердило, что принцип эстоппеля имеет глубокие исторические корни, восходящие к англо-нормандскому периоду, и получил развитие в рамках английского общего права и права справедливости. Классические формы эстоппеля, сформулированные еще сэром Эдвардом Коком, остаются актуальными и сегодня, обеспечивая защиту от противоречивого поведения сторон.

Таким образом, несмотря на различия правовых традиций, принцип эстоппеля доказал свою универсальность и востребованность как инструмент обеспечения правовой определенности и добросовестности в современных правоотношениях.

Литература:

1. The First Part of the Institutes of the Lawes of England, or, A Commentarie upon Littleton: Not the Name of a Lawyer Onely, but of the Law it Selfe. In 2 Vols. Vol. 1 / E. Coke [et al.]. — London : Printed for the Societie of Stationers, 1628. — 397 p.
2. Holdsworth, W. S. A History of English Law. Vol. 1 / W. S. Holdsworth. — London : Methuen, 1903.
3. Baker, J. An Introduction to English Legal History / J. Baker. — Oxford : Oxford University Press, 2019. — 736 p.
4. Coke, E. The First Part of the Institutes of the Laws of England, or, a Commentary upon Littleton. In 2 Vols. Vol. 1. — London : Printed by L. Hansard & Sons for E. Brooke, 1809. — 664 p.

5. Vervaeke vs Smith (1983) 1 AC 145 (HL); Republic of India vs India Steamship Co Ltd (1993) AC 410 (HL) 422. — Unpublished.
6. Roberts vs Karr (1809) 1 Taunt 495, 127 ER 495. — Unpublished.
7. Birks, P. Equity in the Modern Law: An Exercise in Taxonomy / P. Birks // University of Western Australia Law Review. — 1996. — Vol. 3, № 21.
8. Pickard vs Sears (1837) 6 A & E 469, 112 ER 179. — Unpublished.
9. Тузов, Д. О. Идея недопустимости «venire contra factum proprium» в связи с нормой об иррелевантности заявления о недействительности: юридическая максима или принцип? / Д. О. Тузов // Закон. — 2020. — № 4. — С. 47–64. — URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/8195>
10. Миулина, Ю. Н. Эстоппель и другие формы воплощения противоречивого поведения в частном праве: сравнительно-правовой анализ / Ю. Н. Миулина // Опыты цивилистического исследования : сб. ст. / рук. авт. колл. лектива и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. — М. : Статут, 2018. — Вып. 2. — С. 313–338. — URL: <https://clck.su/Jbrtp>
11. Якушева, Е. Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения / Е. Е. Якушева // Lex russica. — 2023. — Т. 76, № 8. — С. 52–66. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.201.8.052-066
12. Дорохова, Н. И. Англо-норманнский язык и его номинативная сфера в средневековой Англии / Н. И. Дорохова // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 3 (31). — URL: <https://clck.su/FvZfi>
13. Парфенова, О. А. Применение эстоппеля в праве англосаксонской правовой семьи. Часть 2 / О. А. Парфенова // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 7 (235). — С. 127–130. — DOI: 10.47643/1815-1329_2024_7_127
14. Романов, А. К. Правовая система Англии : учеб. пособие / А. К. Романов. — М. : Дело, 2000. — 344 с. — URL: <https://clck.su/Kxgbt>

Совершенствование механизмов применения санкций и мер ответственности за нарушение законодательства о защите конкуренции

Добровольский Александр Александрович, студент

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Настоящая статья посвящена некоторым проблемам применения мер ответственности за нарушение законодательства о защите конкуренции. Предмет исследования составил вопрос эффективности применения существующих механизмов применения мер гражданско-правовой, административной, уголовной видов ответственности.

Методами исследования послужили сравнительный анализ с зарубежным опытом, предусматривающим специальные виды ответственности. Полученная для настоящей работы эмпирическая база подверглась синтезу для последующего моделирования правовых механизмов, призванных разрешить выявленные проблемы.

Задачей настоящей работы является анализ действующих механизмов пресечения и наказания хозяйствующих субъектов, и выявление существующих проблем, препятствующих их применению. По результатам анализа предлагаются способы совершенствования действующего законодательства в области защиты конкуренции, в том числе включающее рецепцию зарубежного права.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) содержатся основные положения, которые отражают основы реализации принципа добросовестности. При этом следует понимать, что закон не содержит легальное определение добросовестного поведения, а лишь приводит его основные признаки.

Так, как следует из ст. 10 ГК РФ, добросовестное поведение как явление вытекает из пределов осуществления гражданских прав и обязанностей [1]. В частности п. 1 названной статьи содержит запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Равно не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Ответственность за недобросовестное поведение конкурирующих хозяйствующих субъектов представляет собой один из ключевых институтов конкурентного права, обеспечивающих реализацию принципа добросовестности. В российской правовой системе данный институт характеризуется множественностью видов юридической ответственности, что создает как преимущества (возможность комплексного воздействия на правонарушителя), так и проблемы (размывание границ между различными видами ответственности, дублирование составов).

Здесь следует упомянуть, что действия хозяйствующих субъектов на предмет добросовестности оцениваются не только посредством положений ст. 10 ГК РФ, но и через

призму Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции).

Так, положениями главы 2.1 Закона о защите конкуренции предусмотрен открытый перечень актов недобросовестной конкуренции, субъектами осуществления которой может стать только хозяйствующий субъект [3].

Оценивая действия хозяйствующих субъектов правоприменителю следует обращать внимание на прямо поименованные в главе виды недобросовестной конкуренции — недобросовестная конкуренция путем дискредитации, введения в заблуждение, некорректного сравнения и пр.

В судебной практике же, одной из наиболее распространенных форм недобросовестного поведения можно считать затягивание судебного процесса.

Целью осуществления таких действий должно служить исключительно причинение вреда другому лицу, а также такие действия должны привести к определенным последствиям: срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрения дела и принятию законного и обоснованного судебного акта [4, с. 33–50].

Говоря о зарубежном опыте, следует подчеркнуть разный подход к восприятию законодательства о защите конкуренции. Так, например, во Франции система защиты от недобросовестной конкуренции выстраивается на общих положениях норм гражданского законодательства. Стоит отметить, что это лишает право гибкости и ювелирной точности, вынуждая судей искать аналогии и применять общие гражданские нормы, не всегда адаптируемые под предпринимательские отношения. Относительно возмещения ущерба от противоправных действий в контексте данного вопроса во Франции был принят закон в 1905 году, сущность которого состоит в борьбе с мошенничеством при процессе сбыта продукции, который также был дополнен рядом нормативных актов, например, о введении в заблуждение посредством трансляции рекламы, законом об информации для потребителей и т. д. [8, С. 112–125].

Подход США к регулированию отношений, складывающихся вокруг конкуренции субъектов предпринимательской деятельности не урегулирован в какой-либо отрасли. Как подчеркивает Саидов А. Х., в праве США категории «публичное право» и «частное право» не являются «традиционными и заимствованы из терминологии романо-германской системы права, причем только по форме, но не по содержанию» [7].

Как отмечала Петрова Е. А. выделение в системе права США права публичного и частного проводится достаточно условно. Частное право, как правило, отождествляется в праве Соединенных Штатов с «гражданским» («civil law»), которое в свою очередь выступает собирательным понятием для отраслей, регулирующих установление, изменение и удовлетворение прав частных лиц (договорное, деликтное, семейное, торговое, корпоративное право,

право собственности). Соответственно, все остальные отрасли права, не входящие в право «гражданское», будут относиться к публичному праву (это, в первую очередь, конституционное, административное и уголовное право). В качестве дополнительного критерия (тоже достаточно условного) дифференциации частного и публичного права в американской юридической литературе указывается также система источников права [6, с. 45–52].

Как следствие американская правовая культура не предусматривает деление права на отрасли. Тем не менее, посредством сравнительного анализа с российской теорией конкурентного права представляется выделить публичные (административные) меры воздействия на субъектов предпринимательской деятельности.

В США контроль за конкуренцией на рынке отнесен к компетенции сразу двух органов власти: Федеральной торговой комиссии (далее — ФТК) и Министерства юстиции.

К компетенции ФТК относится в первую очередь сделки экономической концентрации либо дела о злоупотреблении доминирующим положением. При этом, Новикова В. И., Соболевская Т. Г. отмечали, что ФТК, выступая в качестве гражданского истца (по аналогии с континентальным правом) практикует заключение мировых соглашений с нарушителями антимонопольного законодательства [5, с. 56–68].

Следовательно, такой подход исключает последующее применение штрафных санкций за подобные нарушения. Правоприменительная практика пошла по пути применения таких мер административного воздействия, как наложение административного штрафа в случаях совершения наиболее общественно опасных действий, как например участие в картельном сговоре, сговор на торгах и пр.

Вместе с тем, практика США свидетельствует о том, что наиболее заинтересованными лицами в восстановлении здоровой конкурентной среды являются сами хозяйствующие субъекты.

Так, в 2022 году Match Group подало иск против Google LLC в окружной суд США Северного округа Калифорнии. Истец заявил в суде, что Google LLC монополизировало рынок распространения приложений через Google Play, и злоупотребляло доминирующим положением на рынке.

Существующая система оплаты, предлагаемая пользователям, исключала возможность оплаты посредством иных сервисов, кроме принадлежащих ответчику. Вместе с тем, Google LLC устанавливал единый тариф за каждую единицу проданных программ для электронных вычислительных машин в размере 30 % от цены.

Стороны пришли к мировому соглашению, согласно которому Google LLC предоставило пользователям право выбирать посредством какой системы будет производиться оплата (системы электронного магазина или системы разработчика).

Посредством анализа российских законодательства и судебной практики следует сделать вывод о том, что

правовые механизмы защиты от недобросовестной конкуренции, в том числе между конкурирующими хозяйствующими субъектами опирается на механизм административного воздействия.

Так, закон не содержит запрет на самостоятельную защиту принадлежащего права, а равно оставляет за субъектом гражданских правоотношений право на обращение в суд. Однако широкая правоприменительная практика ФАС России, обращение в которую осуществляется на безвозмездной основе создает условия, в которых наиболее целесообразным механизмом защиты выступает осуществление контроля государством, в лице его уполномоченных органов.

По нашему мнению, такой подход хоть и увеличивает доступность защиты прав всякого хозяйствующего субъекта, однако негативно сказывается на судебной практике. Государственные органы стремятся к унификации правоприменительной практики, а также сравнительно редко выступают в качестве инициаторов исков.

Административная ответственность является наиболее распространенной формой государственного реагирования на акты недобросовестной конкуренции. Основная норма содержится в статье 14.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), которая устанавливает ответственность за недобросовестную конкуренцию [2].

Анализ правоприменительной практики показывает, что административная ответственность доминирует в структуре мер, применяемых Федеральной антимонопольной службой (далее — ФАС России). За период 2022–2024 годов территориальными органами ФАС России было возбуждено более 1 200 дел об административных правонарушениях по статье 14.33 КоАП РФ, из которых около 75 % завершились назначением наказания в виде штрафа. При этом средний размер штрафа, налагаемого на юридические лица, составил приблизительно 180 000 рублей, что значительно ниже максимально установленного порога.

Гражданско-правовая ответственность выступает в качестве механизма восстановления нарушенных прав потерпевшего конкурента. В соответствии со статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, под которыми понимаются расходы, необходимые для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота (упущенная выгода). Дополнительным механизмом является статья 12 ГК РФ, предусматривающая такой способ защиты, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Особую роль в системе гражданско-правовой защиты играет статья 10 ГК РФ, запрещающая злоупотребление правом. Применительно к конкурентным отношениям эта

норма позволяет суду отказать лицу в защите его права, если будет установлено, что действие (бездействие) осуществлено исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана) либо является злоупотреблением в иных формах. Однако, как будет показано далее, практическое применение статьи 10 ГК РФ в делах о недобросовестной конкуренции сопряжено с рядом трудностей.

Антимонопольные меры реагирования занимают особое место, поскольку они направлены не на наказание, а на прекращение нарушения и восстановление конкурентной среды. В соответствии со статьей 23 Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган вправе выдавать предписания о прекращении недобросовестной конкуренции, о недопущении действий, которые могут являться препятствием для возникновения конкуренции, о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства.

Предписания ФАС России обладают рядом особенностей: они носят властно-распорядительный характер, обязательны для исполнения, могут быть обжалованы в судебном порядке. За неисполнение предписания предусмотрена самостоятельная административная ответственность по статье 19.5 КоАП РФ.

Зарубежный опыт в области доказывания недобросовестности существенно отличается. В праве Европейского Союза действует Директива 2005/29/ЕС о недобросовестной коммерческой практике, которая устанавливает список действий, признаваемых недобросовестными во всех случаях (Аппендкс I). При совершении действий из этого списка не требуется доказывать цель получения преимущества или причинение вреда — достаточно самого факта совершения действия. Подобный подход значительно упрощает процесс доказывания.

Особое внимание следует уделить проблеме соразмерности и эффективности применяемых санкций.

Как следует из положений ст. 3.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) административный штраф может выражаться в твердой денежной сумме, или в величине, кратной сумме выручки от продажи контрафактных товаров, сумме выручки за определенный период, сумме излишнего дохода и т. д.

Вместе с тем, максимальный размер административного штрафа для юридических лиц по ч. 1 ст. 14.33 КоАП РФ составляет 500 000 рублей. Только при наличии квалифицирующего признака в виде нарушения интеллектуальных прав третьих лиц, подлежащий назначению штраф кратен сумме выручки.

Как следует из ст. 14.31 КоАП РФ (злоупотребление доминирующим положением) максимальный штраф может достигать 15 % от суммы выручки правонарушителя на соответствующем товарном рынке.

Подобная дифференциация создает парадоксальную ситуацию: за злоупотребление доминирующим положением, которое на практике могло не повлечь столь значи-

тельных общественно-опасных последствий, нежели недобросовестная конкуренция (например, промышленный шпионаж или массовое введение потребителей в заблуждение), предусмотрена более тяжкая санкция.

Гражданско-правовая ответственность, хотя и является наиболее соразмерной мерой (поскольку убытки взыскиваются в реальном размере), на практике применяется реже, чем меры административного воздействия. В частности, такая ситуация возникает в случаях, когда с заявлением в уполномоченный орган обращается не хозяйствующий субъект, а потребитель.

Причины низкой эффективности гражданско-правовой защиты многообразны.

Основная причина заключается в сложности доказательства причинно-следственной связи между действиями нарушителя и понесенными убытками. Истец должен доказать, что его убытки возникли именно вследствие недобросовестных действий ответчика, а не в результате обычных рыночных колебаний, ошибок в собственном менеджменте или добросовестных действий иных конкурентов. В свою очередь это повышает риск поражения для стороны, и как следствие влечет финансовую нагрузку на истца.

Второй причиной служит, отсутствие института кратных убытков в российском праве. Это снижает стимул для хозяйствующих субъектов обращаться в суд, поскольку потенциальные судебные расходы представляют собой финансовое бремя уже на момент подачи иска, в то время как сумма, подлежащая возмещению, будет выплачена по окончании процесса.

Предлагается дополнить Закон о защите конкуренции ст.13.2 «Обязательный антимонопольный комплаенс», обязывающей публичные акционерные общества, а также компании с годовой выручкой свыше определенного предела разработать и утвердить внутренние документы, направленные на предупреждение недобросовестной конкуренции. Наличие таких процедур должно учитываться как смягчающее обстоятельство при назначении административного наказания.

Особый интерес представляют собой стоп-заявления. Полагаем, что внесение подобного дополнения в Закон о защите конкуренции откроет вектор правоприменительной практики, основанной на применении самозащиты права.

Стоп-заявление по своей природе схоже с досудебной претензией, однако обладает особым статусом.

Во-первых, только юридически значимое сообщение, предостерегающее хозяйствующий субъект, связанное с осуществлением им своей предпринимательской деятельности можно расценивать как «стоп-заявление».

Во-вторых, что имеет существенное значение, как мера предостережения специального субъекта — лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, и как следствие специального субъекта ответственности, игнорирование такого заявления (письма) может повлечь для него наступление ощутимых последствий.

Например, можно дополнить ГК РФ положениями о том, что услуги по составлению, направлению стоп-заявления во всяком случае подлежат оплате лицом, совершившим акт недобросовестной конкуренции. При этом целесообразным следует считать установление штрафа, для недобросовестных хозяйствующих субъектов, игнорирующих стоп-заявления.

Проведенный анализ российской и зарубежной практики применения санкций и мер ответственности за недобросовестное поведение конкурирующих хозяйствующих субъектов позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Российская система ответственности за недобросовестную конкуренцию характеризуется доминированием административных мер (штрафы до 500 000 руб.) при явно недостаточном использовании гражданско-правовых и уголовных механизмов. Это приводит к несоразмерности санкций и низкому сдерживающему эффекту, особенно в отношении крупного бизнеса.

Ключевые проблемы квалификации и правоприменения включают: (а) неопределенность критериев добросовестности, (б) конкуренцию норм статьи 10 ГК РФ и главы 2.1 Закона о защите конкуренции, (в) сложность доказывания умысла и причинно-следственной связи, (г) низкую эффективность взыскания убытков, (д) отсутствие оперативных обеспечительных мер.

Зарубежный опыт (ЕС, США, Германия, Франция, Япония) демонстрирует более эффективные механизмы: оборотные штрафы (до 10 % от годового оборота), тройные убытки, уголовную ответственность для физических лиц, презумпцию вреда при картелях, программы leniency, внесудебные стоп-заявления, конфискацию необоснованного обогащения и обязательную публикацию решений.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее сбалансированной является германская модель, сочетающая гибкие внесудебные механизмы (стоп-заявления) с жесткими санкциями (изъятие обогащения, оборотные штрафы) при относительно низком уровне уголовного преследования. Американская модель слишком затратна и агрессивна, европейская (наднациональная) — бюрократизирована.

Предлагаемые пути совершенствования включают:

- введение оборотных штрафов за недобросовестную конкуренцию, конфискация необоснованной выгоды, кратные убытки (двойные и тройные).
- наделение обеспечительными полномочиями ФАС России, создание специализированных судебных коллегий.
- принятие превентивных мер: обязательный антимонопольный комплаенс для публичных компаний, медиативные процедуры.

Наиболее перспективным направлением реформирования представляется перенос акцента с административного наказания на гражданско-правовую ответственность (кратные убытки) и превентивные механизмы (ком-

плаенс, стоп-заявления). Это позволит, снизить нагрузку на антимонопольные органы, повысить активность потерпевших конкурентов, создать экономические стимулы для добросовестного поведения без избыточного государственного принуждения.

Таким образом, общий вывод исследования состоит в том, что принцип добросовестности должен рассматриваться не как декларативная категория, а как реально дей-

ствующий критерий правовой оценки конкурентного поведения. Его эффективная реализация требует сочетания четких легальных ориентиров, развитой судебной практики, соразмерных санкций и действенных превентивных механизмов. Только при таком подходе можно обеспечить баланс интересов участников рынка, укрепить доверие к правопорядку и создать условия для здоровой конкуренции.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.
4. Бурнос Е. Н. К вопросу о борьбе с недобросовестным сутяжничеством: судебные расходы // Современный юрист. 2024. № 4. С. 33–50.
5. Новикова В. И., Соболевская Т. Г. Международный опыт антимонопольного регулирования // Вестник МФЮА. 2022. № 4. С. 56–68.
6. Петрова Е. А. Структурные элементы системы американского права: теоретико-сравнительные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 45–52.
7. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. — М.: Норма, 2026. — 320 с.
8. Туркень Е. А., Останкова Е. В., Старцева С. В. Мировой опыт регулирования противодействия недобросовестной конкуренции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 5 2 (104). С. 112–125.

Телеологический подход к толкованию недобросовестной конкуренции

Добровольский Александр Александрович, студент

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Поддержка, развитие и защита конкуренции являются одной из ключевых задач, стоящих перед государством в ключевые достижения экономической безопасности страны. В таком качестве это явление раскрывается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4].

Настоящая работа призвана раскрыть правовую природу конкуренции через призму добросовестности, как ее неотъемлемый элемент. Надлежит полагать, что в современном российском праве недобросовестная конкуренция является полярным понятием конкуренции. На этой идее построена настоящая работа.

К указанным выводам можно прийти посредством совокупного анализа положений гражданского и конкурентного отраслей права. Как указывал Макаренко О. В. обоснованное соотношение между отраслями и подотраслями российского права и конкурентного права доказывалось содержанием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» [13, с. 27–29]. В связи с чем

нельзя отрицать взаимосвязь указанных отраслей, особенно с учетом мнения некоторых ученых о том, что конкурентное право надлежит рассматривать, как подотрасль гражданского.

Законодатель приводит следующие легальные определения конкуренции и недобросовестной конкуренции:

– конкуренция — соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке;

– недобросовестная конкуренция — любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации [3].

Методом индукции можно прийти к выводу о том, что расценивать действия субъекта права, как добросовестные или недобросовестные следует с учетом общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации.

Так, в частности основополагающим принципом оценки действий субъекта права полагаем подлежащим применению анализ его действий через призму осуществлению гражданских прав в пределах их осуществления.

Такие пределы очерчены недопущением осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действиями в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке [1].

Приведенные положения неполно отражают доктринальное осмысление пределов осуществления гражданских прав. В частности запрет на злоупотребление доминирующим положением на рынке содержится в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции). Однако не все формы недобросовестного поведения можно оценивать только посредством его применения. Так, например, главой 2.1 Закона о защите конкуренции предусмотрены конкретные формы недобросовестной конкуренции, при этом ст. 14.8 Закона о защите конкуренции декларируется факт закрепления указанного перечня ее форм, как не исчерпывающего.

Оценивая добросовестность сторон надлежит руководствоваться разъяснениями высших судов: оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации [6].

Злоупотребление правом возможно только путем его заведомо недобросовестного осуществления. К формам злоупотребления правом относятся, в частности:

- шикана — осуществление прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, например, своему кредитору.

Обязательным условием шиканы является действительное наличие у лица права, однако с наличием умысла причинить вред другому лицу. При этом надлежит учитывать, что причинение вреда в смысле злоупотребления вреда трактуется судами расширительного, а не только как причинение материального вреда.

Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 указывала, что под злоупотреблением правом понимается поведение, осуществляемое с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающее при этом права и законные интересы других лиц и причиняющее им вред или создающее для этого условия.

Под злоупотреблением субъективным правом следует понимать любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права.

Одной из форм негативных последствий является материальный вред, под которым понимается всякое умаление материального блага. Сюда могут быть включены уменьшение или утрата дохода, необходимость новых расходов.

В частности, злоупотребление правом может выражаться в отчуждении имущества с целью предотвращения возможного обращения на него взыскания [8].

- действия в обход закона с противоправной целью.

Как отмечал Егоров А. В. обход закона — это ситуация, когда закон формально запрещает какое-либо конкретное действие, но путем толкования данного запрета можно прийти к выводу, что закон запрещает не столько само это действие (или правовую форму, в которую оно облекается), сколько результат, к которому данное действие приводит. И если можно сделать такой вывод, то запрещенными этим законом должны считаться любые действия, приводящие к достижению того же самого результата, а не только действия, формально упомянутые в норме [9, с. 170–190].

ВАС РФ говоря о принципах толкования закона указывал следующее: согласно п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано обязательными для сторон правилами, установленными законом или иными правовыми актами (императивными нормами), действующими в момент его заключения (статья 422 ГК РФ). В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой.

Применяя названные положения, судам следует учитывать, что норма, определяющая права и обязанности сторон договора, толкуется судом исходя из ее существа и целей законодательного регулирования, то есть суд принимает во внимание не только буквальное значение содержащихся в ней слов и выражений, но и те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило [9].

Примером совершения действий в обход закона с противоправной целью можно считать «дробление государственного/муниципального контракта». Так, в силу положений п. 4 ч. 1 ст. 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» государственный или муниципальный заказчик вправе осуществить закупку у единственного поставщика на сумму, не превышающую 600 тыс. рублей

[2]. При этом заказчик также обязан соблюдать годовой объем таких закупок, однако на некоторые категории заказчиков такие ограничения не распространяются (сельские администрации, осуществляющие закупки для нужд сельских поселений).

Недобросовестные заказчики, действуя в обход закона, с противоправной целью «дробят» единый (технически и функционально связанный) предмет закупки на несколько контрактов, цена которых не превышает 600 тыс. рублей, тем самым избегая императивного требования о проведении закупок конкурентными способами. Указанные действия не причиняют непосредственный вред участникам контрактной системы в сфере закупок, однако посягают на право принять участие в конкурентных процедурах неограниченного количества потенциальных участников.

Возвращаясь к понятию недобросовестной конкуренции, следует учитывать следующее. Само по себе совершение действий, направленных на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности не воспрещено. Однако только действия, выходящие за пределы осуществления гражданских прав могут расцениваться, как недобросовестное поведение.

Законом о защите конкуренции предусмотрен открытый перечень видов недобросовестной конкуренции, к которым относятся:

- дискредитация — распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации;
- введение в заблуждение — распространение сведений о качестве и потребительских свойствах товара, его назначении, количестве и пр.
- некорректное сравнение — сравнение с товаров конкурентов, создающее впечатление превосходства товара без указания конкретных характеристик или параметров сравнения, имеющих объективное подтверждение, либо в случае, если утверждения, содержащие указанные слова, являются ложными, неточными или искаженными, а равно основанный на незначительных или несопоставимых фактах;
- приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица;
- незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности, за исключением средств индивидуализации;
- смешение с деятельностью хозяйствующего субъекта-конкурента либо с товарами или услугами, вводимыми хозяйствующим субъектом-конкурентом в гражданский оборот;
- незаконное получение, использование или разглашение информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну.

Сама же дефиниция конкуренции сформулирована подобным образом, что предполагает общим правилом «здоровое» соперничество хозяйствующих субъектов, как

общепринятое правило поведения. Как отмечали Казанина Т. В., Шагиева Р. В. конкуренция и недобросовестная конкуренция фактически представляют собой антиподы [10]. С указанной точкой зрения нельзя не согласиться, ввиду того, что недобросовестная конкуренция представляет собой «антипод» конкуренции, поскольку добросовестность, разумность действий хозяйствующего субъекта фактически относится к признакам конкуренции.

Отсюда следует, что, оценивая действия субъектов гражданского оборота, судам надлежит не только руководствоваться приведенным перечнем поведения, считающегося актами недобросовестного поведения, но и конкретными обстоятельствами дела.

Подобное телеологическое толкование законодательства о защите конкуренции в свою очередь позволяет антимонопольным органам и судам эффективно выявлять и пресекать акты недобросовестной конкуренции, а также восполнять недостаток несвоевременного правового регулирования способов ограничения конкуренции.

Кожевников И. Н., анализируя зарубежное законодательство, пришел к выводам о том, что в немецком законодательстве о защите от недобросовестной конкуренции акты преднамеренного препятствования конкурентам включают бойкот, переманивание (*Abwerbung*) сотрудников, побуждение к нарушению контракта и — при очень специфических обстоятельствах — перепродажу ниже себестоимости (*Preisunterbietung*) [11, с. 54–59].

Так, учитывая положения ст. 14.8 Закона о защите конкуренции, а также предложенным толкованием недобросовестной конкуренции вышеперечисленные акты преднамеренного препятствования конкурентам, перечисленные в немецком законодательстве, но не поименованные в отечественном могут быть выявлены судами и пресечены.

Так, Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области оставил в силе предупреждение антимонопольного органа, выданное ООО «Стрелец» (далее — Общество) о прекращении незаконного осуществления предпринимательской деятельности в сфере пассажирских перевозок в силе.

Как следует из материалов дела, Общество в обход проводимых государственных торгов на право осуществлять деятельность по регулярным пассажирским перевозкам в г. Санкт-Петербург и Ленинградской области автомобильным транспортом, фактически осуществляло перевозки на установленных локальными актами маршрутах.

Судом установлено, что пассажиропоток на официальном маршруте уменьшается за счет деятельности нелегального перевозчика и в результате чего легальные перевозчики недополучают часть прибыли. Кроме того, Общество получило преимущество перед другими перевозчиками, которые получили право на осуществление регулярных пассажирских перевозок по результатам конкурсных процедур и подтвердили свое соответствие целому перечню требований, установленных в конкурсной документации.

При этом решение суда первой инстанции не было отменено вышестоящими судами. Верховный Суд РФ определением от 24.03.2022 № 307-ЭС22-1926 по делу № А56-115210/2020 отказал в принятии кассационной жалобы к рассмотрению, и указал на отсутствие допущенных нижестоящими судами существенных нарушений норм материального права, а также требований процессуального законодательства [7].

В качестве новеллы российской правоприменительной практики можно выделить борьбу административных органов с «гринвошингом» — то есть действий по распространению недостоверных (неполных, неточных или искаженных) или некорректных экологических заявлений, вводящих потребителя в заблуждение относительно экологических характеристик товаров (любые формы экологического маркетинга, выраженные в преувеличении или искажении улучшенных экологических показателей, в заявлении о товаре, которое невозможно проверить, которое неактуально или просто недостоверно) в целях получения необоснованных преимуществ.

В письме ФАС России «Рекомендации по недопущению гринвошинга в маркетинговой коммуникации» указывается целый перечень способов распространения экологических заявлений, вводящих потребителя в заблуждение в целях получения необоснованных преимуществ:

- экологическое заявление не аргументировано и не детализировано указанием на конкретное экологическое свойство или характеристику соответствующей категории товара, в нем использованы неконкретные или широко трактуемые формулировки, подразумевающие экологическое преимущество продукта, такие как «экологически полезный», «экологичный», «чистый», а также «зеленый»;
- заявление об использовании в упаковке вторичного сырья не сопровождается информацией о количестве вторичного сырья, например, «упаковка содержит вторичное сырье»;
- из заявления не ясно, применяется ли оно ко всей продукции или только к ее компоненту, упаковке или ее элементу, стадии оказания услуги: например, указание «подлежит переработке», размещенное на упаковке, элементы

которой сделаны из разных материалов (картон и пластик), без уточнения, к какой части упаковки оно относится [13].

Подобная судебная и правоприменительная практика является примером предлагаемого телеологического толкования права, и в свою очередь позволяет оперативно бороться с актами недобросовестной конкуренции. Однако такой подход требует всеобщего применения, поскольку до настоящего момента ряд зарубежных практик борьбы с недобросовестной конкуренцией по-прежнему остается не внедренным в России.

В частности, переманивание сотрудников, промышленный шпионаж (в том числе незаконная передача данных сотрудниками), побуждение к нарушению договора остаются редкими примерами недобросовестной конкуренции в российской правоприменительной практике.

Адвокатская газета приводила следующую статистику: российская практика взыскания убытков за промышленный шпионаж менее развита, чем зарубежная, поэтому проблем гораздо больше, о чем свидетельствуют и данные статистики. Для сравнения: суды США удовлетворяют порядка 68 % исковых требований, в то время как российские — всего 14 % [14].

Дополнение законодательства о защите конкуренции положениями о его толковании, с учетом прав и законных интересов конкурентов, потребителей, государства, а также потенциальными негативными правовыми последствиями, не связанными с взысканием конкретного объема причиненных убытков, могло быть подтолкнуть развитие правоприменительной практики по направлению расширительного толкования актов недобросовестной конкуренции.

Таким образом, предлагаемый подход к толкованию конкуренции и недобросовестной конкуренции, по нашему мнению, может актуализировать подходы к борьбе с недобросовестной конкуренцией. При этом эффективность их использования будет зависеть непосредственно от правотворческой инициативы. Следовательно, возможные пороки нормотворчества будут естественным образом устранены правоприменительной практикой.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ от 30.11.1994 № 51ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: ФЗ от 05.04.2013 № 44ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, № 14, ст. 1652.
3. Федеральный закон «О защите конкуренции»: ФЗ от 26.07.2006 № 135ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.
4. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: Указ от 02.07.2021 № 400 // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.
5. О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // «Вестник ВАС РФ», № 5, май, 2014.
6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // «Российская газета», № 140, 30.06.2015.

7. Определение Верховного Суда РФ по делу № А56115210/2020: определение от 24.03.2022 № 307ЭС221926 // КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=706053&dst=100014&date=08.02.2026> (дата обращения: 08.02.2026).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 52КГ164 // КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=ARB&n=467962&dst=100040&date=08.02.2026> (дата обращения: 08.02.2026).
9. Егоров А. В. Обход закона: использование дозволенной правом формы ради запрещенной правом цели // Вестник международного коммерческого арбитража. 2011. № 2. С. 170–190.
10. Казанина Т. В., Шагиева Р. В. Принцип добросовестной конкуренции в предпринимательском праве в контексте проблем правового регулирования экономической деятельности // Образование и право. 2016. № 10.
11. Кожевников И. Н. Правовая природа недобросовестной конкуренции по законодательству России, Германии и Франции // Юрист. 2021. № 1. С. 54–59.
12. Макаров О. В. Правовые проблемы формирования конкурентной среды в строительстве // Конкурентное право. 2023. № 2. С. 27–29.
13. Письмо ФАС России «Рекомендации по недопущению гринвошинга в маркетинговой коммуникации» // КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=488883&dst=100040&date=08.02.2026> (дата обращения: 08.02.2026).
14. Промышленный шпионаж: как доказать нарушение и взыскать убыток // Адвокатская газета, 12.01.2021. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/promyshlennyy-shpionazh-kak-dokazat-narushenie-i-vzyskat-ubytok/> (дата обращения: 08.02.2026).

Импатриация как стратегия привлечения мигрантов в Российскую Федерацию: ценностный подход

Докшин Дмитрий Валерьевич, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье рассматривается феномен импатриации как целенаправленной миграционной политики Российской Федерации по привлечению иностранных граждан, разделяющих российские духовно-нравственные ценности. Анализируются критерии ценностной совместимости в российском правовом поле, вырабатываются рекомендации по корректровке нормативных положений.

Ключевые слова: импатриация, импатриант, ценности, миграционная политика, иностранные граждане.

В целях реализации государственной миграционной политики принят ряд документов стратегического планирования, которые определяют ее основные задачи. Одной из таких задач, согласно утвержденной президентом Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, является прием в российское гражданство иностранных граждан, способных ввиду своей высокой квалификации внести вклад в развитие российской экономики, науки, профессионального образования, искусства, а также разделяющих российские духовно-нравственные ценности [1]. В отношении данной категории иностранных граждан широкое распространение получает термин «импатриант». Ранее термин использовался в СМИ и некоторых научных работах, в настоящее время его активно употребляет Агентство стратегических инициатив (далее — АСИ). Задача привлечения импатриантов в Россию целенаправленно реализуется с момента издания президентом указа об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности. Указ

устанавливает требования, которым должны соответствовать данные лица, и базовые меры поддержки [2]. Конкретизирует условия распоряжение Правительства РФ, в котором содержится перечень иностранных государств, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки [3].

Практическая реализация задачи привлечения импатриантов организуется через региональные инициативы, что ведет к неоднородности предоставления социальных гарантий и нерегламентированности процедур оценки критериев ценностной совместимости. Недостаточная формализация критериев может создавать правовую неопределенность и расширять дискреционные полномочия органов, что повышает риск дискриминации в процессе отбора.

Упорядочить механизм призвана запущенная программа переселения лиц, разделяющих российские духовно-нравственные ценности. Инициатива направлена на привлечение высококвалифицированных иностранных специалистов, ученых, предпринимателей и представи-

телей творческих профессий для переезда в Россию на постоянное место жительства. Курируют программу АСИ и МВД России [4]. В рамках реализации программы АСИ одобрило рекомендательный Региональный стандарт социальной, культурной и экономической интеграции импатриантов (далее — Стандарт), цель которого обозначена как «создание условий и формирование инфраструктуры для реализации практик и решений, направленных на повышение качества и доступности процесса переезда, адаптации и трудоустройства импатриантов и членов их семей в субъектах Российской Федерации» [5].

Стоит отметить отсутствие официального закрепления термина «импатриация», что создает проблемы при оценке критериев ценностной совместимости. Для формулирования определения необходимо проанализировать положения Стандарта и документов стратегического планирования. Можно выделить следующие ключевые критерии, которым должен соответствовать импатриант:

1. Ценностноидентификационный. Характеризует степень соответствия мировоззренческих установок импатрианта традиционным российским духовнонравственным ценностям и подразумевает: признание и поддержку традиционных семейных ценностей, исторически сложившихся в российском обществе; уважение к историкокультурному наследию Российской Федерации, включая религиозные традиции народов России; приверженность принципам гуманизма, патриотизма и социальной солидарности, характерным для российской ценностной системы; позитивное отношение к многонациональному и многоконфессиональному характеру российского общества при признании его культурной самобытности.

2. Экономикопрофессиональный. Определяет вклад импатрианта в развитие экономики Российской Федерации. Включает следующие показатели: доказанный профессиональный опыт в приоритетных отраслях экономики РФ (ИТ, инженерия, медицина, наука, образование и другие); наличие уникальных компетенций, дефицитных на российском рынке труда; наличие потенциала для создания рабочих мест или развития предпринимательской деятельности на территории РФ; возможность трансферта технологий, знаний и компетенций, способствующих нацеленному развитию страны.

3. Политикоидеологический. Отражает отношение импатрианта к политикоидеологическим установкам государства его гражданской принадлежности: неприятие неолиберальных идеологических концепций, квалифицируемых в РФ как деструктивные (в том числе отрицание традиционных ценностей, радикальный индивидуализм); несогласие с государственной политикой страны исхода, активно продвигающей указанные идео-

логические установки на официальном уровне; отказ от публичной поддержки политических доктрин, противоречащих стратегическим интересам и ценностям ориентирам Российской Федерации; готовность соблюдать законодательство РФ и уважать ее суверенные решения в сфере идеологии и культурной политики.

В документах стратегического планирования политико-идеологический критерий отмечен в качестве обязательного, но в практике субъектов получил распространение подход к оценке импатрианта на основе ценностно-идентификационного и экономико-профессионального критериев. Аналогичный подход отмечает и И. П. Цапенко в рамках исследования ценностной миграции: «Хотя в широком смысле слова любая миграция имеет ценностный подтекст, в том числе и трудовая, преломляющая материальные ценности, в более узком, строгом смысле слова применительно к российской реальности под ценностной миграцией можно понимать перемещения людей, мотивируемые традиционными духовно-нравственными ценностями» [6, с. 67].

Становится возможным сформулировать понятие импатриации как целенаправленного государственного процесса привлечения иностранных граждан, разделяющих российские духовно-нравственные ценности, с учетом их потенциальной роли в долгосрочном социально-культурном развитии общества. В данном определении подчеркивается ценностная и экономико-профессиональная направленность отбора импатриантов.

В целях обеспечения правовой определенности перед широким внедрением Стандарта субъектами Российской Федерации требуется закрепить в нем понятие импатриации и критерии отбора импатриантов. В целях оптимизации механизма отбора кандидатов на импатриацию представляется целесообразным внести в существующую систему оценки следующие коррективы:

1. Усилить роль экономико-профессионального критерия, так как механизмы импатриации все больше ориентируются на удовлетворение кадровых потребностей.

2. В отношении ценностно-идентификационного и политико-идеологического критериев — внедрить диспозитивную норму, предусматривающую: возможность альтернативного соответствия одному из указанных критериев; право выбора претендентом приоритетного направления оценки; упрощение процедуры отбора при соответствии хотя бы одному из двух критериев.

Таким образом, анализ правовых основ показал, что формулировки и концептуальные определения импатриации и критериев оценки импатриантов должны быть включены в нормативную базу, чтобы применение соответствующих правовых механизмов стало более эффективным.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». — Текст: электронный // Доступ из справочной правовой системы «Кодекс». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1314187245> (дата обращения: 20.05.2026).

2. Указ Президента РФ от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности». — Текст: электронный // Доступ из справочной правовой системы «Кодекс». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1306970706> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.09. 2024 № 2560-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям». — Текст: электронный // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410316959/> (дата обращения: 20.05.2026).
4. В Россию — по клику: запущен сервис для привлечения зарубежных профессионалов. — Текст: электронный // Агентство стратегических инициатив: официальный сайт. — URL: <https://asi.ru/news/207198/> (дата обращения: 20.05.2026).
5. Региональный стандарт социальной, культурной и экономической интеграции иммигрантов, в том числе совместно с членами их семей. — Текст: электронный // Агентство стратегических инициатив: официальный сайт. — URL: <https://asi.ru/library/main/204516/> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Цапенко И. П. Ценностная миграция в Россию. Анализ и прогноз / И. П. Цапенко. — Текст: непосредственный // Журнал ИМЭМО РАН. — 2025. — № 4. — С. 61–77.

Некоторые уголовно-правовые аспекты массовых беспорядков в исправительных учреждениях

Дубограй Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры
Смоленский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению и изучению основных причин и условий совершения осужденными массовых беспорядков и преступлений в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: осужденные, массовые беспорядки, дезорганизация, исправительные учреждения.

Some criminal law aspects of mass riots in correctional facilities

The article is devoted to the study of the main causes and conditions of mass riots and crimes committed by convicts in correctional facilities.

Keywords: convicts, mass riots, disorganization, correctional facilities.

В настоящее время уголовно-исполнительная система Российской Федерации является одним из показательных примеров среди остальных силовых структур по уровню развития и совершенствования. За последние годы законодатель разработал в уголовно-исполнительную политику новые нормативно-правовые акты, совершенствовал внутренние приказы, внедрил новое направление в служебной деятельности, такое как пробация, продолжает вести воспитательные и профилактические мероприятия, способствующие исправлению осужденных.

Однако, несмотря на все предпринятые попытки улучшить качество выполнения задач, возложенных на сотрудников уголовно-исполнительной системы, способствующих исправлению осужденных, все равно возникают случаи совершения осужденными противоправных действий, направленных на подрыв порядка содержания, отбытия наказания.

Наибольшую опасность представляют собой массовые беспорядки, поскольку посягают не только на условия

и порядок отбытия наказания, но и на личность, собственность, общественный порядок в колониях и следственных изоляторах и другие объекты, охраняемые законом.

Законодателем приведено определение массовых беспорядков, которое закреплено в ст. 212 УК РФ, и подразумевает под собой действия, совершенные субъектами, сопровождавшиеся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти [2]. Анализ приведенной статьи позволяет утверждать: ключевым условием реализации противоправных действий в местах лишения свободы выступает обеспеченность виновного нужными приспособлениями и средствами. Данный факт тесно корреспондирует с вопросом нелегального перемещения запрещенных предметов через периметр исправительного учреждения, так как отсутствие подобных объектов ис-

ключает саму возможность совершения большинства незаконных операций (в том числе насильственных актов, самовольного оставления территории, кустарного производства запрещённых веществ). Следовательно, ревизия и ограничение оборота средств и приспособлений являются фундаментом режимной системы в исправительном учреждении, а конфискация и блокировка каналов доставки выступают обязательным элементом системы сдерживания нарушений.

В связи с этим, хотелось бы привести наглядный случай совершения массовых беспорядков осужденными, произошедший осенью 2007 года, в ВК-2 ГУФСИН России по Свердловской области. [3]

Бунт был организован несовершеннолетними осужденными, так называемыми «черноходами», что в свою очередь означает группу молодых людей, пытающихся завоевать авторитет в криминальном мире. Вечером, после отбоя, группа осужденных, насчитывавшая около 40 лиц, неожиданно начала предпринимать попытки к порче имущества. Переломав всю имеющуюся в камерах мебель, вырвав прутья из кроватей, они взяли в заложники пятерых охранников, вошедших для устранения надвигавшегося волнения.

Выйдя из помещений барачков, они направились в сторону ограждения в целях дальнейшего совершения побега. По пути, в целях устранения препятствия к совершению намеченных действий, они забили арматурой дежурного по воспитательной части, а также пытались взобраться на вышки, откуда женщины-часовые открыли по ним огонь на поражение.

В тот вечер погиб один из осужденных, взбунтовавшиеся, увидев, что несут потери, начали отступать на территорию лагеря и подожгли его.

Приехавшие на место происшествия пожарные расчеты и несколько автобусов со спецназом ГУФСИН не смогли потушить пожар и подавить бунт из-за того, что осужденные не пропускали их на территорию лагеря.

Спецназ, прикрываясь щитами, с помощью специальных средств и предупредительных выстрелов стал теснить осужденных и в конце концов загнал их в спальные бараки. К 2 часам бунт был подавлен, после чего пожарные расчеты смогли приступить к ликвидации пожара.

Исходя из рассмотренной практики, мы можем выделить следующие особенности массовых беспорядков:

1. Распределение ролей в рамках соучастия (обязательное наличие организатора). С позиций учения о соучастии в преступлении массовые беспорядки никогда не носят стихийного характера. В структуре подобных деяний всегда присутствует ключевая фигура — организатор. Именно он выступает инициатором противоправных событий, осуществляет вербовку и сплочение других лиц, определяет направленность их действий. В пенитенциарной среде организаторами, как правило, становятся осужденные с устойчивыми криминальными установками, которые целенаправленно провоцируют окружающих на агрессивное неприятие режимных требо-

ваний, открытое неподчинение администрации и совершение иных деструктивных поступков. Без организатора массовые беспорядки утрачивают системный характер и распадаются на отдельные разрозненные правонарушения. Свою агитационную деятельность организатор строит на апелляции к реально существующим либо субъективно воспринимаемым проблемам, накопившимся в учреждении: недовольство условиями содержания (скученность, антисанитария, некачественное питание), наличие серьёзных нарушений режимных требований, функционирование группировок осужденных с деструктивной направленностью, случаи превышения сотрудниками должностных полномочий, необоснованное, с точки зрения спецконтингента, помещение в ШИЗО, ПКТ либо ЕПКТ, общая социальная обстановка в обществе, транслирующая идеи неподчинения власти.

2. Субъектная характеристика участников (неопределённый круг лиц). С точки зрения субъектного состава, в подобных инцидентах задействуется заранее не установленное (неопределённое) множество лиц. Точное количество участников, их персональный состав и степень вовлечённости на начальном этапе, как правило, не поддаются фиксации. Каждый из таких субъектов, не входя в устойчивое организованное формирование, тем не менее добровольно или под влиянием групповой динамики присоединяется к противоправным действиям, разделяя и поддерживая общую деструктивную идею, предложенную организатором.

3. Специфика объекта преступного посягательства (двухобъектный состав). В отличие от массовых беспорядков, совершаемых на свободе, пенитенциарные бунты посягают одновременно на две группы общественных отношений. Первая — это установленный порядок отбывания наказания и режимные требования (основной объект по ст. 212 УК РФ). Вторая — нормальная деятельность администрации исправительного учреждения, а также жизнь и здоровье сотрудников уголовно-исполнительных учреждений, что дополнительно охраняется ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества). Таким образом, массовые беспорядки в исправительных учреждениях практически всегда содержат совокупность преступлений.

4. Специфика орудий и предметов совершения преступления. Объективная сторона массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ) требует наличия насилия, погромов, поджогов либо использования оружия или взрывчатых веществ. В условиях исправительного учреждения доступ к боевому оружию и взрывчатке практически исключён, поэтому в качестве орудий используются предметы бытового и производственного назначения: арматура, прутья от кроватей, куски мебели, заточки, самодельные горючие смеси («коктейли Молотова»), а также элементы системы отопления и водоснабжения. С уголовно-правовой точки зрения, применение таких предметов приравнивается к использованию оружия, если они фактически применялись для причинения вреда здоровью или угрозы его причинения.

Однако, главенствующим фактором, помимо перечисленных причин, является обстановка в обществе, непосредственно оказывающую влияние на уголовной-исполнительную систему Российской Федерации.

Стоит также упомянуть, что исправительные учреждения различны по внутреннему устройству: режиму отбывания наказания, условия содержания спецконтингента. Именно поэтому наименьшее количество бунтов распространены в исправительных колониях особого режима и тюрьмах, поскольку в данных учреждениях не только ведется усиленное несение службы сотрудниками, но и заметно существенное отличие содержащегося в них спецконтингента — разобщенные интересы, а также изоляция большей части осужденных друг от друга, что в какой-то степени является препятствием организации и совершению массовых беспорядков.

В общих чертах, на функционирование исправительных учреждений влияют две группы факторов: внутренние и внешние.

Внутренние факторы обусловлены процессами, происходящими внутри исправительных учреждений. Такими могут являться неудовлетворительные условия содержания спец контингента, наличие грубых нарушений в исправительных учреждениях, наличие сформированных группировок осужденных с негативно настроенным отношением к режиму, администрации учреждения, и многие другие. [3, с. 42]

Внешние факторы обусловлены процессами, протекающими за пределами исправительных учреждений, проис-

ходящих во внешней среде: географическое расположение исправительного учреждения, характер местности, другие.

Массовые беспорядки бесспорно по умолчанию несут в себе повышенную опасность ввиду своей организованности, количеству участников, идейности к совершению противоправных действий. Помимо перечисленных характерных черт, стоит помнить, что бунты влекут за собой разрушения и жертвы.

Массовые беспорядки в исправительных учреждениях обладают повышенной общественной опасностью в силу организованности, многочисленности участников и идейной направленности на совершение противоправных действий, неизбежно влекущих разрушения и человеческие жертвы.

В целях предупреждения и пресечения подобных деяний необходимо:

1. Активизировать воспитательную и разъяснительную работу со спецконтингентом, доводя до сведения осуждённых реальные санкции по ст. 212 и ст. 321 УК РФ.
2. Организовать оперативное реагирование на любые конфликтные ситуации между сокамерниками.
3. Своевременно выявлять и изолировать осуждённых с отчётливо выраженными отрицательными установками, используя механизмы ст. 321 УК РФ для пресечения насилия в отношении персонала на ранних стадиях.
4. Усилить контроль за недопущением проникновения запрещённых предметов, которые могут быть использованы в качестве орудий совершения преступлений (металлические прутья, арматура, горючие смеси).

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. № 25. Ст. 2954.
2. Бунт в ВК-2 ГУФСИН России по Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/816086>
3. Некрасов А. П. Причины и условия массовых беспорядков в исправительных учреждениях России // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстана. 2011. С. 41–45.

К вопросу о развитии туристической деятельности в национальных парках

Еремеева Полина Витальевна, студент;

Моисеенко Татьяна Витальевна, студент

Научный руководитель: Плотникова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В настоящее время туристическая деятельность выступает неотъемлемым элементом современной культуры. Её развитие напрямую отражает уровень развития государства, задавая стандарты качества жизни и подерживая физическое здоровье населения. Законодателем данный подход заложен в основу экологического туризма. В соответствии с ГОСТ Р 56642–2021 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» под экологи-

ческим туризмом следует понимать деятельность, направленную на организацию путешествий в различных формах природного туризма, ориентированную на изучение природы и культурных достопримечательностей, бережное отношение к природе и содействие в ее сохранении [1, с. 1].

Следует отметить, что данная деятельность имеет первостепенное значение для функционирования национальных парков. Это объясняется тем, что в статье 13 Федерального

закона «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 N 33-ФЗ (далее — Закона об ООПТ) определены основные задачи национальных парков. В настоящее время в РФ развитие туризма выступает приоритетным направлением. В научной литературе акцентируется внимание на том, что именно это направление является основополагающим для создания национальных парков [2, с. 10].

Так, в решении Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № АКПИ16–2 по спору о Сочинском национальном парке суд указал, что рекреационная зона предназначена для рекреационной деятельности и размещения объектов туристической индустрии, напрямую связав это с задачей создания условий для регулируемого туризма и отдыха [3]. Следовательно, позиция Верховного суда РФ не только констатирует функциональное назначение рекреационной зоны, но и подтверждает, что именно туристическая деятельность выступает ключевым элементом правового режима национальных парков, определяющим содержание их правового статуса.

В связи с этим в 2023 году Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] в Закон об ООПТ были внесены изменения. Так, добавлен раздел «Рекреационная деятельность в национальных парках», который свидетельствует не только о том, что туристическая деятельность является основной целью создания национальных парков, но и о том, что законодатель устанавливает правовые механизмы, направленные на развитие данной деятельности.

Однако, несмотря на важную роль туризма, основная часть национальных парков (порядка 30 из 50) демонстрирует низкий уровень посещаемости. Из 50 парков около 30 принимают не более 15–20 тыс. туристов ежегодно: «Кенозерский» — около 15 тыс. чел.; «Водлозерский» — 8–9 тыс. чел., «Югид-Ва» — примерно 6 тыс. чел [2, с. 18]. В научной литературе выделяют некоторые причины низкого уровня посещаемости. Так, Джанджугазова Е. А. указывает на следующие: плохая транспортная доступность,

отсутствие необходимой инфраструктуры, недостаток интересных туристских программ и маршрутов, слабая информационная поддержка и др. [5, с. 57].

Следует отметить, что среди выделяемых причин отсутствия необходимой транспортной инфраструктуры является наиболее существенной. Обратим внимание, что за прошедшие два года в российских городах ликвидировано 70 маршрутов наземного транспорта [6]. Сложившаяся динамика существенно ограничивает физическую доступность национальных парков, усиливая негативное влияние инфраструктурного фактора.

Также следует отметить, что не менее важной проблемой является отсутствие надлежащего уровня инфраструктуры в национальных парках. В данном случае под таким уровнем инфраструктуры понимаются маркированные экологические тропы, настилы на сложных участках, информационные указатели, контейнеры для отходов и другие объекты, указанные в Распоряжении Правительства РФ от 26 августа 2023 года N 2294-р. Следовательно, данное внедрение позволит повысить уровень посещаемости национальных парков, сделав их более доступными для граждан.

Вышеизложенное нашло отражение в послании Президента РФ, В. В. Путина, Федеральному Собранию, в котором он отметил, что к 2030 году во всех национальных парках страны должна быть создана инфраструктура для экологического туризма [7].

Таким образом, экологический туризм является основной функцией национальных парков, что закреплено законодательно и подтверждено судебной практикой. Однако, реальная посещаемость большинства национальных парков остаётся низкой. Основной причиной является неразвитость транспортной и внутренней инфраструктуры. В этой связи создание инфраструктуры экологического туризма во всех национальных парках к 2030 году, обозначенное Президентом РФ как приоритетная задача, выступает обязательным условием повышения их доступности и устранения сложившихся диспропорций.

Литература:

1. ГОСТ Р 56642–2021. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования. — Москва: Российский институт стандартизации, 2022.
2. Максаковская Н. С., Максаковский Н. В. Национальные парки России как основа природоохранного каркаса территории страны и ресурс развития туризма // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2017. № 1 (25). С. 10.
3. Решение Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № АКПИ16–2 // ZakonRF. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/887d660a66de7e80158648d634dfdbfc/> (дата обращения: 31.03.2026).
4. Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ (с изм. и доп. от 04.08.2023 № 448-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. Режим доступа: [электронный ресурс].
5. Джанджугазова Е. А. Развитие экологического туризма на территории национальных парков России // Российские регионы: взгляд в будущее. 2019. № 2. С. 57.
6. В российских городах ликвидировано 70 маршрутов наземного транспорта // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/03/2026/69aa3c309a79471c776321d9> (дата обращения: 22.04.2026).
7. Путин призвал создать в нацпарках инфраструктуру для экологического туризма // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/02/29/putin-prizval-sozdat-v-nacparkah-infrastrukturu-dlia-ekologicheskogo-turizma.html> (дата обращения: 21.04.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 03.06.2026. Дата выхода в свет: 10.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.